

**СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИСТИКА:
КУЛЬТУРА И СОЦИУМ В КАЛЕЙДОСКОПЕ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА**

Под общей редакцией Е.Г. Хомяковой

Санкт-Петербург
2021

УДК 811.111
ББК 81.2
С64

Авторы: Е. Г. Хомякова (Введение); Т. П. Третьякова, А. В. Булавченко (гл. I); Е. Г. Хомякова, К. А. Мараховская (гл. II); Е. А. Кованова, Д. Б. Щечкина (гл. III); Н. Ф. Щербак, М. Р. Рябыш (гл. IV); Т. И. Петухова, А. А. Скопина (гл. V); О. В. Каменева, А. Е. Джамелашвили (гл. VI); Е. В. Троценкова, Н. Д. Потапова (гл. VII); О. В. Емельянова, Е. А. Травина (гл. VIII); И. В. Толочин, А. А. Власова (гл. IX); Н. Ю. Соколова, А. В. Варданян (гл. X)

Рецензенты: Н. М. Тимченко, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета; Е. В. Родионова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Научные редакторы: О. В. Емельянова, кандидат филологических наук, доцент; Т. И. Петухова, кандидат филологических наук, доцент; Е. В. Троценкова, доктор филологических наук, профессор; Е. Г. Хомякова, доктор филологических наук, профессор (отв. ред.)

С64 Современная англистика: культура и социум в калейдоскопе англоязычного дискурса : монография / Под общей ред. Е.Г. Хомяковой. – СПб. : Астерион, 2021. – 200 с.

ISBN 978-5-00188-125-4

Коллективная монография представляет собой полиаспектное исследование своеобразия репрезентации англоязычного дискурса на современном уровне развития антропоориентированной лингвокультурологической парадигмы, проведенное филологами-англистами СПбГУ. В ней представлены результаты научно-исследовательской деятельности, осуществляемой совместно с бакалаврами, магистрантами и аспирантами СПбГУ. Основное внимание уделяется изучению своеобразия репрезентации в англоязычных текстах различной жанровой принадлежности таких лингвокультурных категорий, как ценностный концепт, картина мира, эмотивность, которые исследуются с помощью методов когнитивно-семантического, прагма-коммуникативного, лингвокультурологического анализа языковой объективации этно- и социополитического взаимодействия культур.

Предназначена лицам, профессионально занимающимся проблемами лингвистики, философии языка, социо- и психолингвистики, лингвокультурологии, а также студентам старших курсов, магистрантам, аспирантам, преподавателям, специалистам-германистам.

ISBN 978-5-00188-125-4

© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
РАЗДЕЛ 1. Исследования полифункциональности англоязычного дискурса	
Глава I. В поиске дискурсивных функций экспрессивных высказываний современного англоязычного твиттера (Т. П. Третьякова, А. В. Булавченко).....	10
Глава II. Прагма-семантические параметры англоязычных текстов спортивных комментаторов (К. А. Мараховская, Е. Г. Хомякова).....	26
Глава III. Лингвокультурологический анализ репрезентации классовых стереотипов в британском публицистическом дискурсе (Е. А. Кованова, Д. Б. Щечкина).....	45
Глава IV. Репрезентация концепта theatre в англоязычном публицистическом дискурсе (Н. Ф. Щербак, М. Р. Рябыш).....	66
Глава V. Интерпретация шотландского искусства в англоязычном искусствоведческом дискурсе (А. А. Скопина, Т. И. Петухова).....	85
Глава VI. Сравнительно-сопоставительное исследование дискурса научно-популярных англоязычных глоссариев по пандемии коронавируса COVID-19 (А. Е. Джамелашвили, О. В. Каменева).....	103
РАЗДЕЛ 2. Исследование прагма-коммуникативных параметров англоязычного дискурса	
Глава VII. Сигналы саркастической оценки в англоязычном онлайн-общении: варианты дискурсивных маркеров (Н. Д. Потапова, Е. В. Троценкова).....	118
Глава VIII. Авторское выражение благодарности как разновидность паратекстовых элементов (прагма-коммуникативные характеристики) (О. В. Емельянова, Е. А. Травина).....	132
Глава IX. Общественная дискуссия по вопросам иммиграции в США: анализ эволюционных тенденций (И. В. Толочин, А. А. Власова).....	152
Глава X. Прагма-коммуникативный аспект актуализации наивных представлений о языке в англоязычном блогодискурсе (Н. Ю. Соколова, А. В. Варданян).....	166
Список использованных источников	183

ВВЕДЕНИЕ

Коллективная монография «Современная англистика: культура и социум в калейдоскопе англоязычного дискурса» – результат работы ученых-филологов СПбГУ, представляет собой продолжение серии «Современная англистика», первый выпуск которой «Современная англистика: языковая палитра культуры» вышел в 2020 году и был посвящен существующим подходам к изучению лингвокультурологических категорий современной лингвистической науки.

Работа, представленная вашему вниманию, выполнена в рамках современной антропоориентированой лингвистической парадигмы и репрезентирует исследования, которые проводятся совместно с выпускниками СПбГУ: бакалаврами, магистрами, аспирантами, чьи выпускные квалификационные работы отличают своевременность, востребованность, актуальность и новизна научных подходов, а полученные результаты и их теоретическая и практическая значимость способствуют дальнейшему развитию современной лингвокультурологической прагма-когнитивной парадигмы.

В главах коллективной монографии исследуются не только языковые, но и лингво-философские категории и явления: ценностные концепты, картина мира, ценности, стереотипы, оценка. Отличительной особенностью данной работы является то, что языковой анализ проводится на полижанровом материале англоязычных текстов, репрезентирующих дискурсивное пространство языка. Исследованию подвергаются языковые репрезентанты различных категорий современной лингвистики, которые функционируют в рамках социокультурологического, спортивного, публицистического, искусствоведческого дискурсов, блогодискурса и интернет-дискурса, а также понятийно-содержательных параметров лексикографических источников. Отличительными особенностями исследований являются полижанровость текстового материала, многоуровневость методов, используемых для анализа языкового материала.

Интерес авторов монографии к англоязычному дискурсивному пространству не является случайным. Хотя дискурс давно привлекает

философов языка, в последнее время все чаще можно услышать точку зрения, согласно которой эта категория рассматривается как некая современная лингвистическая парадигма. Учитывая важность и востребованность исследований дискурсивных практик и применения дискурс-анализа для описания своеобразия функционирования языка на материале различных языковых источников, авторы монографии тем не менее придерживаются концепции, согласно которой современная лингвистическая парадигма отличается прагмалингвистическим функциональным подходом с учетом лингвокогнитивных параметров текстового материала.

Для лингвистики современная парадигма отмечена целым рядом общих характеристик, которые определяют и координируют стратегическое единство целей, задач и методов исследования. Поставив в центр лингвистических исследований человека, прагматика вывела на первый план вопросы, связанные с проблемами коммуникативного общения, речемыслительной и познавательной деятельности человека, успешное решение которых в настоящее время трудно было бы представить без учета когнитивных и лингвокультурологических постулатов.

Таким образом, дискурс рассматривается в данной работе скорее не как этап развития науки о языке, а как объект лингвистического анализа, динамично эксплицирующий «речь, погруженную в жизнь». Именно в этой связи особое внимание в монографии уделяется изучению прагма-коммуникативных проявлений социокультурных антропоцентричных связей носителей языка, репрезентируемых в текстах различной жанровой отнесенности и доступных для лингвистического описания.

Избранный подход позволил собрать в одном труде «Современная англистика: культура и социум в калейдоскопе англоязычного дискурса» различные на первый взгляд проблемы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, объединенные темой дискурсивных исследований, и выделить в собранном материале два раздела. Первый – «Исследования полифункциональности англоязычного дискурса» – включает главы, посвященные проявлениям языковых реалий в текстах различной жанровой принадлежности, репрезентирующих дискурсивное пространство англоязычной культуры.

Первая глава «В поиске дискурсивных функций экспрессивных высказываний современного англоязычного Твиттера» посвящена

анализу функций экспрессивных синтаксических структур в дискурсе англоязычного сегмента Твиттера, в ходе которого делается вывод о том, что выбор экспрессивных форм во многом определяется личностью коммуниканта и обсуждаемой ситуацией, что свидетельствует о культурных стереотипах общения. Экспрессивные синтаксические структуры в текстах твитов определяются по линии конденсации его информационного пространства и выявляются при условии наличия безглагольных высказываний и эллиптических структур. В исследовании значительное внимание уделяется выявлению сходства и различий в использовании экспрессивных лингвистических и паралингвистических средств в зависимости от типа дискурса.

Во второй главе раздела – «Прагма-семантические параметры англоязычного спортивного дискурса» – изучаются прагма-семантические параметры англоязычных текстов спортивных комментаторов на основе онлайн-скриптов комментаторов футбольных матчей. В результате исследования выделяются основные виды речевых актов спортивного комментария, а также описывается языковая экспликация оценочных, эмоциональных и событийных параметров комментирующего текста и особенности репрезентации оппозиции «свой – чужой».

Третья глава – «Лингвокультурологический анализ репрезентации классовых стереотипов в британском публицистическом дискурсе» – посвящена исследованию содержания классовых стереотипов, распространенных в современном британском обществе, а также анализу их языковой репрезентации в публицистике. В работе в результате анализа англоязычного дискурса выявлены и классифицированы средства выражения классовых стереотипов на различных уровнях языковой системы, а также продемонстрировано, что они обладают значительным потенциалом как инструменты манипуляции общественным мнением.

Четвертая глава – «Анализ способов репрезентации концепта THEATRE в англоязычном публицистическом дискурсе» – изучает многообразие языковых актуализаций концепта THEATRE в общественно-политическом дискурсе. Анализ функционирования в языке локативной ситуации с ядернообразующим компонентом *theatre* показывает, что исследуемый концепт, репрезентирующий в языке значения *institution, building/stage, entertainment, writing/performing plays, profession, spectators, spectacle*, может реализовываться как

с положительной и отрицательной, так и с нейтральной эмотивной оценкой, а его образные и статусные характеристики могут быть представлены целым комплексом лексем-репрезентантов. Проведенный анализ позволил авторам прийти к выводу о том, что ценностные характеристики концепта в британской культуре представляют собой психоэмоциональную компенсацию жесткой самодисциплины англичан, сопряженную с театральным представлением.

Пятая глава – «Оценочная интерпретация шотландского искусства в англоязычном искусствоведческом дискурсе» – отражает многоуровневый анализ англоязычного искусствоведческого дискурса, для чего исследуется специфика оценочной интерпретации шотландского искусства англоязычными экспертами, представляющими различные лингвокультурные сообщества. В главе авторы анализируют когнитивные механизмы формирования оценочного смысла, языковые средства актуализации оценки, а также исследуют проблему интерференции дискурсов. Значительное место в работе уделяется выявлению прагматической направленности искусствоведческих текстов, которая, как показывает анализ, зависит от национально-культурной принадлежности эксперта.

В главе шестой монографии – «Сравнительно-сопоставительное исследование дискурса научно-популярных англоязычных глоссариев по пандемии коронавируса COVID-19» – рассматриваются характеристики особого типа нормативного словарного дискурса, посвященного анализу языка англоязычных глоссариев. Пандемия явилась серьезным потрясением для мирового сообщества, что не могло не отразиться на лексическом составе многих языков и на языковой картине мира англоязычного социума. В частности, новыми условиями жизни объясняется появление новых слов и выражений в английском языке, а также актуализация многих терминологических единиц вследствие их перехода из специальных сфер функционирования в общее употребление. В связи с появлением нового дискурса возникла, по мнению авторов главы, необходимость в толковании и систематизации новых понятий. Проведенное лингвистическое исследование является попыткой описания и сравнительно-сопоставительного анализа понятийно-терминологического аппарата одноязычных тематических глоссариев по пандемии коронавирусного заболевания, передающих основные структурно-содержательные характеристики новой картины мира в период коронавирусной пандемии.

Второй раздел коллективной монографии – «Исследование прагма-коммуникативных параметров англоязычного дискурса» – посвящен анализу коммуникативной репрезентации англоязычного дискурса во всем жанровом многообразии его проявлений. Седьмая глава раздела – «Сигналы саркастической оценки в англоязычном онлайн-общении: варианты дискурсивных маркеров» – посвящена разработке классификации типов дискурсивных маркеров сарказма в англоязычных онлайн-дискуссиях и описанию особенностей их функционирования с учетом дискурсивного и социокультурного контекста. Материалом для исследования послужили предвыборные онлайн-дискуссии в США, а именно англоязычные комментарии пользователей социальных сетей и онлайн-форумов. Дискурсивные маркеры сарказма рассматриваются авторами как частично десемантизированные и синтаксически отделимые от основного высказывания единицы, которые обладают прагматической функцией усиления саркастического эффекта высказывания, а также функцией привязки высказывания как к языковому контексту, так и к глобальному дискурсивному контексту.

В восьмой главе – «Авторское выражение благодарности как разновидность паратекстовых элементов (прагма-коммуникативные характеристики)» – изучаются структурные лингвопрагматические характеристики авторского выражения благодарности, которые, представляя собой малоформатную разновидность текста, являются неотъемлемой частью как научного, так и художественного дискурса. Авторы находят подтверждение тому, что как дискурсивный жанр выражение благодарности, выполняя ритуально-этикетную функцию выражения признательности, является формой реализации ответного этикетного действия, задаваемого правилами социального поведения, что позволяет расширить представление о человеке и его языковых проявлениях в разных видах коммуникативных ситуаций.

Глава девятая – «Общественная дискуссия по вопросам иммиграции в США: анализ эволюционных тенденций» – представляет сравнительный структурно-семантический анализ гражданских форумов по иммиграции за 2005 и 2018 годы. Общественная дискуссия рассматривается в ходе исследования как целостный текст, состоящий из высказываний участников, и анализируется с помощью трехуровневой аналитической модели, выделяющей три типа ценностных суждений: Темы, Идеалы, Сценарии. Результаты проведенного

исследования позволяют выявить и зафиксировать значимые идеологические сдвиги и изменения в формулировании участниками социальных проблем.

В десятой главе монографии – «Прагма-коммуникативный аспект актуализации наивных представлений о языке в англоязычном блогодискурсе» – авторы основывают свое исследование на предположении, что стремительное развитие информационных технологий оказывает необратимое влияние на способы коммуникации, передачи знаний и обмена суждениями. Вовлечение в интернет-пространство широкой аудитории, как и высокая скорость распространения информации, поднимают вопросы, связанные с прагма-коммуникативными параметрами речевого взаимодействия в новых условиях функционирования дискурса. В работе анализируются фрагменты англоязычного блогодискурса, в которых актуализируются обиходные воззрения на язык, его свойства, выявляются основные мифологемы о языке, являющиеся частью сознания англоговорящей языковой личности. Вместе с тем предпринимается попытка определить интенциональные и коммуникативные установки адресанта, транслирующего суждения о языке, и проследить связь между его предполагаемыми целями и лингвистической репрезентацией языковых мифологем.

Авторы коллективной монографии полагают, что результаты проведенных исследований в области англоязычного дискурсивного пространства могут быть востребованы научным сообществом и будут способствовать дальнейшему развитию современной лингвистической парадигмы, отличительными характеристиками которой являются ее очевидная междисциплинарность, антропоориентированность и дискурсивная полижанровость.

Е.Г. Хомякова

РАЗДЕЛ 1. ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

ГЛАВА I. В ПОИСКЕ ДИСКУРСИВНЫХ ФУНКЦИЙ ЭКСПРЕССИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТВИТТЕРА

(Т. П. Третьякова, А. В. Булавченко)

Изучение современных форматов форм электронных способов коммуникации уже давно определилось в лингвистике как отдельное направление исследования. В частности, культура общения и новые мультимодальные способы существования дискурса во многом связаны с поиском реализации достаточно емких и выразительных средств выражения, которые в лингвистике соотносятся с категорией экспрессивности. Выразительность средств электронного общения с хештегами, мемами, эмодзи и иными формами визуализации информации стала предметом изучения в качестве отдельных семиотических средств выражения. При этом и вербальные средства также приобретают особую специфику реализации экспрессивности. Формы выбора экспрессивных форм во многом определяются личностью коммуниканта и тематикой обсуждаемой ситуации.

Несмотря на наличие таких специфических черт в блоге Твиттера, как отсутствие зрительного контакта и невозможность воспринимать интонационный потенциал эмоционально нагруженной речи, а также ограничение количества передаваемых символов, коммуниканты добиваются возможности достичь определенного эмоционально-экспрессивного эффекта с помощью приемов поликодовой интернет-коммуникации. При этом постоянно учитывается компрессия взаимодействия норм устной и письменной речи, в результате которой происходит становление особого типа интерактивного процесса, связанного с быстрым обменом высказываниями.

Посылка, на которой основано настоящее исследование, определяется тем, что каждое из экспрессивных высказываний в рамках

твиттер-коммуникации вписывается в дискурсивный контекст, создающийся в определенном смысловом поле участниками коммуникации. Дискурсивные функции определяются как особый функционально-семантический потенциал высказываний в рамках коммуникативного взаимодействия.

Цель настоящего исследования заключается в определении типов английских экспрессивно-синтаксических структур и их основных дискурсивных функций в одном из видов персонального Твиттера-аккаунта. Для анализа были отобраны твиты Илона Маска – одного из популярных и влиятельных фигур современного англоязычного PR-дискурса, за период с 01.01.2021 по 30.05.2021 (*Elon Musk@elonmusk*). Причем тематика твитов связана с выводом на орбиту массивного космического корабля *Starship* (<https://t.co/1pNMpc57Q2>). Обращение к этому материалу позволяет говорить о культурно-специфических элементах современного экспрессивного синтаксиса английского языка, существующего в одном из распространенных жанров социальной сети.

В связи с развитием глобальных компьютерных сетей (Интернета) появляется необходимость описания нового вида коммуникации, такого как блоги, относящиеся к компьютерно-опосредованной коммуникации. Одним из видов интернет-коммуникации является блог, под которым понимается двусторонняя форма сетевой коммуникации, предполагающая возможность обратной связи в виде комментариев [McQuail 2005]. В блоге автор чаще всего публикует записи, имеющие отношение к личной жизни [Herring 2004]. Основными структурными функциями блога Twitter, по мнению Е. И. Горошко, являются «ярко выраженная адресность, контекстная и ситуативная обусловленность, интерактивность, лаконичность, гибридность и конвергентность» [Горошко 2011: 1, 13-14]. Эти отличительные черты Твиттера как элемента компьютерно-опосредованной коммуникации позволяют рассматривать каждый из твитов, как было сказано выше, в рамках дискурсивного контекста с тем или иным доминантным значением и авторским способом проявления выразительности.

Теоретической основой определения экспрессивных синтаксических структур послужили достижения современной теории экспрессивности, которая связана, прежде всего, с эмоционально-оценочным значением высказываний [Шаховский 2008]. При этом экспрессивность первоначально рассматривалась лишь как

добавочный компонент значения, направленный на усиление эмоционального выражения. В основном исследователи сходятся во мнении, что экспрессивность наблюдается на всех уровнях языка, в том числе и на синтаксическом уровне [Харченко 1976: 68; Тошович 2006: 64; Арнольд 2007]. При этом синтаксис не передает характера эмоций, но четко реагирует на их наличие или отсутствие, то есть участвует в усилении или смягчении коммуникативного намерения говорящего [Паршин URL]. Структурную реакцию такого типа на наличие и степень выраженности эмоций можно определить как экспрессивность синтаксиса. Такая реакция выражается в изменении структуры предложения по сравнению с нейтральной [Трофимова 1981: 97]. В рамках данного исследования под экспрессивными структурами понимаются структуры, направленные на усиление коммуникативных намерений, а под дискурсивными функциями – функциональный комплекс интенциональных значений в рамках доминантного интерактивного контекста. «Экспрессивная импровизация» позволяет видоизменять интенциональность высказывания, с одной стороны, добавляя эмоционально-оценочные значения, а с другой – участвуя в становлении новых и дополнительных смыслов [Третьякова 1998: 26]. Этот фактор учитывался при анализе синтаксических экспрессивных структур.

В современной лингвистической литературе нет общепризнанной классификации экспрессивных синтаксических структур, отсутствует и их законченный перечень. Существует множество классификаций в отечественной лингвистике, как, например, у И. В. Арнольд, Э. А. Трофимовой, О. В. Александровой, Е. С. Баскаковой [Арнольд 2007: 218–219; Трофимова 1981: 99–102; Александрова 1984: 29–45; 63–73; 113–126; Баскакова 2009: 11] и некоторых других. В настоящем исследовании, следуя за Т. С. Куралевой, А. Х. Абдульмановой и Е. С. Петровой, используется разделение экспрессивных структур на три группы: 1) связанные с усложнением синтаксической структуры, 2) связанные с отходом от грамматической нормы и 3) дискурсивные экспрессивные средства [Куралева, Абдульманова 2015: 314–315]. К первой группе относятся эмфатические конструкции с расщеплением, относительные предложения с присоединительной связью, парантетические вставные конструкции, псевдосравнительные структуры. Ко второй – высказывания с инверсией, с эмфатическим “do”, эллипсисом, безглагольными высказываниями, неполные предложения и нестандартные знаки препинания. В третью группу входят повтор

и парцелляция. Все указанные способы выражения экспрессивности в английском языке использовались и в проводимом исследовании.

Комплексный анализ материала проводился по этим двум направлениям, выявляя способы выражения экспрессивности в рамках четырех дискурсивных областей твитов, определяемых по функционально-семантической доминанте: 1) информативные – объявление о событии; 2) эмоционально-оценочные; 3) директивные.

I. Твиты с доминантной информативной темой: объявление о событии

Под группой твитов с условным названием «объявление о событии» понимаются высказывания, уведомляющие аудиторию о событиях, относящихся к разным временным периодам. Как правило, высказывания представляют собой комментарии коммуниканта, связанные главным образом с указанием на время и место события, а экспрессивность проявляется именно в использовании безглагольных высказываний. Например:

(1) *Am donating \$20M to Cameron County schools & \$10M to City of Brownsville for downtown revitalization. Details to follow next week.*

Первое высказывание – эллиптическое (в нем опущено подлежащее *I*), а второе – *Details to follow next week* – безглагольное (с инфинитивом в атрибутивной функции) подчеркивает серьезность намерений коммуниканта. В целом язык данного твита напоминает язык коротких сообщений в СМИ.

С помощью безглагольных высказываний И. Маск анонсирует возможный запуск пилотируемого космического аппарата *Starship*. Например:

(2)

a. *Possible Starship flight tomorrow afternoon*

b. *Starship launch tomorrow. Window opens at 9am.*

c. *2 mins to launch*

d. *5 mins to Starship test flight attempt*

Дискурсивная функция информирования о предстоящем событии, а именно о запуске космического аппарата, построена на номинации временных параметров (a–d). В некоторых случаях высказывается апелляция к собеседнику, чтобы убедить его в надежности систем:

(3) *You might see much higher download speeds on Starlink at times. Testing system upgrades.*

В первом высказывании сообщается о событии – улучшение работы системы спутникового Интернета *Starlink*, а во втором поясняется причина действия, а именно приведено сообщение о тестировании обновлений. Подобных структур высказываний с причинно-следственными связями встречается достаточно много. Например:

(4) *Due to high levels of demand for FSD Beta, adding “Download Beta” button to Service section of car display in ~10 day.*

В данном твите И. Маск пытается передать информацию с максимальной конденсацией смысла высказывания. К экспрессивным формам можно отнести также графический формат. А именно: использование заглавных букв и кавычек, а также использование тильды (~10 days) для обозначения примерной числовой информации. Все эти знаки можно отнести к компрессии.

В рамках ответной твиттер-коммуникации И. Маск также информирует и других пользователей о событиях. Например:

(5) *@IheartTesla*

Replying to @elonmusk

Elon, what about optical for people who are visually impaired or blind?

(6) *Replying to @IheartTesla*

Absolutely doable. Possibly as soon as Neuralink device version 2, highly likely by version 3.

Вопрос пользователя *@IheartTesla* начинается с неформального обращения и касается деталей оптических систем для слабовидящих. Ответный твит представлен безглагольными высказываниями, объединенными перечислением наличия системных устройств.

Достаточно информативным фактором является включение в твит невербальных компонентов коммуникации, Например, текст высказывания (6) *Mars rover looking back* сопровождается медиаматериалом – фотографией марсохода. С помощью данного безглагольного высказывания И. Маск, с одной стороны, комментирует и объясняет происходящее на изображении, а с другой – информирует аудиторию о событии – появление новой фотографии, сделанной на Марсе.

(7) *Astronauts preparing to launch to @Space_Station.*

Данный твит является размещенным на странице И. Маска ретвитом, который следует непосредственно под его комментарием твита с извещением о событии: *@NASA (A look inside the SpaceX Crew Dragon*

Endeavour spacecraft during communications checks. L-R: @Thom_Astro, @Astro_Megan, @Astro_Kimbrough, & @Aki_Hoshide). Последний твит *@NASA* является безглагольным высказыванием. Таковым является и комментарий И. Маска.

Коммуникативный дизайн Твиттера позволяет пользователям активно применять помимо средств компрессии информации элементы интертекстуальности: цитировать другие твиты, упоминать аккаунты других пользователей. В результате твиты пользователей приобретают черты гипертекста. Например:

(8) *@dogeofficialceo*

Replying to @elonmusk @WatchersTank @SpaceX

Elon, when you getting a Shiba Inu?

@elonmusk

Replying to @dogeofficialceo @WatchersTank @SpaceX

Looking at pups soon!

Пользователь *@dogeofficialceo* задает И. Маску вопрос, выражающий крайнюю заинтересованность объектом (*a Shiba Inu*). Вопрос содержит неформальное обращение – *Elon*.

В ряде случаев экспрессивность выражена с помощью восклицаний, а построение коммуникативной структуры твита можно определить как высказывание с расщепленной ремой:

(9) *Over 10,000 people are needed for Giga Texas just through 2022!*

– 5 mins from airport

– 15 mins from downtown

– Right on Colorado river

Стоит отметить, что для визуального оформления фокуса высказываний используется инициальный дефис, который позволяет представить информацию в виде отдельного списка, что можно расценивать как экспрессивное использование знаков препинания.

Ряд твитов построен по модели имплицативных структур, то есть на структурном уровне используется условное предложение:

(10) *If you want the Tesla Full Self-Driving Beta downloaded to your car, let us know. Doubling beta program size now with 8.2 & probably 10X size with 8.3. Still be careful, but it's getting mature.*

Экспрессивность проявляется в наличии безглагольного высказывания, а также обращений к собеседнику (*let us know*) и совета (*Still be careful*), утверждения в надежности бета-версии новой системы автопилота (*it's getting mature*).

Среди группы твитов <объявление о событии> достаточно часто использовались особые знаки препинания для выделения коммуникативного фокуса высказывания. Например, астериск:

(11) *Starting next week, Tesla Solar Panels & Solar Roof will only be sold as an integrated product *with* Tesla Powerwall battery.*

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о роли безглагольных эллиптических высказываний в построении экспрессивной перспективы высказываний, которая строится на компрессии представления информации, интертекстуальности, а также за счет особых знаков препинания, фиксирующих коммуникативный фокус высказываний.

II. Эмоционально-оценочные твиты

К группе относятся твиты с доминантной эмпатической функцией, основной функцией которых является выражение оценки различных объектов, испытываемых коммуникантом эмоций и личного отношения к событиям или объектам.

Прежде всего экспрессивность оценочных высказываний достигается за счет эмоционально оценочной лексики и просодики, которая связана с выражением восклицательности. Например:

(12) *Godzilla vs Kong is so amaze much wow!*

Most insane movie I've ever seen!

Love letter to conspiracy theorists!

And yet heartwarming in the end.

В данном примере экспрессивность достигается за счет трех восклицательных высказываний, каждое из которых с выражением положительной оценки фильма *Godzilla vs. Kong*. Положительная оценка высказана с помощью номинаций, выражающих положительные эмоции: *amaze* (to fill with wonder), *insane* (exceptionally good or impressive), *heartwarming* (inspiring sympathetic feeling).

(13) *Tesla AI/Autopilot engineering is awesome! Making excellent progress solving real-world AI.*

Данный твит состоит из двух высказываний: первое восклицательное высказывание является двусоставным предложением с коммуникативным фокусом на оценочном прилагательном *awesome*, а второе – безглагольным высказыванием. Твит содержит положительную оценку объекта *Tesla AI/Autopilot engineering*. Оценка выражается через номинации, содержащие в себе семы положительной оценки *awesome* (terrific, extraordinary), *excellent* (very good of its kind: eminently

good). Экспрессивность оценки достигается за счет использования структур разговорного синтаксиса и восклицаний.

(14) *Great band, too bad they broke up.*

Оценочный твит представляет собой коммуникативную структуру, построенную на оценочных суждениях: *Great band* и *too bad...* Субъект оценки положительно оценивает объект *band* с помощью номинации с положительным значением *Great* (used as a generalized term of approval), а далее высказано по поводу распада группы *too bad*. Данная коммуникативная структура построена на силлогизме противопоставления оценок.

Помимо прямых оценочных номинаций, ряд примеров связан с высказываниями, выражающими ироническое отношение говорящего. В данной группе выделяются отдельные случаи достижения экспрессивности с помощью использования синтаксических конструкций с расщеплением, или так называемых структур “wh-cleft” [Куралёва 2013]. Например:

(15) *@elonmusk*

Replying to @Orangetilt

Yeah, roughly 200MW/km^2 using currently available solar panels.

What's really amazing is that you can store all energy needed to power a continent overnight with 1 square kilometer of stacked Tesla Megapacks!

И. Маск положительно оценивает объект *Tesla Megapacks*. Оценка передается с помощью эмоционально-оценочного прилагательного *amazing* (*very good, especially in an unexpected way*) в составе экспрессивной конструкции “wh-cleft”. В данном примере И. Маск использует экспрессивную структуру с расщеплением “wh-cleft” и номинации с интенсификатором (*What's really amazing...*).

Отдельный пример связан с выражением подтверждения, за которым следует обоснование позиции говорящего:

(16) *Indeed. The economy – making useful products & providing great services – is what actually matters.*

В целом ряде случаев выражение отношения происходит с помощью языковой игры:

(17) *Woketopia. Battle for the Moral High Ground in this new game!*

В данном случае встречается неологизм, *Woketopia*, образованный с помощью словослияния из слов *woke* и *utopia*. Определение номинации *Woketopia* – (*US, politics, derogatory. A woke utopia; a world or state of affairs based around social justice demands*) (Wiktionary).

В некоторых случаях вербальный твит сопровождается медиаматериалом. Так, например, И. Маск сопровождает твит изображением известной картины Х. Миро «Собака, лающая на луну» (англ. *Dog Barking at the Moon*). И. Маск заменяет Dog на номинацию Doge, что также можно отнести к элементам языковой игры:

(18) *Doge Barking at the Moon.*

Семантическое содержание твита значительно расширяется, если соотнести языковую игру с реальными событиями, а именно с планами компании Space X отправить криптовалюту Dogecoin на Луну.

Помимо безглагольных высказываний и восклицаний, в группе твитов «выражение отношения» встречаются примеры экспрессивного использования повторов. Например:

(19) *Origin of Doge Day Afternoon:*

The ancient Romans sacrificed a Dogecoin at the beginning of the Doge Days to appease the rage of Sirius, believing that the star was the cause of the hot, sultry weather.

Сообщая о криптовалюте Dogecoin на фоне существенного падения рыночной цены данной криптовалюты в конце так называемого «дня Doge» (Doge Day), И. Маск начинает с отсылки к американскому кинофильму *Dog Day Afternoon*, заменяя Dog на номинацию Doge. Экспрессивным является использование повторов Doge в составе слов и словосочетаний (Doge Day; Dogecoin; Doge Days).

Выражение благодарности и реакции на благодарность – один из распространенных функционально-семантических типов этой группы:

(20) *@teslaownersSV Thank you*

@elonmusk

for making CGI real life and making life interesting rather than the same old boring cars and trucks each year. I'm stoked to see the apocalypse technology in the cybertruck. #ElonMuskDay

@elonmusk

Replying to @teslaownersSV

cgi irl!

Твит представлен одним безглагольным высказыванием: “cgi irl!”. Аббревиатура CGI (*Computer-generated imagery*) обозначает цифровой аватар, созданный с помощью сгенерированных компьютером изображений. В целом данный твит представляет собой реакцию на благодарность, а пользователь @teslaownersSV положительно оценивает деятельность И. Маска.

Твиты инициальный и реактивный могут объединяться в рамках общей ситуации оценки:

(21) *@WatchersTank*

👁️ SUPER HEAVY LAUNCH & CATCH TOWER!

A new FAA filing confirms that SpaceX is planning to build a Launch/Catch tower for Super Heavy Booster, the tower will be located at SpaceX's Boca Chica Launch site.

We can't wait to see what the future holds! 🚀

@elonmusk

Replying to @WatchersTank @SpaceX

Just one skyscraper catching another nbd haha.

В данном твите два экспрессивных безглагольных высказывания: первое – пользователя @WatchersTank – с экспрессивным графическим представлением текста и эмодиконом, а также клишированной формой выражения нетерпения (*We can't wait to see*), а второе – (@elonmusk) шуточно-юмористическое: *Just one skyscraper catching another nbd haha*. Графика имеет большое значение для создания экспрессивности высказываний, так как использование заглавных букв создает эффект «напряженности» при передаче эмоции.

Для этой же цели служат и эмодиконы. Например:

(22) *@RenataKonkoly*

A reminder 😊 Happy #ElonMuskDay!

@elonmusk

Replying to @RenataKonkoly @GerberKawasaki

Hell of a coincidence haha.

Пользователь @RenataKonkoly использует следующие способы выражения экспрессивности: восклицательное безглагольное высказывание (*A reminder 😊 Happy #ElonMuskDay!*), а также написание с заглавной буквы. Экспрессивным также является употребление эмодикона, который, судя по капитализации следующей номинации (*Happy*), выполняет функцию нестандартного знака препинания, разделяющего высказывание на две части.

В следующих двух примерах риторика экспрессивности представлена соотношением вербальных и невербальных компонентов:

(23) *🚀❤️🚀 NASA Rules!! 🚀❤️🚀*

В данном твите выражается положительное отношение к NASA – с помощью эмодиконов, которые образуют рамочную структуру, а также с помощью двух восклицательных знаков.

(24) 🎸🎸 Austin Rocks!! 🎸🎸

Аналогично примеру (23) в данном твите отношение также передано повторяющимися эмоджиконами и двумя знаками восклицания в конце высказывания.

В своих твитах, направленных на выражение собственного мнения и отношения, И. Маск использует экспрессивные приемы аллитерации:

(25) *Don't defy DeFi.*

Повторение согласного “d” и игра слов, основанная на созвучии *defy* и *DeFi*, повышают экспрессивность высказывания. И. Маск высказывает положительное отношение к *DeFi* (*Decentralized finance*), к которым, в частности, относятся криптовалюты. Личное мнение коммуниканта выражается через экспрессивное отрицание: *Don't defy DeFi.*

В некоторых случаях аллитерация сопровождается ассонансом:

(26) *Aspirationally acerbic alliteration*

-> *Bullshit baffles brains.*

Данный твит представлен безглагольным высказыванием *Aspirationally acerbic alliteration*. Особый интерес представляет употребление приемов звукописи: ассонанса в первом безглагольном высказывании на гласный “a” (*Aspirationally acerbic alliteration*) и аллитерации на согласный “b” (*Bullshit baffles brains*).

Особая пунктуация – дефисы и обозначение количества > («больше») – создает графический образ стрелки, которая может восприниматься как указание на результат.

Таким образом, среди твитов данного типа чаще всего встречались синтаксическая компрессия в форме безглагольных восклицательных высказываний; использовались также такие способы выражения экспрессивности, как синтаксические структуры “wh-cleft”, высказывания с двойным отрицанием, а также приемы аллитерации, ассонанса, эмоджиконы и особая графика.

III. Твиты с доминантной директивной направленностью

Данная функционально-семантическая группа твитов выделена по доминантному значению директивности, которое реализуется в высказываниях, направленных на побуждение к изменению ситуации. Например, в восклицательном высказывании (27) *Everything to the moon!* главным интенциональным значением является побуждение к действию, своего рода призыв универсального характера.

Данный пример представлен восклицательным безглагольным высказыванием, коммуникативно-семантическое значение которого заключается в призыве выполнить действие. В некоторых случаях коммуникативно-семантическое значение выражено в повелительной структуре, например:

(28) *Play your favorite song in a Tesla & turn the volume to 11.*

You will see. You will feel.

В данном примере директивность помимо повелительного наклонения, выражается предложением протестировать нововведение в автомобилях Tesla. Для передачи призыва используется экспрессивный лексический повтор.

В данную группу включены и вопросы, поскольку интенциональное значение этого типа высказываний связано с прескрипцией получить от собеседника ответ [Третьякова 1998: 31] или использовать риторический вопрос как фигуру.

(29) *What does the future hold?*

Представляется, что понятие риторического вопроса сложно определить в пространстве блога. Всегда существует возможность реакции аудитории в виде ответов на твит за счет коммуникативного дизайна Твиттера. В итоге на вопрос, задуманный как риторический, всегда может быть получена ответная реакция от аудитории.

(30) *Where is Shrek 5!?*

В данном твите И. Маск также задает своей аудитории риторический вопрос, а употребление вопросительного и восклицательного знаков указывает на особую экспрессивность высказывания.

С некоторыми оговорками доминантная директивная функция представлена в декларативных твитах маркетинговой или рекламной направленности. Это особый жанр твитов, который используется исключительно для продвижения товаров. Подгруппа «маркетинговые твиты» объединяет те твиты, которые относятся к продвижению продуктов или компаний, связанных с И. Маском. Отличие таких твитов от группы «объявление о событии» заключается в том, что в первых больше внимания уделяется положительным аспектам продуктов и компаний, в то время как вторые лишь сообщают о самом факте определенного события. Импликативная директивность определяется целевым предложением покупки того или иного товара. В рамках данной подгруппы используются для выражения экспрессии и графические знаки:

(31) *Tesla Solar + Powerwall battery enables consumers to be their own utility.*

В данном примере, чтобы подчеркнуть работу в связке двух продуктов *Tesla*, И. Маск употребляет математический знак «плюс»: *Tesla Solar + Powerwall battery*. В подгруппе «маркетинговых твитов», так же как и в эмоционально-оценочных твитах, встречаются комплексные способы выражения экспрессивности. Например, в нижеприведенных примерах эти комплексы связаны с повторами модальных номинаций:

(32) *Later versions will be able to shunt signals from Neuralinks in brain to Neuralinks in body motor/sensory neuron clusters, thus enabling, for example, paraplegics to walk again.*

Но наиболее распространенным форматом построения этого типа твитов является использование логических форматов. Направление имплицативных директивов связано с созданием структур убеждения. В нижеприведенном примере И. Маск строит аргументацию на квазилогическом рассуждении, которое принимает форму смешения необходимых и достаточных условий:

(33) *Everyone at Tesla receives stock.*

My comp is all stock/options, which I do not take off the table.

That's what you're missing.

Экспрессивность достигается за счет повторов (*stock*), а также за счет вывода, который делается из рассуждения: *Everyone at Tesla receives stock – you should receive stock!*

В некоторых случаях происходит сочетание структур с расщеплением и лексическими повторами, придающими большую убедительную силу всему содержанию твита:

(34) *While perhaps obvious in hindsight, it turns out that the only way to solve self-driving is to solve a big part of real-world AI. That is what Tesla is doing, both in hardware & software.*

Unless a company is good at AI with tight compute, it's hopeless. This is insanely hard.

В данном случае использование сочинительной и подчинительной аргументации направлено на успешность доказательства на основе исходных положений (*obvious in hindsight; self-driving; a big part of real-world AI*), которое принято обозначать *ex concessis*, то есть доказательство на основе посылок, а также в этом примере есть коммуникативный ход, относящийся к «уклонению от обязанности что-то

доказывать» (*This is insanely hard*). Экспрессивный характер данного твита связан с лексическим повтором *to solve (to solve self-driving is to solve a big part of real-world AI)*, направленным на реализацию функции убеждения аудитории, и с использованием конструкции “wh-cleft”.

Таким образом, в данной группе твитов экспрессивность выстраивается по линии повторов, восклицательной интонации, эмфатических структур и особых квазилогических структур, подчеркивающих преимущества компании И. Маска.

Можно сделать некоторые выводы о специфике реализации дискурсивных функций в экспрессивных высказываниях Твиттера, в котором реализуются следующие черты общения в блогах: креолизованность, мультимедийность, гипертекстуальность, креативность. Так, часть информации сообщается в виде медиафайлов, что является показателем креолизованности и мультимедийности текста. После добавления к публикации гиперссылок и других элементов публикации приобретают черты гипертекста и зачастую имеют креативный характер. Данные закономерности в полной мере прослеживаются в языковой личности И. Маска, реализуемой в коммуникативном пространстве его блога в Твиттере.

В результате исследования были выделены три группы твитов по их дискурсивным функциям, реализуемым с помощью употребления экспрессивных структур: 1) публикации, направленные на сообщение новой информации (33,33%), 2) твиты с преимущественно эмпатической (46,67%) и 3) директивной направленностью (20%). В этой связи можно сделать вывод о том, что экспрессивные синтаксические структуры в данной выборке чаще всего реализуются для актуализации проявления экспрессивности в группе твитов с доминантной эмоционально-оценочной направленностью. При этом экспрессивные синтаксические структуры прежде определяются конденсацией информационного пространства твита, проявляющейся в наличии безглагольных высказываний и эллиптических структур. Экспрессивность также проявляется в использовании таких паралингвистических средств, как графемы, эмодзи, аллитерация и ассонанс. Совсем иначе представлены экспрессивные средства выражения в дискурсивной группе директивных твитов, в которой безглагольные высказывания встречаются реже и практически отсутствуют эмодзи. В этом случае можно говорить о реализации официально-деловой стороны языковой личности И. Маска

в рамках данной группы твитов. При этом активно используются занимающие не такой большой объем в публикации экспрессивные графические средства.

Следует также отметить, что в персональном Твиттере И. Маска достаточно большое место занимают экспрессивные конструкции с расщеплением и повторы. Языковая личность И. Маска также проявляется в нетипичных для цифрового общения структурах звукописи, градации, олицетворения. Для языка И. Маска характерно проявление креативности при написании твитов, о чем свидетельствуют ироничные и образные высказывания, а также языковая игра.

В заключение следует отметить, что в рамках коммуникативного пространства Твиттера, несмотря на общую тенденцию к компрессии публикаций, реализуются разнообразие структуры, использование которых зачастую определяется дискурсивной функцией публикации. Представляется, что разработанная в исследовании проблематика имеет перспективы для дальнейшего исследования, поскольку коммуникативный дизайн Твиттера предполагает самые различные сценарии употребления экспрессивных структур.

Источники примеров:

Elon Musk (@elonmusk) Twitter <https://twitter.com/elonmusk> (дата обращения: 01.01.2021–07.05.2021)

1. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1376903913564160002>
2. a. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1376235871989551105>
- b. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1367074939317157888>
- c. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1385530714662133763>
- d. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1367205667321171968>
3. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1364748430883631111>
4. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1368329387733512193>
5. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1380334229016305666>
6. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1374991664280834054>
7. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1385507154531074048>
8. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1380260488299180035>
9. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1377340744340361216>
10. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1368017749851598850>
11. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1385042598692147204>
12. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1379018148570091522>

13. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1382452890468421632>
14. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1368693859203436548>
15. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1386815954181632000>
16. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1354894734582550533>
17. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1370880599641231360>
18. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1382552587099062272>
19. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1370883943143251968>
20. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1384718706014441475>
21. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1380258637977804801>
22. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1384579374607831042>
23. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1383177151541743621>
24. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1382879908645392384>
25. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1375031060753346564>
26. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1372437344851214339>
27. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1383233200885882885>
28. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1371098915559383040>
29. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1385879790381641728>
30. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1380772975733923841>
31. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1385108424761872387>
32. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1380316949087854595>
33. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1358929114166485008>
34. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1382549229726498821>

ГЛАВА II. ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ СПОРТИВНЫХ КОММЕНТАТОРОВ

(К. А. Мараховская, Е. Г. Хомякова)

Спортивные комментирующие тексты – это тексты, создаваемые спортивными комментаторами в реальном времени. Они ведутся во время прямой трансляции матча или любого другого спортивного соревнования и обновляются на специализированном сайте с интервалом в одну или две минуты. Яркие события и новости из жизни большого спорта всесторонне освещаются средствами массовой информации, а спортивные трансляции вызывают неподдельный интерес у широкой аудитории. О спорте говорят и пишут, следовательно, он обретает языковое воплощение в текстах, совокупность которых образует дискурсивное пространство, называемое в лингвистике *спортивным дискурсом*.

Данная работа посвящена изучению особенностей спортивного дискурса. Ведущими учеными в области дискурсологии подчеркивается тот факт, что в лингвистической литературе нет общепринятого понимания термина «спортивный дискурс», и, более того, практически нет четких дефиниций самого понятия. В нашей работе мы будем следовать определению, предложенному Е. Г. Малышевой. Под *спортивным дискурсом* она предлагает понимать отдельный вид институционального дискурса, построенный по принципу поля, которое включает в себя некую содержательную доминанту и разнообразие дискурсивных переменных, объединенных единой темой [Малышева 2001: 43]. Также мы ориентируемся на определение, предложенное К. В. Снятковым, который рассматривает спортивный дискурс как «речь», транслируемую в устной или в письменной форме и представляющую собой единство речевых произведений, закрепленных на письме или в памяти отдельного человека или группы людей [Снятков 2008: 10].

Одной из разновидностей спортивного дискурса является *спортивный комментарий*. И в отечественной, и в зарубежной традиции он рассматривается в качестве спортивного репортажа. Так, С. В. Лягунова, исследуя лексико-семантические аспекты комментария, называет его одной из «составляющих спортивного репортажа» [Лягунова 2017: 111-113]. М. Д. Рыжикова, анализируя язык футбольного

комментирования, также рассматривает спортивный комментарий в рамках репортажа [Рыжикова 2018: 210-214]. Лингвисты отмечают тот факт, что спортивный комментарий предполагает как устную, так и письменную трансляцию спортивного события. В данном исследовании будет проводиться прагма-семантический анализ одной из разновидностей спортивного англоязычного комментария, а именно – спортивного *онлайн*-комментария, который представляет собой письменное освещение спортивного события.

Спортивный *онлайн*-комментарий как разновидность спортивного комментария возник на рубеже XX и XXI веков в связи с появлением Интернета и возрастающей популярностью динамичных видов спорта. На сегодняшний день в рамках отечественной школы он не получил должного внимания, однако современные лингвисты, работающие в области спортивного дискурса, отмечают необходимость его исследования (К. В. Снятков, Б. А. Зильберт, Е. Г. Малышева). В зарубежной традиции спортивный онлайн-комментарий (*online sports commentary, live text commentary*) в последние годы вызывает все больший интерес, во многом благодаря исследованиям М. Левандовского и Я. Кованека. Спортивный онлайн-комментарий изучается, прежде всего, с точки зрения стилистики, лексикологии и грамматики, однако сегодня внимание исследователей привлекают коммуникативные и когнитивные параметры данных текстов. Так, например, рассматриваются роли партиципантов спортивного события в комментирующих текстах, некоторые структурные особенности, характерные только для спортивного комментирования, языковая экспликация ситуаций юмора, а также оценочных и эмоциональных компонентов.

В нашем исследовании вслед за зарубежными лингвистами (М. Левандовский, Я. Кованек) мы будем понимать под спортивным онлайн-комментарием (далее – *спортивный комментарий*) тексты, посвященные одному спортивному событию и создаваемые в режиме реального времени спортивным комментатором на специализированном спортивном сайте.

Одной из прагматических особенностей текстов спортивных комментаторов является их комментирующий характер. *Комментирование* представляет собой особый вид речевой деятельности, связывающий реальность и объект (как правило, аудиторию), а также демонстрирующий специфические черты языковой личности.

Комментирование чаще всего рассматривается в рамках художественных произведений и научных текстов. В нашем исследовании мы подробно проанализируем язык спортивного комментатора.

Первоначально основная задача комментатора заключалась в информировании аудитории о происходящем событии. Однако сегодня в рамках спортивного комментирования внимание уделяется многим другим прагма-коммуникативным функциям. Так, кроме информативной, реализуются такие функции, как:

1. *Объяснительная функция*: во время трансляции комментатор дает аудитории пояснения касательно действий спортсменов, правил или решений судей. Данная функция может осуществляться как в самом начале спортивного события, так и во время его непосредственного развития.

2. *Развлекательная функция*: главная цель комментатора состоит в том, чтобы поддерживать интерес аудитории, что достигается средствами художественной выразительности и языковой игрой [Ласкова, Фетисенко 2018: 152].

3. *Аналитическая функция*: комментатор на протяжении всего спортивного события пытается разобраться в тех или иных моментах, анализирует и оценивает происходящее. Свои рассуждения он оформляет в диалоге со своей аудиторией.

4. *Интерактивная функция*: социальные сети позволяют комментатору быть на связи с аудиторией, узнавать ее мнение и впоследствии озвучивать его во время трансляции. Таким образом, прежде односторонняя коммуникация теперь обретает черты диалога.

Рассмотрев основные функции комментирования, мы приходим к выводу о том, что речь адресанта полностью ориентирована на целевую аудиторию и строится в зависимости от ее потребностей и ожиданий. Следовательно, в рамках спортивного комментирования осуществляется именно коммуникативная функция.

Другой особенностью спортивного комментария является его интерпретирующий характер. Так как комментатор выступает в непосредственной роли интерпретатора некоего спортивного события, необходимо остановиться на прагматических и семантических параметрах спортивного комментирования.

При прагматическом подходе к исследованию языковых явлений основным объектом становится языковая личность и ее коммуникативная ориентация на формирование отношения адресата, его

оценки и взглядов. Аудитория преимущественно ожидает от комментатора (языковой личности) не только точного описания спортивного события, но и дополнительных сведений касательно последних актуальных новостей, вербализации его собственных чувств и эмоций. Качественная подача информации заключается, прежде всего, в способности адресанта убедить адресата в объективном характере передаваемых им сведений и пояснении некоторых семантических компонентов, таких как место и время освещаемого спортивного события, замечания касательно спортсменов и тренеров, значение события для спортсменов, ранг комментируемого события.

Кроме того, комментатор анализирует спортивное состязание и дает *оценку* как самому событию, так и его непосредственным участникам. Для адресата, наблюдающего за трансляцией, с психологической точки зрения необходимо присутствие рядом других людей.

Еще одним важным аспектом прагматики становится *диалогичность*, которая выражается в имитации живого общения комментатора с аудиторией. Адресант на протяжении трансляции обращается к адресату как к полноправному участнику диалога, что проявляется в особых речевых формулах, принимающих, как правило, форму риторических вопросов [Седугина 2016].

Во время анализа спортивного комментария основное внимание уделяется процессу интерпретации комментатором спортивного события и языковым способам его репрезентации на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Однако комментирование представляет собой двусторонний процесс, таким образом, стоит упомянуть и интерпретацию готового комментария самой аудиторией. Исходя из данной точки зрения, интерпретацией спортивного комментария считается усвоение субъектом (целевая аудитория) транслируемой смысловой и эмоциональной информации. Подобная интерпретация предполагает не только восприятие комментария и попытки осознать изначальные субъективные интенции адресанта, но и некоторое «сотворчество» [Виноградов 1971: 151], обусловленное «диалогом сознаний». Ключевое значение диалога сознаний отмечал еще М. М. Бахтин, который полагал, что истинная сущность текста формируется на границе двух сознаний, а именно – двух субъектов [Бахтин 1997: 230-235].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что комментирующие и интерпретирующие параметры спортивного

комментирования неотделимы друг от друга. Наблюдая за спортивным событием и оценивая его в зависимости от своих знаний, эмоционального и психологического состояния, то есть, интерпретируя его, адресант, выполняя коммуникативную установку, создает комментарий, направленный непосредственно на целевую аудиторию и оформленный в виде диалога.

Для лингвистического исследования были отобраны восемь сриптов матчей со специализированного сайта *Sportsmole*. В результате проведенного анализа были выделены ключевые прагма-коммуникативные и прагма-когнитивные параметры спортивного комментария.

К **прагма-коммуникативным** параметрам относятся, прежде всего, *речевые акты*, благодаря которым и осуществляется коммуникация. В нашем исследовании вслед за Дж. Р. Серлем, Дж. Остином, Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой под коммуникативным актом мы будем понимать некоторое коммуникативное действие, представляющее собой структурную коммуникативную единицу.

В проанализированных нами комментирующих текстах в наибольшей степени представлены речевые акты приветствия и прощания, побудительные и вопросительные речевые акты.

1. Речевые акты приветствия и прощания

Приветствия и прощания часто включают в класс экспрессивов [Searle 1975]. Дж. Лич, сформулировавший принцип вежливости, также относит приветствия и прощания к экспрессивным высказываниям. Он отмечает их «компанейскую» функцию и подчеркивает их значимость в выражении уважительного отношения говорящего к слушающему. По мнению американского исследователя И. Гоффмана, приветствия входят в группу обязательных, предписанных обществом моделей почтительного поведения, необходимых для успешного коммуникативного взаимодействия [Goffman 1971].

В начале текстовой трансляции для создания благоприятного коммуникационного климата, необходимого для взаимопонимания и установления контакта между участниками коммуникации, комментатор неизменно здороваются со своей аудиторией, используя такие *выражения приветствия*, как:

- (1) *Hello and welcome to Sports Mole's live text coverage* [1];
- (2) *Evening all!* [8]

В конце матча комментатор завершает текстовую трансляцию и благодарит аудиторию за внимание, используя определенные *выражения прощания*.

(3) *Thanks for joining, and be sure to return on Saturday for the first of the knockout-round ties!* [3]

Данные выражения представляют собой устоявшиеся для спортивного дискурса формулы вежливости, необходимые для благоприятного фона в коммуникации (Дж. Лич). Их использование обусловлено желанием комментатора создать климат взаимопонимания и доверия со своей аудиторией.

2. Побудительные речевые акты

Лингвистами предпринимались многочисленные попытки создать единую типологию побудительных речевых актов (Д. А. Романов, В. В. Богданова, Е. В. Ерофеева). Побудительные речевые акты могут служить для выражения запретов, приказов, поручений, распоряжений и просьб [Насонова 2020: 126]. В нашем исследовании вслед за Дж. Р. Серлем под «побуждением» мы будем понимать такое высказывание, которое представляет собой как мягкие, так и довольно агрессивные попытки адресанта добиться от своего собеседника конкретных действий.

Директивы существуют только в определенной прагматической ситуации, в которой адресант настаивает на выполнении адресатом некоторого вербального или невербального действия. Для того чтобы достичь желаемого результата, то есть перлокутивного эффекта, говорящий взывает к чувствам или к пониманию своего слушателя [Петрова 2018: 127].

Так, комментатор, обращаясь к читателям во время одного из матчей Кубка мира, использует директив *remember*:

(4) *Bookings, remember, could well determine who tops Group G come the end of the night if the scoreline remains this way.* [2]

Подобные речевые акты, содержащие намерение приказа, просьбы или распоряжения, часто встречаются перед паузами во время игры, когда комментатор призывает не выключать текстовую трансляцию:

(5) *Stay tuned for live minute-by-minute updates of the action right here!* [8]

Такие директивы, как в предыдущих примерах, эмоционально окрашены и на письме часто отмечены восклицательным знаком. Их основная цель заключается в том, чтобы добиться от аудитории

определенного действия. Так, *stay tuned* – это призыв не отключать трансляцию и продолжать следить за обновлениями.

В особую группу выделены побудительно-императивные конструкции с *let us*. Их особенностью является вовлечение говорящего, в данном случае спортивного комментатора, в его же просьбу. Так, в начале футбольного матча между Англией и Колумбией комментатор говорит:

(6) *Let's get straight to the team news.* [4]

Используя конструкцию *let's*, он призывает читателей узнать последние новости команд. В данном примере происходит непосредственное взаимодействие источника информации (комментатор) с получателем информации (аудитория). Следует отметить, что данный речевой акт имеет четкую интенцию, а именно – привлечь читателя к последним новостям футбольных команд.

3. Вопросительные речевые акты

Как известно, вопрос в рамках теории речевых актов представляет собой речевое высказывание, ориентированное на получение адресантом новой информации. Вопросительная ситуация возникает при условии, что говорящий не знает ответа на собственный вопрос, однако хочет его получить [Searle 1975]. Следовательно, главная задача вопросительного речевого акта – это устранить недостаток знаний, что происходит посредством побуждения адресантом адресата к передаче информации. Однако по причине того, что в спортивном комментировании участники коммуникации удалены друг от друга во времени и пространстве, многие вопросы носят исключительно риторический характер и направлены в большей степени на привлечение внимания аудитории к событию. На письме они могут быть выделены заглавными буквами:

(7) *DID YOU KNOW?* [1]

В матче Англии против России комментатор высказывает предположения касательно возможных результатов. Выражая свою неуверенность, он также обращается к аудитории, используя безличное предложение:

(8) *...surely England will not mess this chance up. You never know though.* [7]

Обращение к аудитории иногда выполнено не напрямую, а при помощи риторических вопросов или повествовательных предложений с вопросительной интенцией. Так, перед матчем Англии и России комментатор объясняет своим зрителям некоторые организационные

моменты касательно следующих игр и для привлечения внимания задает вопрос, на который впоследствии сам отвечает:

(9) *How does that work then? Well, as usual, the top two from each group will automatically make it through...* [7]

Комментатор, ведущий онлайн-трансляцию, не обладает возможностью получить обратную связь от своей аудитории. Следовательно, основная функция риторических вопросов, как демонстрирует предыдущий пример, заключается в акцентировании внимания на определенной ситуации, возникающей во время матча.

К прагма-когнитивным параметрам спортивного комментария нами были отнесены такие параметры спортивного дискурса, как событийность, оценка, эмотивность и репрезентация оппозиции «свой – чужой». Представляется целесообразным рассмотреть их более подробно.

I. Категория событийности

Событие представляет собой одну из самых важных категорий в сознании человека. Человек является незаменимым компонентом событийной ситуации, так как он либо создает событие, либо участвует в нем, либо является его сторонним наблюдателем. Без присутствия человека действие не может считаться событием [Трещева 2011: 7].

В рамках событийной ситуации можно выделить такие компоненты, как собственно событие, время, пространство, участники или партиципанты ситуации события и наблюдатели. Собственно событие связано с категорией темы. Основная тема рассматриваемых комментирующих текстов – футбольный матч, так как именно ему посвящена текстовая трансляция. В качестве примера мы возьмем матч Россия – Англия, состоявшийся на чемпионате Европы в 2016 году. Основная тема события – это сама игра между двумя сборными, которой и посвящена онлайн-трансляция. Футбольный матч состоялся 11 июня 2016 года. Он начался в 22:00 по московскому времени и занял 94 минуты. В качестве места был выбран стадион «Велодром» в Марселе, Франция. Участниками события выступали сборные России и Англии, судья, тренеры. В качестве наблюдателей данного спортивного события выступали болельщики, которые находились на стадионе, а также комментатор и его целевая аудитория.

Любое событие обладает сложной структурой и состоит из множества взаимосвязанных элементов. Следовательно, тексты могут содержать некоторые микротемы, на которые спортивный комментатор

обращает внимание во время основного события. Подобные *микрособытия*, также содержащие основные структурные компоненты (тема, время, пространство, участники и наблюдатели), непосредственно связаны с текущим футбольным матчем, то есть основным событием. В качестве микрособытий нами были выделены события, произошедшие во время других футбольных матчей, победы и поражения в текущем матче, а также некоторые действия спортсменов, которые имели важные последствия для всех участников соревнования.

II. Категория оценки

Изучение категории оценки с прагматической точки зрения является в настоящее время особенно актуальным, так как оценочное значение зависит от языковой личности говорящего, его эмоциональной сферы, а также от коммуникативной цели самого высказывания, устанавливает характер взаимодействия индивида с окружающей его действительностью. Данная способность считается одной из наиболее значимых составляющих когнитивной деятельности человека, что позволяет Н. Д. Арутюновой отнести оценку к «собственно человеческим категориям», которая определяется прежде всего психической природой человека. Именно необходимость в оценивании формирует мышление человека, его отношение к другим и к себе самому [Арутюнова 1988: 37–38]. Сегодня большой интерес представляет взаимосвязь оценки и прагматики, то есть то, какое воздействие имеет один коммуникант на другого.

Несмотря на большое количество работ, посвященных категории оценки, в данной области по-прежнему остается довольно много открытых вопросов, затрагивающих в том числе и проблему единой типологии оценочных высказываний. Дальнейший практический анализ категории оценки в спортивном комментарии будет проходить в рамках общепринятых в лингвистике классификаций.

1. В классификации, основанной на критерии **объект оценки**, выделены следующие уровни:

Языковая экспликация оценки команды игроков

Во время текстовой трансляции матча комментатор прежде всего оценивает две конкурирующие сборные. Он дает оценку их сплоченности, мастерству, умению вести нападение и держать оборону. Команда в глазах адресанта представляет собой единое целое, и, как следствие, любая оценка, позитивная или негативная, относится к каждому игроку команды без исключения.

Перед матчем Англии против Бельгии комментатор называет бельгийскую сборную «талантливой» командой, указывая, что их предыдущие достижения были «впечатляющими». Положительный оценочный компонент содержится в прилагательных *impressive* и *talented*.

(10) *At the World Cup, meanwhile, Belgium have won their last six group matches since 2002 and are unbeaten in 11 games at this stage. That is an **impressive** record, but anything less than a semi-final appearance would surely be considered a **disappointment** for this **talented** group.* [2]

Продолжая говорить о достижениях команды Бельгии, комментатор дает оценку испанской сборной, называя ее самым «сложным» соперником:

(11) *Spain are **the toughest opponent** faced, with that match ending in a 2:0 loss...* [3]

Прилагательное *tough* («жесткий», «крепкий») может быть использовано как при положительной, так и негативной оценке, однако в спортивном дискурсе команду, для оценки которой выбрано данное прилагательное, считается сложно победить. Следовательно, это положительная характеристика. Более того, в примере прилагательное используется в превосходной степени, что усиливает эмоциональный эффект от оценки.

Языковая экспликация оценки спортсменов

Во время прямой трансляции комментатор выделяет отдельных спортсменов, давая их общую характеристику как хороших или плохих игроков.

Так, комментатор называет Гарри Кейна лучшим (топовым) нападающим чемпионата мира, работающим в команде:

(12) *Harry Kane is now **joint-top scorer** at the World Cup finals.* [8]

Футболиста Юссефа Мсакни он называет ключевым игроком сборной Туниса:

(13) *Tunisia are also missing **key playmaker** Youssef Msakni – who picked up a serious knee injury before the tournament – but Naim Sliti does feature.* [8]

В целом комментатор склонен давать положительную характеристику спортсменам, что во многом обусловлено его стремлением к поддержанию благоприятной атмосферы во время онлайн-трансляции.

Языковая экспликация оценки действий спортсменов

Кроме общей характеристики, комментатор выделяет спортсменов за их конкретные действия во время конкретного матча. Например,

когда Юри Тилеманс, полузащитник сборной Бельгии, показывает высокий уровень мастерства при обороне ворот своей команды, комментатор отмечает его «великолепную технику»:

(14) *Youri Tielemans with a **great technique** to send his long-range drive dipping down the middle...* [2]

Затем он, напротив, дает негативную оценку спортсмену из этой сборной:

(15) *Batshuayi has had one lively moment but **not done a great deal** either side of his prodded shot, which was cleared off the line by Gary Cahill.* [2]

Комментатор отмечает: несмотря на то что у нападающего сборной Бельгии был удачный момент, Батшуайи не смог реализовать его. Оценка выражается при помощи грамматической конструкции *to do a great deal* с отрицанием.

Языковая экспликация оценки поведения судьи

В матче Англии против Панамы комментатор отмечает, что решение судьи отправить спортсмена на штрафную площадку было верным:

(16) *Kane was wrestled to the floor by Godoy and the referee **rightly** pointed to the penalty spot.* [5]

Положительная оценка профессиональных навыков судьи и одобрение по отношению к его действиям заложены в наречии *rightly*.

Языковая экспликация оценки шанса на реализацию голевого момента

Голевой момент является самым эмоционально напряженным моментом во время матча и оценивается комментатором отдельно. Так, во время одной из игр комментатор высоко оценивает шанс на реализацию гола, используя прием повторения с прилагательным *huge*:

(17) ***Huge, huge** chance for Marcus Rashford to net a World Cup goal.* [1]

В следующем примере комментатор также оценивает шанс на реализацию гола как «большой», однако в целом высказывание окрашено негативно, так как данный шанс не был реализован:

(18) *Michael Murillo **squandered a big chance** to equalise in that match.* [5]

Негативная коннотация заложена в глагол *to squander* («промотать», «растратить»).

В следующих типологиях высказывания будут классифицированы по группам по определенному признаку вне зависимости от субъекта и объекта оценки.

2. Классификация по наличию **эмоционального компонента** в оценочном высказывании

По наличию эмоционального компонента в оценочном высказывании выделяют рациональную и эмоциональную оценки (В. Н. Телия, М. П. Брандес). Так, рациональная оценка представляет собой результат мыслительной деятельности, и она, как правило, не связана с выражением эмоций. В эмоциональной оценке субъективный компонент превалирует над объективным. В отличие от рациональной оценки в ситуации, где в оценке присутствует зритель, читатель или слушатель как еще один факультативный элемент, она способна вызывать у него определенные переживания.

Рассмотрим одно из оценочных высказываний комментатора матча Англии и Панамы в качестве примера рациональной оценки:

(19) *Southgate's men have already showed two sides of their game in Russia, keeping their **cool** to overcome Tunisia late on when things were going against them, before showing their **ruthless** side against a **poor** Panama side.* [5]

Оценка, содержащаяся в таких прилагательных, как *cool*, *ruthless* и *poor*, основана преимущественно на объективном факторе, чем субъективном. Команда Англии держалась сдержанно и невозмутимо на протяжении всей игры с Тунисом (*keeping their cool*). Во время матча против Панамы она проявила себя в нападении (*ruthless side*), а сборная Панамы, напротив, показала свою неготовность к обороне (*poor side*). Данная оценка не несет намерения вызвать эмоции у читателей.

В эмоциональной оценке используемая комментатором образность апеллирует не к разуму, а к чувству читателей. Так, во время текстовой трансляции матча Англии и Бельгии комментатор, объясняя, насколько важной является победа в этой игре для некоторых спортсменов, применяет слово *reckoning*:

(20)...*a chance for a handful of players to force their way into **the reckoning**.* [1]

В данном контексте оно использовано в религиозном значении и обозначает «судный день».

3. **Абсолютный и относительный** виды оценки

Для абсолютной оценки не характерно эксплицитное сравнение признаков. В ее основе заложено скрытое сравнение, основанное на общности социальных стереотипов. В языке данный вид оценки часто репрезентируется словами «хороший», «плохой»:

(21) *The first piece of **serious quality** we have seen in the attacking third, as Adnan Januzaj rolled his boot over the ball to take Danny Rose out of the game, before curling the ball out of Jordan Pickford's reach.* [1]

Действия спортсменов оценены положительно, однако в основе оценки не заложено ярко выраженного сравнения. Комментатор может оценить качество игры спортсменов только в том случае, если в его картине мира четко заложено представление о том, какую игру можно считать качественной, а какую – нет. Сравнение в данном случае проходит имплицитно.

Относительная оценка, в отличие от абсолютной, предполагает выраженное сравнение. Данный вид оценки эксплицируется в языке при помощи прилагательных в сравнительной и превосходной степенях:

(22) *Anything Southgate can do, Roberto Martinez **can do better!*** [1]

В данном примере наблюдается сопоставление двух тренеров. Использовано прилагательное *good* в сравнительной степени. Комментатор отмечает профессиональность тренера бельгийской сборной, возвышая его навыки в оценочной шкале над навыками тренера сборной Англии.

III. Категория эмотивности

Существует, как известно, три основных понимания категории эмотивности в лингвистике. Согласно первому толкованию (Л. Г. Бабенко) к эмотивной лексике относятся наименования самих эмоций, чистые эмотивы и потенциальные эмотивы. Согласно другой интерпретации (В. И. Шаховский, А. С. Илинская) эмотивы не включают в себя группу слов, которые прямо называют чувства и эмоциональные переживания. Подобные слова содержат лишь идею об определенной эмоции, но не ее выражение. Также под реализацией эмотивности подразумевают вербальную экспликацию данной категории на всех языковых уровнях (Д. А. Романов). В нашем исследовании представляется целесообразным изучить все возможные способы репрезентации эмоций на различных языковых уровнях спортивного комментария.

Согласно анализу восьми скриптов футбольных матчей комментатор с большей вероятностью будет испытывать и, соответственно, вербально оформлять такие эмоции, как удивление, радость, печаль и интерес. Данные эмоции представлены на различных языковых уровнях. В данной работе представляется целесообразным проанализировать эмоцию удивления в качестве примера.

Выражение удивления эксплицируется в языке на разных уровнях. Прежде всего, комментатор может назвать испытываемую им эмоцию, как это, например, произошло во время трансляции матча сборных Англии и Панамы. В недавно прошедшем противостоянии Панамы и Туниса последняя выглядит более сильным соперником, и поэтому, когда Панама побеждает, комментатор высказывает свое удивление, репрезентируемое на лексическом уровне:

(23) *Panama have taken a **surprise** lead against Tunisia, which would be enough to secure third place for the Central Americans.* [5]

Непосредственная номинация испытываемых переживаний встречается и в трансляции матча Англии и Бельгии. Комментатор, оценивая силы обеих сторон перед предстоящим состязанием, высказывает свою озадаченность по поводу решения тренера английской сборной выставить одного из игроков, который показал себя малоэффективным во время предыдущей игры со сборной Хорватии:

(24) *Kane was ineffective against Croatia too and it is something of a **surprise** to see him start today as it looked as though he was exhausted during the semi-final.* [2]

На лексическом уровне удивление может передаваться через некоторые экспрессивные наречия. Так, в матче Англии против России комментатор подводит промежуточные итоги после завершения первого периода, и свое замешательство, связанное с неожиданными результатами, а также спокойной обстановкой во время самой игры, он выражает при помощи наречия *incredibly*:

(25) ***Incredibly**, there have only been 11 fouls and no cards whatsoever.* [7]

Для выражения удивления могут быть использованы некоторые грамматические конструкции. В матче Англии и Бельгии комментатор использует конструкцию с отрицанием *not* (*I did not expect*), а также восклицание, что подчеркивает, насколько сильны испытываемые им эмоции:

(26) *The Three Lions now have some breathing space in the disciplinary stakes – something **I did not expect** to be saying before this tournament!* [2]

Удивление может быть передано при помощи устойчивых выражений. Так, комментатор показывает свои эмоции через выражение *all of a sudden*:

(27) ***All of a sudden**, it is Belgium who are on top.* [2]

Данную эмоцию представляется возможным проследить и на синтаксическом уровне. В следующем примере комментатором

использовано сочетание вопросительного и восклицательного знаков, что показывает высокую эмоциональную окрашенность высказывания:

(28) *What has happened?! Welbeck has just turned the ball home following a mistake from De Gea, but it seems that the goal might have been disallowed. No-one is quite sure what has happened.* [3]

Некоторые эмоции, в том числе и эмоция удивления, передаются на графическом уровне. Как правило, комментатор использует разные шрифты или меняет размер букв:

(29) *We are into the first of **NINE** additional minutes of added time here.* [3]

Так, в предыдущем примере комментатор, транслирующий матч Англии и Испании, изначально предполагает, что после финального свистка будет добавлено около шести минут. Когда вместо ожидаемых им шести минут добавляют девять, он выражает свое недоумение, используя крупные буквы.

IV. Оппозиция «свой – чужой»

Разграничение на «своих» и «чужих» является ключевым в спортивном дискурсе. Оно обуславливает конкуренцию, без которой невозможно ни одно соревнование. Чужой клуб, команда чужой страны и ее болельщики автоматически воспринимаются как некая враждебная сила, в то время как все, что соотносится со своим, – как что-то близкое и понятное. Любое соревнование – это противостояние не только между спортсменами, но и болельщиками, следовательно, наличие аспектов «своего» и «чужого» в футболе воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

В комментирующем тексте оппозицию «свой – чужой» проводит комментатор. Описывая спортивное событие, комментатор стремится к объективности в отношении к обеим сторонам, однако ненамеренно он может выражать положительное отношение к «своим» и негативное – к «чужим».

В текстовых трансляциях футбольных матчей представлены разные виды оппозиции «свой – чужой». В данной работе мы представим разбор оппозиции с эксплицитными маркерами «чужой» и имплицитными маркерами «свой».

«Чужие» – игроки конкурирующих сборных. «Свои» – игроки сборной Англии

Для проведения анализа языковой репрезентации оппозиции «свой – чужой» необходимо учитывать пространственные параметры

ее реализации, которые определяют характер названных отношений, зависимый во многом от принадлежности участников оппозиции к разным культурным пространствам. Следовательно, то, что комментирование матча происходит на территории Великобритании и комментаторами выступают ее граждане, является для исследования важным фактором. В то же время предметом негативной оценки в текстах спортивных комментаторов могут выступать и команды, не имеющие отношения к национально-культурной принадлежности говорящих, и в этом случае проявляются другие основания для построения и языковой репрезентации изучаемой оппозиции.

Оппозиция «свои (сборная Англии) – чужие (конкурирующая сборная)» является доминантной на протяжении всех матчей. В игре Англии против Панамы спортсмены сборной Панамы представлены как *they* (они), в то время как Англия в оппозиции «свой – чужой» комментатором четко не выражена, но подразумевается:

(30) *Now just imagine if **they** can snatch a draw against England today and take it down to the final set of fixtures – the country will come to a complete standstill!* [5]

Далее, в этом же матче комментатор упоминает противостояние Бельгии и Панамы, где последняя снова представлена как *they*, однако оппозиция «свой – чужой» отсутствует:

(31) *This is a disciplined side with years of experience working together, and **they** showed against Belgium that **they** have the ability to frustrate.* [5]

Если в первом примере комментатор оценивает сборную Панамы негативно, так как практически не допускает возможности победы данной команды в игре с Англией, представляя ничью как единственный возможный для нее положительный результат, то во втором примере, сравнивая Панаму и Бельгию, он говорит о том, что сборная Панамы может показать сплоченную работу. Следовательно, противопоставляя команду Панамы (как «чужих») и Англии (как «своих»), наблюдается отрицательное отношение комментатора к «чужим». И в то же время, рассматривая сборную Панамы как «чужие», но уже вне оппозиции с Англией, комментатор дает ей более положительную оценку. Однако она, как и прежде, способна «разочаровать».

«Чужие» – игроки сборной Англии. «Свои» – комментатор и целевая аудитория

Наравне с игроками конкурирующих сборных «чужими» в оппозиции могут быть представлены игроки сборной Англии. Следует

отметить, что в большинстве высказываний комментатора, где команда Англии представлена как «они», использованы слова с положительной коннотацией. В данных примерах в качестве оппозиции «мы» имплицитно подразумевается сам комментатор и аудитория, ради которой ведется трансляция.

Так, во время игры Англии и Панамы комментатор рассказывает читателям об успехах английской сборной, замечая, что она находится на пути к успеху:

(32) *They may have done it the hard way, but it was job done for Southgate's men in their opener – one game, one win. That was England's first opening-game win at the World Cup since 2006, and they are now on course of successive victories in the tournament since that same year.* [5]

Во время матча со сборной Бельгии комментатор отмечает, что, несмотря на некоторую неудачу в предыдущем матче с Тунисом, сборная Англии показала хорошую игру:

(33) *England played some good football against Tunisia and will feel that the three points were deserved, even if they did massively ride their luck after failing to convert chances in front of goal.* [2]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что противопоставление «своего» и «чужого» представляет собой один из основополагающих параметров спортивного комментария. Данная оппозиция построена на осознании комментатора и его целевой аудитории принадлежности к одной из команд, и именно благодаря ей устанавливается эмоциональная связь со спортсменами своей страны.

В процессе проведенного анализа удалось прийти к ряду важных выводов. Во-первых, было установлено, что в проанализированных комментирующих текстах в наибольшей степени представлены речевые акты приветствия и прощания, побудительные речевые акты и вопросительные речевые акты. Во-вторых, было выяснено, что в некоторых речевых актах прослеживается непосредственное обращение комментаторов к целевой аудитории. Чаще всего подобные акты являются призывом к определенному действию и представлены побудительными конструкциями.

В результате прагма-когнитивного анализа был сделан вывод о том, что для речи спортивного комментатора свойственна высокая степень оценочности. Она проявляется в образности языковых выражений, оценочных прилагательных и существительных, восклицаниях и вопросах. Именно высокая степень оценочности в речи

комментатора поддерживает интерес аудитории к трансляции. Кроме того, проведенное исследование позволило выявить языковые маркеры основных компонентов категории событийности. На основе изученного материала было продемонстрировано, что в рамках основного спортивного события (самого матча) комментатор выделяет *микрособытия*, к которым относятся результаты других матчей, победа одной сборной и поражение другой в текущем матче, а также некоторые действия спортсменов, которые привели к значимым последствиям.

Исследование показало, что основными эмоциями, которые проявляют комментаторы во время футбольной онлайн-трансляции, являются эмоции удивления, интереса, радости и печали. Данные эмоции могут передаваться грамматически, лексически с помощью экспрессивных существительных, прилагательных и наречий, а также невербально через изменения шрифта.

Также в рамках прагма-когнитивного анализа оппозиции «свой – чужой» было установлено, что, описывая спортивное событие, комментатор стремится относиться объективно к конкурирующим сборным, однако он ненамеренно выражает положительное отношение к «своим» и негативное – к «чужим». Данная оппозиция реализуется с помощью многократного повторения личного местоимения *we* и местоимений *our* и *us*, выполняющих функцию солидаризации. Для обозначения «чужого» применяются такие местоимения, как *they* и *their*. Было сделано заключение о том, что противопоставление «своего» и «чужого» представляет собой один из основополагающих параметров спортивного комментария. В целом проведенное исследование помогло выявить и эксплицитно описать многообразие прагма-лингвистических особенностей текстов англоязычного спортивного онлайн-комментария.

Источники примеров с сокращениями:

1. SportsMole // Live Commentary: England 0:1 Belgium – as it happened. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/live-commentary/live-commentary-england-vs-belgium_329399.html (дата обращения: 04.05.2021).
2. SportsMole // Live Commentary: Belgium 2:0 England – as it happened. URL: <https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/>

- live-commentary/live-commentary-belgium-vs-england_330591.html (дата обращения: 04.05.2021).
3. SportsMole // Live Commentary: England 1:2 Spain – as it happened. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/uefa-nations-league/live-commentary/live-commentary-england-vs-spain_335074.html (дата обращения: 04.05.2021).
 4. SportsMole // Live Commentary: Colombia 1:1 England (3–4 on pens – as it happened). URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/live-commentary/live-commentary-colombia-vs-england_329766.html (дата обращения: 04.05.2021).
 5. SportsMole // Live Commentary: England 6:1 Panama – as it happened. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/live-commentary/live-commentary-england-vs-panama_329069.html (дата обращения: 04.05.2021).
 6. SportsMole // Live Commentary: England 1:0 Slovenia – as it happened. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/live-commentary/live-commentary-england-vs-slovenia_308870.html (дата обращения: 04.05.2021).
 7. SportsMole // Live Commentary: England 1:1 Russia – as it happened. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/euro-2016/live-commentary/live-commentary-england-vs-russia_274618.html (дата обращения: 04.05.2021).
 8. SportsMole // Live Commentary: Tunisia 1:2 England – as it happened. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/live-commentary/live-commentary-tunisia-vs-england_328633.html (дата обращения: 04.05.2021).

ГЛАВА III. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КЛАССОВЫХ СТЕРЕОТИПОВ В БРИТАНСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

(Е. А. Кованова, Д. Б. Щекина)

Вопрос о том, какую роль в процессах познания и коммуникации играют стереотипы, впервые привлек внимание исследователей в начале XX века. Изначально теория стереотипов разрабатывалась в социологии и психологии, а с распространением антропоориентированного подхода к изучению языка стереотипы стали и объектом лингвистических исследований, демонстрирующих то, каким образом влияют друг на друга язык человека, познание и социокультурный контекст. Лингвистические исследования стереотипов посвящены анализу содержания стереотипов, особенностей их речевого выражения и функционирования в дискурсе. Особенно много внимания уделяется этнорегиональным и гендерным стереотипам [Аксенова, Вилинбахова 2016; Бартмицкий 2005; Бергельсон, Некрасова 2010; Гаранович 2010; Горшунова 2009; Квацхофф 2013; Миньяр-Белоручева, Покровская 2013; Полевая 2014; Cameron 1992: 43]. Исследования классовых стереотипов в основном ведутся в рамках социологии [Block 2018; Jones 2012; Lyle 2008; Skeggs 2012], причем внимание, как правило, заостряется на проблеме дискриминации рабочего класса. Социолингвист Дж. Снелл изучает предрассудки, распространенные в английских школах, в отношении региональных диалектов и социолекта рабочего класса [Snell 2013]. Проводятся опросы на тему отношения британцев к различным диалектам и социолектам, что позволяет выявить некоторые классовые и этнорегиональные стереотипы. Однако до сих пор не проводилось лингвистических исследований, в которых системно рассматривались бы существующие в британской картине мира стереотипы обо всех социальных классах.

Классовые стереотипы формируются в повседневной жизни в процессе социальной категоризации, то есть отнесения человека к тому или иному классу на основании поверхностного впечатления от статусных символов. По определению И. Гофмана, статусные символы – это «сигналы, отбирающие для данного лица статус, который ему вменяется, и способ, каким другие с ним обращаются» [Гофман 2003: 42]. В британском обществе исторически сложилась особая структура, в которой у каждого социального класса есть ряд таких

ярких узнаваемых признаков, или статусных символов: классовый социолект, стиль в одежде, знание этикета, манера поведения и т.д. Эти признаки описаны в книге антрополога Кейт Фокс *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour* («Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения») [Fox 2004]. Носители языка и культуры интересуются классовой иерархией, легко распознают статусные символы и формируют на их основе стереотипы, что отчетливо отражается в межличностном и межгрупповом взаимодействии, а значит, и в языковой картине мира. Острый интерес британцев к классовой иерархии в стране служит причиной того, что в газетах появляется множество публикаций, иллюстрирующих классовые стереотипы.

Поскольку классовые стереотипы занимают столь важное место в лингвокультуре Великобритании, мы поставили перед собой цель выявить содержание классовых стереотипов, распространенных в современном британском обществе, особенности их языковой репрезентации в публицистическом дискурсе и их роль в осуществлении этим дискурсом своей конструирующей функции. Материалом для исследования послужили статьи из британских газет, включая качественную прессу и таблоиды, либеральные, консервативные и центристские газеты. Вспомогательным материалом послужили словари. Чтобы идентифицировать высказывание как выражающее классовый стереотип, было проверено, как часто высказываемое мнение встречается в прессе и насколько оно соответствует стереотипам, описанным в авторитетных источниках по лингвистике, социологии и культурной антропологии [Crystal, Crystal 2014; Fox 2004; Jones 2012; Snell 2013; Tomida 2012].

Термин «стереотип» ввел журналист У. Липпман в 1922 году в работе, посвященной роли прессы в формировании общественного мнения. Стереотипы – это обобщенные и упорядоченные образы, которые опосредуют восприятие человека, позволяя ему сэкономить время и познавательные усилия, подтвердить свою ценность, свое положение в обществе и свои права [Lippmann 1991: 95]. Поскольку стереотип представляет собой проекцию ценностей, он всегда имеет эмоционально-оценочный компонент. Культурно детерминированные стереотипы опосредуют весь процесс познания, вследствие чего человек склонен воспринимать и категоризировать мир определенным образом. Вопреки расхожему представлению формирование стереотипов необходимо, поскольку, как указывают У. Липпман и другие

исследователи, реальность во всем ее разнообразии невозможно постоянно воспринимать свежим взглядом. Чтобы человек мог эффективно взаимодействовать с реальностью, ему нужны стереотипы, позволяющие экономить время и познавательные усилия [Агеев 1986: 98; Lippmann 1991: 88; Quasthoff 1989: 184].

Г. Тэшфел, изучавший роль стереотипов в конфликтных ситуациях, определял стереотипы как обобщенные психологические характеристики, приписываемые большим социальным группам. Он отмечает негибкость социальных стереотипов: сталкиваясь с новой информацией, противоречащей стереотипу, люди склонны игнорировать ее или относиться к ней с недоверием [Tajfel 1981: 132–133]. Сходным образом В. С. Агеев понимает стереотип как «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей» [Агеев 1986: 95]. На основании данного определения классовый стереотип можно определить как упрощенный, эмоционально окрашенный и особо устойчивый образ какого-либо социального класса.

В отечественной лингвокультурологии понятие стереотипа тесно связано с понятием картины мира. Согласно В. А. Масловой, стереотип – это фрагмент концептуальной картины мира, устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации, имеющее две составляющие – ментальный образ и вербальную оболочку [Маслова 2001: 110]. Под картиной мира в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике понимается система образов, отражающих мир в сознании человека и обладающих национально-культурной спецификой [Карасик 2002: 74; Красных 2003: 17; Маслова 2004: 50; Попова, Стернин 2007: 36]. Наиболее значимые элементы картины мира фиксируются в языке, составляя языковую картину мира. В. А. Маслова перечисляет следующие функции стереотипа: схематизация воспринимаемой информации, упрощение познания, регуляция поведения, передача и преобразование культурных доминант, формирование и поддержание групповой идеологии, помощь в распознавании членов «своих» и «чужих» групп [Маслова 2001: 110].

Разновидностями социальных стереотипов являются классовые, гендерные, этнорегиональные, профессиональные, конфессиональные, партийные, возрастные стереотипы и т. д. В связи с тем что стереотипизация позволяет разграничивать «своих» и «чужих», среди

социальных стереотипов различают авто- и гетеростереотипы, то есть стереотипные представления о членах своей группы и чужих групп, а также метастереотипы – предполагаемые стереотипы, представления человека о чужих стереотипах о нем самом [Маслова 2004: 58; Сорокина 2013: 125, 128].

Согласно Г. Тэшфелу, принадлежность к социальной группе всегда выступает объектом оценки, которая зависит от субъективного восприятия человеком своей группы как более или менее престижной. Исследователи отмечают пристрастность и оценочную поляризацию стереотипов о «своей» и «чужой» группах: люди склонны формировать позитивные стереотипы о себе и противопоставлять им негативные стереотипы о других [Агеев 1986; Емельянова 2012; Пеньковский 2004]. При этом «своим», как правило, приписывается множество уникальных разнообразных характеристик, а «чужой» мир представляет собой однородную массу, его представители лишены индивидуальности [Емельянова 2012; Пеньковский 2004; Сорокина 2013]. Оппозиция «свой – чужой» выражается в речи в виде высказываний, которые создают обобщенный позитивный образ членов ингруппы и обобщенный негативный образ аутгруппы. Но в межгрупповой коммуникации не всегда задействованы негативные гетеростереотипы и необязательна враждебность по отношению к «чужим». В обществах с классовой стратификацией в той или иной степени может происходить идеализация высших классов.

В своем масштабном исследовании английской культуры антрополог К. Фокс подчеркивает, что у англичан обострено чувство классовости их общества и что эта реалья пронизывает все области жизни и культуры страны даже в современный период, несмотря на все недавние социальные изменения [Fox 2004: 73]. Например, представители рабочего и среднего класса испытывают обостренный интерес к аристократии, стремятся ориентироваться в своих взглядах и поступках на аристократов и приобщиться к «чужому» миру. Не только в Англии, но и во всей Британии по-прежнему сохраняется разделение на рабочий класс, средний класс и аристократию, что подтверждают социологические и лингвистические исследования [Карасик 2002: 15; Масленникова, Ленцман 2013: 94; Leith 1997: 2; Robson 2016; Tomida 2012: 271]. По данным опроса, проведенного компанией YouGov в 2019 году, 43% британцев относят себя к рабочему классу, 44% – к среднему классу, остальные затруднились или отказались ответить [YouGov 2019].

Результаты более ранних исследований варьируются, однако в целом свидетельствуют о том, что классовая иерархия по-прежнему является актуальной и у большинства британцев есть определенная классовая идентичность [Butler 2016; Johnston 2010].

Исследование собранного материала (186 статей, 6 словарей, 86 словарных дефиниций, из которых для описания отобрано 157 примеров из публицистики и 18 дефиниций) показало, что британские классовые стереотипы сконцентрированы в рамках следующих тем: работа, финансовое положение, досуг, привычки, жилье, черты характера, внешность, имена, речь, культурный и интеллектуальный уровень, политические взгляды, социальные проблемы и отношение представителей данного класса к другим классам. Например, стереотипный представитель рабочего класса – пожилой белый мужчина, работающий на заводе или потерявший работу и недовольный размером своего пособия:

(1) *It is hard to position cleaners and fast food workers as being economically anything other than the working class, but somehow they don't fit our narrative as neatly as **an old white man shouting about "benefit cheats"***. (The Guardian 07.09.2017)

Данный стереотип не отражает неоднородности рабочего класса по таким показателям, как гендер, этническое происхождение и род занятости людей. Исключение из стереотипного образа уборщиков, работников фастфуда и других групп населения демонстрирует основные характеристики стереотипного мышления: упрощение, схематизация, неточность.

Стереотипы о среднем классе иллюстрируют следующие примеры:

(2) *It's a sort of **aspirational, effort-filled class sandwiched between being working class and upper middle class***.

*It's the class of **being told to say "pardon" instead of "what" and worrying about what the neighbours think***. (Metro 04.02.2019)

Представители среднего класса «зажаты» между двумя соседними классами: они стараются, чтобы их случайно не приняли за рабочий класс, и безуспешно, комично пытаются произвести впечатление выходцев из более высоких социальных слоев. Для этого они следят за своими манерами и стараются говорить грамотно и красиво (*"pardon" instead of "what"*).

Автор статьи "*12 brilliantly middle-class things overheard in a Cambridgeshire M&S*" перечисляет фразы, якобы услышанные в продуктовом магазине и явно принадлежащие людям из среднего класса:

(3) *That hummus isn't reduced fat, grab the other one. Is that chicken organic Lucy? <...> I always buy the wine in the bag then decant it because people don't realise and think it's more expensive.* (The Daily Mirror 29.09.2019)

Эти фразы служат подробной иллюстрацией стереотипов о том, что среднему классу свойственны крайняя разборчивость, желание покупать «здоровую» пищу и деликатесы, а также дешевые вещи, которые можно потом выдать за дорогие, чтобы поддержать свой имидж в глазах других людей. Статья пародирует и высмеивает все эти качества.

Основные стереотипы об аристократии, выявленные в исследовании, представлены в следующем примере:

(4) *Behind the beauty of the British aristocracy's stately homes and the sometimes romantic and eventful lives they led, lies a darker story: a legacy of theft, violence and unrepentant greed. Historically, the British aristocracy's defining feature was not a noble aspiration to serve the common weal but a desperate desire for self-advancement... Habits and obsessions have barely changed. Of today's 24 non-royal dukes, half went to Eton. Twenty-first-century aristocrats still belong to the same clubs their ancestors frequented... Like Nancy Mitford in 1955, they entertain themselves distinguishing between U terms, as used by the upper classes ('napkins', 'false teeth', 'spectacles' and 'vegetables'), and Non-U, or middle-class, ones ('serviettes', 'dentures', 'glasses' and 'greens'). They play polo and love guns, horses and hounds.* (The Guardian 07.09.2017)

Содержание всех выявленных стереотипов можно обобщить следующим образом: типичный аристократ купается в роскоши, живет в поместье, занимается конным спортом, любит охотиться, много пьет, ведет себя высокомерно, нахально и неуправляемо. Он получил образование в элитном университете, знает латынь, не работает либо получил должность благодаря своим связям, уклоняется от налогов и безразлично относится к чужим проблемам, заботясь только о собственном благополучии. Типичным признаком аристократа считаются красные брюки: (5) *Red trouser-wearing is... a badge of the toff.* (The Guardian 01.08.2013) Кроме того, аристократы носят смешные старомодные имена: (6) *Toffs have always gone in for stupid names, often in honour of previous generations.* (The Spectator 23.04.2016) Яркая особенность английской лингвокультуры – наличие стереотипов о манере речи, характерной для аристократов (*U terms* в примере

выше). Присутствие в их речи слов и выражений, не типичных для среднего и рабочего класса, впервые отметил лингвист А. Росс [Ross 1954], а упомянутая в примере выше писательница Н. Митфорд пересказала его наблюдения в популярном эссе, получившем широкую известность [Mitford 1956]. Более подробно классовые социолекты будут рассмотрены ниже.

Как показало сравнение словарных определений слов, означающих разные классы, с газетными статьями, словари дают более поверхностное представление о классовых стереотипах в силу краткости и нейтральности формулировок. В частности, словари не отражают многих стереотипов о среднем классе, таких как стесненные финансовые обстоятельства, повседневные привычки, манера речи, неуверенность в себе и стремление к социальному росту. Однако некоторые стереотипы о типичной представительнице низов и среднего класса *Hyacinth Bucket* все же описаны в словаре Longman, вероятно, потому что он предназначен для иностранцев, которые изучают английский язык и культуру, а следовательно, нуждаются в таких разъяснениях:

(7) *Hyacinth Bucket: a female character in a humorous British television programme called Keeping Up Appearances. She always keeps her house very clean and tidy, and is a typical example of an English snob.* (Longman).

Hyacinth Bucket – собственное имя героини комедийного сериала, которое подверглось лексикализации и стало использоваться в значении «типичный представитель низов среднего класса». Из всех стереотипов о низшем среднем классе словарь отражает только два: подражание вкусам высших классов и стремление поддерживать в доме чистоту и порядок.

Обычно гетеростереотипы характеризуют как однообразные и несущие резко отрицательную оценку всего «чужого» в отличие от автостереотипов [Емельянова 2012: 44; Пеньковский 2004: 24; Сорокина 2013: 127]. Но сравнительно-сопоставительный анализ британских классовых стереотипов показал, что гетеростереотипы обо всех классах отличаются разнообразием и подробностью, а также характером эмоциональной оценки: они могут быть окрашены как отрицательно, так и положительно. Это связано, во-первых, с особой ролью классовости в британской картине мира: проявляя интерес к статусным символам всех классов и формируя о них разнообразные стереотипы, британцы получают дополнительные возможности подчеркивать внутригрупповое сходство и межгрупповые различия. Во-вторых,

более высокие классы выступают в роли референтных групп, то есть групп, на которые рабочий и средний классы ориентируются в своих мнениях и поступках. Это явление отражено в следующем высказывании:

(8) ***Brits still love a good toff...** There is still a strong tendency for us to defer to the confident and well-spoken, no matter how ridiculous their views... It's that the British are so fascinated by toffs that we give them a free pass as long as they stay on brand. That we laugh at their Wodehousian eccentricities at the same time as a small voice in the back of our head encourages us to defer to their opinions.* (The Guardian 20.11.2016)

Пример иллюстрирует амбивалентное отношение других классов к аристократии: с одной стороны, фразы “*Brits still love a good toff*” и “*the Brits are so fascinated by toffs*” выражают обостренный интерес представителей рабочего и среднего классов к аристократии, их стремление ориентироваться в своих взглядах и поступках на аристократов, желание приобщиться к «чужому» миру, известному им по романам П. Г. Вудхауза. С другой стороны, к аристократам относятся с неодобрением и насмешкой, на что указывают фразы “*no matter how ridiculous their views*” и “*we laugh at their Wodehousian eccentricities*”.

Встречаются положительные гетеростереотипы о представителях рабочего класса, например, их считают честными, трудолюбивыми, проникнутыми духом коллективизма:

(9) *...we associate the working class with virtues like honesty, hard work and community spirit.* (The Evening Standard 28.11.2002)

Автостереотипы обо всех трех классах отличаются положительной эмоциональной оценкой, не зависящей от содержания стереотипа. Например, хотя гетеростереотипы о низшем среднем классе и его типичной представительнице *Hyacinth Bucket* негативны (неуверенность в себе, озабоченность правилами приличия, старомодность, лицемерие), сами представители низшего среднего класса противопоставляют им позитивные стереотипы о самих себе, как в следующем высказывании:

(10) ***I'm not ashamed to keep striving, like the true grasping, self-improvement-obsessed middle class social climber I suppose I am.*** (Metro 10.01.2019)

Здесь говорящий описывает себя через позитивный автостереотип о трудолюбии и стремлении к самосовершенствованию, присущих среднему классу. Даже стереотип о привязанности к материальным

благам (*grasping*) не получает отрицательной оценки (*I'm not ashamed*). То, что стереотипы о своей группе передают положительную эмоциональную оценку, объясняется феноменом внутригруппового фаворитизма [Tajfel, Turner 2004].

Автостереотипов о рабочем классе в газетах представлено меньше, чем о других классах. Это связано с тем, что у рабочего класса мало возможностей влиять на содержание публицистического дискурса: авторы статей описывают рабочий класс «со стороны» и редко цитируют высказывания непосредственных представителей рабочего класса.

Некоторые стереотипы о «своей» и «чужой» группах могут отличаться только знаком оценки. Например, в следующем высказывании говорящий положительно оценивает свою принадлежность к категории *chav*:

(11) *I spend a lot of time lying on the sofa yelling at the television... I'm proud to be a chav.* (The Independent 21.02.2005)

При этом все гетеростереотипы о данной группе резко отрицательны:

(12) *The crimes committed by "chavs" included being too loud, too flash, too drunk, too vulgar and, most inexcusable of all, too disrespectful towards their "betters".* (The Guardian 19.06.2011)

Как видно из примера, негативные гетеростереотипы о *chavs* связаны с их дурными манерами, склонностью к алкоголизму и неуважением к социальным нормам. Также есть негативные стереотипные представления об отталкивающем внешнем виде *chavs*, обязательными атрибутами которого являются спортивный костюм, одежда с броскими логотипами известных брендов (*Burberry*, *Kappa* и др.), крупные ювелирные украшения.

Кроме содержания стереотипов, в ходе исследования были определены способы их языкового выражения на уровнях лексики, грамматики и фонологии. Лексические маркеры классовых стереотипов – это собирательные обозначения представителей класса, обозначения отдельных типичных представителей класса, а также слова, означающие объекты и явления, ассоциирующиеся с данным классом. Для рабочего класса и аристократии было выявлено больше лексических маркеров, чем для среднего класса (22 собирательных обозначения представителей рабочего класса, 7 – среднего класса, 26 – аристократии). Маркеры с наиболее ярко выраженной оценкой также связаны

именно с рабочим классом и аристократией. Можно предположить, что это обусловлено спецификой медиадискурса: в исследуемых газетах чаще пишут об остросоциальных проблемах, таких как крайняя бедность и возмутительная роскошь – стереотипные черты низшего и высшего классов соответственно.

Собирательные обозначения рабочего класса связаны с характером занятости (*the working class*), низким социальным статусом (*the common people*), местом жительства и речью (*cockneys*), финансовым положением (*the poor, jams*). Номинация *jams* – акроним словосочетания *just about managing* («еле сводят концы с концами») во множественном числе. Был выявлен ряд эвфемизмов – иносказаний, указывающих на бедность и низкий социальный статус (*the other half, the lower orders, the left behind, people from less privileged backgrounds, those less fortunately situated, a group from the opposite end of the wealth spectrum*).

Типичные представители рабочего класса – *Vicky Pollard, Essex man, Basildon man, Mondeo man, white van man* и *Sharon and Tracey*. *Vicky Pollard* – воплощение негативных стереотипов о речи и поведении подростков, а *Essex man* – о консерватизме и вульгарности мужчин из рабочего класса. Стереотипы о *Basildon man* совпадают со стереотипами об *Essex man*. Обе номинации основаны на месте проживания: Базилдон – название города в графстве Эссекс. Номинации *Mondeo man* и *white van man* связаны со стереотипным представлением о том, какие машины водят представители рабочего класса. *Sharon and Tracey* – героини сериала о девушках из Эссекса, чьи имена стали нарицательными и стабильно ассоциируются со стереотипом *Essex girl*. Сама номинация *Essex girl* является классовым ярлыком и будет рассмотрена ниже отдельно.

Собирательные обозначения среднего класса связаны с их социальным статусом (*the middle class, the upper middle, the lower middle*), финансовым положением, родом занятий (*the squeezed middle, the bourgeoisie, the chattering classes*) и речевыми особенностями (*the rahs*). Например, номинация *rahs* относится к молодым любителям вечеринок, принадлежащим верхушке среднего класса. Благодаря достаточной финансовой поддержке со стороны родителей *rahs* могут себе позволить сделать перерыв в учебе (*gap year*) перед поступлением в университет и попутешествовать по миру:

(13) *Gap Yah* – *A year's holiday spent in various developing countries getting very drunk on cheap local alcohol, reaching profound moral epiphanies and then vomiting "everywah"*. (The Guardian 28.03.2010)

Само слово *rah* является звукоподражанием и отражает стереотип о том, что в произношении данной социальной группы слова *yeah, year, everywhere* и т. п. оканчиваются звуком /ah/. В примере это отражено через фонетическое написание слов *yah* и *everywah*.

Типичные представители низов и верхушки среднего класса – *Hyacinth Bucket* и *Sloane Ranger*. Уже рассмотренное выше имя *Hyacinth Bucket* передает неодобрительную оценку стереотипов о манерах низшего среднего класса и его стремлении к социальному росту. Стереотипные характеристики *Sloane Ranger* – молодость, богатство, дорогая консервативная одежда и проживание в модных районах Лондона недалеко от площади Слоун-сквер. Стереотипные представления об аристократии и о *Sloane Rangers* могут пересекаться, но все же в большинстве случаев это две разные социальные группы, как видно из следующего примера об образцовой представительнице *Sloane Rangers* леди Диане:

(14) *Lady Diana Spencer... was considered the archetypal female Sloane Ranger. However, most Sloanes were not aristocrats as Lady Diana was.* (The Daily Telegraph 19.02.2015)

Собирательные обозначения аристократов связаны с представлениями об их высоком социальном статусе (*the aristocracy, the aristocrats, the upper class, the posh, the elite, the Uppers, the upper crust, aristos, poshos*), привилегиях, финансовом благополучии и роскошной жизни (*the haves [and the have-nots], the silver-spooners, the beau monde, the contented classes*), владении землей (*the landed gentry*), власти и образовании (*the high and mighty, patricians, old Etonians, an Oxbridge elite*), благородном происхождении (*the bluebloods, the nobility, the nobs*) и внешнем виде (*the red-trouserred ones*).

Стереотипным аристократом считается *Tim "Nice But Dim"*. Это имя служит примером прономинии: прозвище известного комедийного персонажа используется для обозначения типичного аристократа. В образе Тима воплощены стереотипы о приятных манерах и невысоком интеллекте аристократии. Также распространено представление об аристократах как выпускниках частных школ (например, Итона) и элитных университетов (Оксфорда, Кембриджа), отраженное в таких номинациях, как *old Etonians* и *an Oxbridge elite*.

Среди классовых маркеров присутствует особая категория классовых ярлыков. Классовый ярлык – это обозначение представителей социального класса, в краткой форме содержащее большой объем

стереотипной информации с резко негативным эмоционально-оценочным компонентом. *Chav* и *Essex girl* – наиболее распространенные ярлыки, употребляющиеся в отношении рабочего класса; по сравнению с ними остальные ярлыки встречаются реже. Все они передают крайне негативную оценку: *scally* (синоним *chav*, распространенный на севере Англии), *pikey* («бродяга», «цыган»), *prole* («пролетарий»), *the plebs* («плебеи»), *the riff-raff* («сброд»), *hoi polloi* (греч. «массы»), *lower class* («низший класс»), *the shameless class* («бесстыдный класс»), *the great unwashed* («чернь»). Рассмотрим пример:

(15) *Certainly the stereotypical chav is an absurd figure in his white tracksuit and bling, a silly hairstyle and Burberry accessories, perhaps accompanied by a nasty bull terrier.* (The Daily Telegraph 17.07.2008)

Здесь выражен стереотип о внешнем виде *chav*: он носит белый спортивный костюм, яркие и безвкусные украшения, глупую прическу и аксессуары фирмы Burberry, его сопровождает злой бультерьер. Стереотип-образ (представление о типичном *chav*) можно опознать по прилагательному *stereotypical*.

Представители рабочего класса могут использовать ярлык *chav* в отношении самих себя (*"I'm proud to be a chav"* в приведенном выше примере (11)). Такое присвоение изначально оскорбительного ярлыка позволяет придать ему противоположную эмоциональную окраску и сделать так, чтобы слово перестало употребляться как оскорбление и могло стать основой для позитивной групповой идентификации.

Ярлык *Essex girl* отражает стереотипы о глупости, нахальности и распущенности женщин из Эссекса, а также об отсутствии у них чувства стиля. В газетах можно найти много шуток о фантастически низком интеллекте *Essex girls*, например:

(16) Q: *What's the difference between an Essex Girl and a shopping trolley?* A: *A shopping trolley has a mind of its own.* (The Daily Mail 21.03.2019)

В значении ярлыка *Essex girl* пересекаются негативные классовые и гендерные стереотипы. Показательно, что, хотя номинация *Essex man* также передает отрицательную оценку, она не употребляется для стигматизации мужчин из Эссекса из-за их интеллекта, внешности и подробностей личной жизни и не является столь же грубым оскорблением, как *Essex girl*. Как и в случае с ярлыком *chav*, угнетаемая группа пытается присвоить ярлык *Essex girl* и наполнить его новым позитивным значением: в 2016 году в Англии началась кампания за удаление словарных статей об *Essex girl* из словарей Oxford и Collins

либо их изменение, поскольку в своем текущем виде они поддерживают глубоко оскорбительную стереотипизацию женщин из Эссекса (The Daily Mail 21.03.2019; The Daily Mirror 25.10.2016).

В отношении аристократов используются следующие классовые ярлыки: *toff* (неодобрительное обозначение гордого и высокомерного аристократа), *Hooray Henry*, *Hooray Henrietta* (гендерно-специфические номинации, ассоциирующиеся с крикливостью и заносчивостью аристократов и возникшие в связи с тем, что имена Henry и Henrietta считаются типично аристократическими) и *chinless wonder* (обозначение связано со стереотипом о том, что вследствие близкородственных браков и проблем с генетикой у многих аристократов маленький подбородок и низкий интеллект).

Наиболее оскорбительными считаются ярлыки, обозначающие рабочий класс. На это указывает большое число контекстов, в которых представители рабочего класса определяют слова *chav*, *Essex girl* и другие как унижительные и неприемлемые, и совершенное отсутствие таких контекстов с ярлыками аристократии. Ярлыков для среднего класса выявлено не было.

Способам речевого выражения стереотипов посвящен ряд исследований (например, Бергельсон, Некрасова 2010; Вилинбахова 2011). М. Б. Бергельсон и Е. А. Некрасова выделяют два таких способа: «Семантические приемы непосредственно отражают и создают стереотипы в дискурсе. Стилистические приемы украшают стереотипы, выраженные другими языковыми средствами, делают описываемый стереотип ярче и рельефнее» [Бергельсон, Некрасова 2010: 31]. Авторы классифицируют высказывания по тому, насколько явно выражен в них стереотип: эксплицитно либо имплицитно. Стилистические приемы могут быть реализованы на трех разных уровнях: лексика, грамматика и дискурс. К лексическим приемам относится употребление метафор, оценочной лексики, иноязычных слов и т. д. На уровне грамматики существуют такие приемы, как противопоставления, повторы и т. д. На уровне дискурса приемы оформления стереотипа связаны «с семантикой развернутых элементов или организацией всего текста» [Бергельсон, Некрасова 2010: 31].

В настоящем исследовании были выявлены лексико-грамматические маркеры классовых стереотипов, которые представляют собой конструкции, передающие значения обобщения и стереотипизации. В них могут быть использованы лексические маркеры классовых

стереотипов, а также маркеры типичности (*typical, stereotypical, usual, average, generally, normally, always, never* и т. д.), регулярности (*all, every, many, most, tend* и т. д.) и образцовости (*ideal, true*, прилагательные в превосходной степени и т. д.), конструкции с собирательными существительными, местоимениями *we* или *they*, глаголами-предикатами в Present Simple или Perfect, а также с предикатами мнения и оценки (*they're known for, they're hated for* и т. д.). Кроме того, распространены конструкции *X is middle-class, to be middle-class is to do X, middle class is about X* и т. д. Рассмотрим пример:

(17) **To be middle-class is to live in constant fear of saying and doing the wrong things. We are always apologising for the most minor of mistakes or mishaps. The posh, on the other hand, are totally free of such social anxieties or regret.** (The Spectator 11.02.2017)

С помощью конструкции “*to be middle-class is to do X*” здесь выражен стереотип о социальной неловкости среднего класса. Маркером автостереотипа является местоимение *we*, указывающее, что говорящий сам принадлежит к среднему классу и делает обобщенное утверждение обо всех его представителях. Подлежащее *the posh* и глагол-связка в Present Simple также являются маркерами стереотипизации: они указывают, что последняя часть высказывания относится к аристократии в целом и описывает качество, присущее ей всегда. Здесь также видно противопоставление «свой – чужой»: *we (the middle class) vs the posh*. Путем стереотипизации автор поддерживает внутригрупповую солидарность, преувеличивает сходство и преуменьшает различия между представителями среднего класса. Таким образом, пример иллюстрирует то, как стереотипы выполняют функции межгрупповой дифференциации и поддержания позитивной групповой идентичности.

Существование стереотипа может приводить к образованию производного слова, в значении которого также закрепляется стереотип (например, *toffery, middle-classness, chavvy, Sloaney, to posh, aristo, chav-bashing, mockney* и т. д.). Использование таких слов в газетной статье позволяет автору выразить стереотип в краткой и емкой форме, а также усилить воздействие текста на читателя, привлекая дополнительное внимание к стереотипу.

В британской лингвокультуре существуют стереотипы и предрасудки о социолектах каждого из трех классов. Считается, что представители среднего класса компульсивно следуют произносительной

норме, чтобы производить благоприятное впечатление и подчеркнуть свое отличие от рабочего класса, тогда как акценты аристократии и рабочего класса отклоняются от стандартного произношения. Произношение особенно часто становится поводом для классовой дискриминации [Crystal, Crystal 2014: 235] в сфере образования или трудоустройства, где об интеллекте и характере человека могут судить по его произношению. Как показывают данные опросов, Received Pronunciation ассоциируется у британцев с высоким социальным статусом, образованием и властью, а также с высокомерием, снобизмом, равнодушием и неискренностью [Crystal, Crystal, 2014: 48; Hughes, Trudgill, Watt 2012: 5]. Акцент кокни считается типичным для рабочего класса; долгое время он ассоциировался с низким уровнем образования и неграмотностью [Leith 1997: 46; Mugglestone 1993: 380], но сейчас его воспринимают более позитивно, и в опросе 2008 года о популярности акцентов кокни занял четвертое место, разделив его с йоркширским акцентом [Irvine 2008]. Стремление избежать упомянутых выше негативных стереотипов об аристократическом социолекте отражено в следующем примере:

(18) **One can only assume he has been reverse Eliza Doolittling himself to become that bit less Eton College and a bit more Eton mess.** (The Daily Telegraph 29.05.2015)

Eliza Doolittle – имя героини пьесы Б. Шоу «Пигмалион», стремившейся изменить свой социолект на более престижный. Это имя собственное стало прецедентным в британской лингвокультуре в связи с распространенностью среди рабочего класса такого же стремления и широкой популярностью пьесы. В приведенном примере имя собственное подверглось конверсии и стало глаголом, а с помощью сложения *reverse + Eliza Doolittle* было образовано сложное слово с противоположным значением: «изменить свой социолект на менее престижный». Такая манера речи получила название *crowd-pleasing mockney* (The Guardian 11.05.2008). Словослияние *mock+cockney* передает негативную оценку: подражание акценту кокни воспринимается как насмешка. Прилагательное *crowd-pleasing* в данном примере также указывает на то, что уловки аристократов не остаются незамеченными, и от слушателей не укрываются истинные мотивы такого поведения.

Стереотипы о социолектах могут быть выражены через имитацию акцента с помощью фонетического написания слов, а также через

подражание особенностям лексики и грамматики разных классов в целях пародирования и создания комического эффекта, например:

(19) *The more extreme and hilarious upper-class accents of yore are now, unfortunately, a rarity... "thiysands of Boy Sciysts running riynd the hiyse".* (The Observer 30.07.2001)

Здесь выражен стереотип о консервативном варианте Received Pronunciation у аристократов: более закрытый вариант произношения дифтонга /aʊ/ передан через фонетическое написание слов *thousand*, *Scouts*, *round*, *house*. Маркерами стереотипов о речи рабочего класса могут быть слова и выражения, стереотипно ассоциирующиеся с социолектом кокни, например:

(20) *Cor blimey, what a blinkin' palaver. The BBC has announced a season of programmes examining the white working class.* (The Guardian 23.11.2007)

Автор использует смягченное ругательство *cor blimey* (эвфемизм для *God blind me*), эмфатическое прилагательное *blinkin'* (фонетическое написание *-ing* отражает произношение) и слово *palaver* («пустая болтовня») – маркеры стереотипных представлений о социолекте кокни.

Существование стереотипов о классовых социолектах привело к образованию глаголов *to posh*, *de-posh*, *cockneyfy*, *reverse Eliza Doolittle* и прилагательного *mockney*. Негативной стереотипизации стремятся избежать как представители рабочего класса и носители некоторых региональных диалектов, так и аристократы, что отражено в следующем примере:

(21) *But if you do want to throw off your roots and adopt a vocal disguise, then our video above shows how to posh or de-posh your voice.* (The Daily Telegraph 13.02.2015)

Глаголы *posh* и *de-posh* образованы от прилагательного *posh* путем конверсии и аффиксации, чтобы обозначить то, как представители разных классов изменяют свой акцент на желаемый: *to posh your voice* – «приобрести акцент, близкий к Received Pronunciation», *to de-posh your voice* – «приблизить свой акцент к акценту рабочего класса». В аналогичном контексте используется глагол *to cockneyfy* («сделать свой акцент более похожим на кокни»), образованный путем аффиксации от существительного *cockney*, и глагол *to prole* («сделать свой акцент более похожим на акцент рабочего класса»), образованный с помощью конверсии существительного *prole*. Данное существительное, в свою очередь, является сокращением от *proletariat*.

Поскольку классовые стереотипы потенциально способны воздействовать на общественное мнение, они могут использоваться с целью манипуляции в рамках коммуникативных стратегий оправдания или отрицания социального неравенства. В британском публицистическом дискурсе встречаются следующие приемы манипуляции, действующие классовые стереотипы: имплицитная подача стереотипа, аргументация с опорой на стереотип-образец (на единичный случай), выдача стереотипа-образца за стереотип-образ (выдача идеального за реальное), перенос негативного стереотипа на другую социальную группу, использование стереотипа для давления на эмоции, выражение стереотипа с использованием средств выразительности для управления вниманием читателя, использование эвфемистических наименований социальных классов. Например, если негативный стереотип об аристократии широко распространен и его трудно полностью развенчать, с целью создания более позитивной оценки аристократии автор может попытаться перенести его на другую социальную группу:

(22) *Noblesse continues to oblige, and in a world full of new, tax-avoiding, prole-hating, obligation-avoiding money, old, duty-conscious, state-home money can sometimes seem a very desirable friend to cultivate.* (The Independent 28.11.2014)

Говорящий противопоставляет аристократию (*old money*) недавно разбогатевшим бизнесменам (*new money*), перенося негативные стереотипы о первой группе на вторую. Распространены представления о том, что аристократы уклоняются от налогов, не интересуются проблемами рабочего класса и не желают брать на себя обязательства, связанные с заботой о благополучии общества в целом. В данном высказывании эти характеристики приписываются другому социальному классу. Кроме того, происходит подмена реального образа идеальным: автор описывает аристократию через стереотип-образец *noblesse oblige*, а игра слов (*noblesse continues to oblige*) позволяет привлечь к стереотипу дополнительное внимание.

Следующий пример иллюстрирует сразу несколько манипулятивных приемов, используемых в рамках коммуникативной стратегии отрицания неравенства:

(23) *The glory of our class system is not that it's constricting but rather that it offers endless opportunities to become whoever you want to be. It's not a straitjacket. <...> Did being born Welsh (in a place called Splott) – the son of*

a hairdresser and a self-employed French polisher – really hamper John Humphrys' entry into the snooty, Oxbridge-dominated British media establishment? Not so that you'd notice. No more, I'd say, than having been born the daughter of a lowly Nigerian oil tycoon has prevented Emma McQuiston from becoming the future Marchioness of Bath. This is the point about the British class system: it's porous and has been since at least the days when a lowly actress like Nell Gwynne could become the King's mistress and become mother of the Earl of Burford (and later Duke of St Albans). (The Daily Telegraph 03.04.2013)

Словосочетание *endless opportunities* является гиперолой, поскольку утверждение, что британская классовая система допускает безграничные возможности социального роста, явно преувеличено. Эту идею подкрепляет метафора смиренной рубашки, которой, по мнению автора, классовая система не является (*not a straitjacket*). Данные средства выразительности делают сообщение ярким и запоминающимся. Приведенное автором обоснование является обобщением, сделанным на основе трех отдельных случаев (*John Humphrys, Emma McQuiston, Nell Gwynne*). Попытка манипулировать читательским вниманием основана на предположении, что он не заметит ошибку выборки и ему хорошо запомнятся выражения *endless opportunities* и *not a straitjacket*.

В целом исследование показало, что классовые стереотипы функционируют в публицистическом дискурсе в соответствии с общими закономерностями межгрупповой коммуникации, такими как внутригрупповой фаворитизм, межгрупповая дискриминация, склонность людей подчеркивать внутригрупповое сходство и межгрупповые различия. Однако британские классовые стереотипы также имеют специфическую особенность: среди них много подробных и позитивно окрашенных гетеростереотипов, хотя в исследованиях оппозиции «свой – чужой» принято считать, что только представления о «своей» группе отличаются подробностью и позитивной оценочностью, а для представлений о «чужих» характерны однообразие и негативная оценочность.

Подводя итог, можно сказать, что в британском лингвокультурном сообществе классовые стереотипы играют особенно важную роль. Это связано с интересом британцев к теме классов и наличием в стране острых социальных проблем, связанных с классовым неравенством. Данный момент является одним из ключевых для понимания британской языковой картины мира.

Источники примеров с сокращениями:

1. Bennet C. The toffs are back – and, frankly, no one gives a damn // The Guardian. 11.05.2008. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2008/may/11/boris.davidcameron> (дата обращения: 24.03.2020).
2. Betts H. Parlez-vous prole? Why the upper classes use mockney accents // The Daily Telegraph. 29.05.2015. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/prince-william/11638361/Parlez-vous-prole-Why-the-upper-classes-use-mockney-accents.html> (дата обращения: 15.03.2020).
3. Bingham J. The class divide: why we now need seven categories to know our place // The Daily Telegraph. 03.04.2013. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/9969547/The-class-divide-why-we-now-need-seven-categories-to-know-our-place.html> (дата обращения: 11.03.2020).
4. Bletchly R. Tightwad Tykes, orange Essex Girls and Geordie coat shirkers... local stereotypes we long to ditch // The Daily Mirror. 25.10.2016. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/tightwad-tykes-orange-essex-girls-9126059> (дата обращения: 15.03.2020).
5. Bryant C. How the aristocracy preserved their power // The Guardian. 07.09.2017. URL: <https://www.theguardian.com/news/2017/sep/07/how-the-aristocracy-preserved-their-power> (дата обращения: 24.03.2020).
6. Caster Y. My Label and Me: Being middle class makes me feel stuck in between // Metro. 10.01.2019. URL: <https://metro.co.uk/2019/01/10/my-label-and-me-being-middle-class-makes-me-feel-stuck-in-between-8249392/> (дата обращения: 11.03.2020).
7. Conway H. In defence of red trousers // The Guardian. 01.08.2013. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/aug/01/in-defence-of-red-trousers> (дата обращения: 24.03.2020).
8. Delingpole J. The Great British Class Survey: which class are you? // The Daily Telegraph. 03.04.2013. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/9969550/The-Great-British-Class-Survey-which-class-are-you.html> (дата обращения: 15.03.2020).
9. Doonan S. Good Breeding Is for the Dogs; Why Not Memorize Nancy Mitford // The Observer. 30.07.2001. URL: <https://observer.com>

- com/2001/07/good-breeding-is-for-the-dogs-why-not-memorize-nancy-mitford/ (дата обращения: 24.03.2020).
10. Goldhill O. How to de-posh your accent // The Daily Telegraph. 13.02.2015. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/11408842/How-to-de-posh-your-accent.html> (дата обращения: 24.03.2020).
 11. Howse C. Calling people chavs is criminal // The Daily Telegraph. 17.07.2008. URL: <https://www.telegraph.co.uk/comment/columnists/christopherhowse/3560662/Calling-people-chavs-is-criminal.html> (дата обращения: 15.03.2020).
 12. Julie Burchill: Me and my big mouth // The Independent. 21.02.2005. URL: <https://www.independent.co.uk/news/media/julie-burchill-me-and-my-big-mouth-484220.html> (дата обращения: 15.03.2020).
 13. Landesman C. Why do the middle classes let posh people be so rude? // The Spectator. 11.02.2017. URL: <https://www.spectator.co.uk/2017/02/why-do-the-middle-classes-let-posh-people-be-so-rude/> (дата обращения: 11.03.2020).
 14. Lawrence J. Why I joined the Essex Girls Liberation Front // The Daily Mail. 21.03.2019. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6836667/JULIA-LAWRENCE-joined-Essex-Girls-Liberation-Front.html> (дата обращения: 15.03.2020).
 15. MacInnes P. Brits still love a good toff. The ubiquity of Jacob Rees-Mogg proves it // The Guardian. 20.11.2016. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/nov/28/jacob-rees-mogg-boris-johnson-ubiquity-toffs> (дата обращения: 24.03.2020).
 16. Mason M. How baby names got so weird // The Spectator. 23.04.2016. URL: <https://www.spectator.co.uk/2016/04/how-baby-names-got-so-weird/> (дата обращения: 15.03.2020).
 17. McDuff P. Enough of the patronising myths about the “white working-class” // The Guardian. 07.09.2017. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/sep/07/myths-white-working-class> (дата обращения: 15.03.2020).
 18. Meikle J. Children aware of difference between chavs and chav-nots // The Guardian. 07.09.2007. URL: <https://www.theguardian.com/society/2007/sep/07/social-exclusion-schools> (дата обращения: 15.03.2020).
 19. Meltzer T. The gap-year video spoof that went viral // The Guardian. 28.03.2010. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2010/mar/28/gap-year-spoof-youtube> (дата обращения: 11.03.2020).

20. O'Hagan S. Chavs: The Demonization of the Working Class by Owen Jones – review // The Guardian. 19.06.2011. URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/jun/19/chavs-demonization-working-class-review> (дата обращения: 15.03.2020).
21. Pengelly E. Most brilliantly middle-class things overheard in M&S Foodhall in Cambridgeshire // The Daily Mirror. 29.09.2019. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/most-brilliantly-middle-class-things-20329322> (дата обращения: 11.03.2020).
22. Reid R. Being middle class isn't cool, but it's a massive privilege // Metro. 04.02.2019. URL: <https://metro.co.uk/2019/02/04/middle-class-isnt-cool-massive-privilege-8434023/> (дата обращения: 11.03.2020).
23. Singh A., Turner C. Sloane Rangers are “heading for extinction” // The Daily Telegraph. 19.02.2015. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/newstoppers/diana/11421941/Sloane-Rangers-are-heading-for-extinction.html> (дата обращения: 11.03.2020).
24. Taylor DJ. How has the British aristocracy survived so well? // The Independent. 28.11.2014. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/comment/how-has-the-british-aristocracy-survived-so-well-9759917.html> (дата обращения: 24.03.2020).
25. Taylor M. The British class war // The Evening Standard. 28.11.2002. URL: <https://www.standard.co.uk/news/the-british-class-war-6350832.html> (дата обращения: 15.03.2020).
26. Wells S. The English white working class expired - and we got James Blunt instead // The Guardian. 23.11.2007. URL: <https://www.theguardian.com/culture/tvandradioblog/2007/nov/23/stevenwellsfriampic> (дата обращения: 15.03.2020).

ГЛАВА IV. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *THEATRE* В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

(Н. Ф. Щербак, М. Р. Рябыш)

Исследование посвящено выявлению и описанию особенностей репрезентации английского концепта *theatre*, а также изучению способов и закономерностей, с помощью которых данный концепт представлен в английском языке, путем изучения его лексико-семантических, семантико-синтаксических, структурно-семантических, а также когнитивно-семантических и лингвокультурологических параметров.

Концептуальный анализ, согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину, которые предлагают собственную развернутую методику семантико-когнитивного исследования концепта, включает ряд этапов: «построение номинативного поля концепта; описание и анализ семантики языковых средств номинативного поля; когнитивная интерпретация результатов описания семантики; выявление когнитивных признаков, которые формируют концепт как ментальную единицу; и верификация когнитивного описания» [Попова, Стернин 2007: 160].

Концепт *theatre/meamp* большинством исследователей рассматривается как один из самых многозначных и сложных культурных концептов, входящих в область национальной концептосферы многих мировых языков. Данный концепт имеет непосредственное отношение к личности, что усложняет его интерпретацию. Исследования концепта *theatre/meamp* в рамках лингвистики ведутся не так давно, в отличие от других наук, в которых его изучение проводится на протяжении довольно долгого времени.

С тех пор как концепт *theatre* стал объектом когнитивной лингвистики, первые работы отечественных лингвистов посвящались исключительно исследованиям английской театральной терминологии. Среди подобных работ следует отметить работу Т. С. Нифановой, в которой рассматривается языковая репрезентация английской театральной терминологии [Никифорова 1990]. Еще одной работой, в которой затрагиваются вопросы лексико-семантического поля *theatre* в английском языке, является исследование В. Н. Копытко [Копытко 1998], посвященное лингвострановедческому описанию лексико-семантического поля *theatre*, которое обобщает филологические исследования по вопросам языковой репрезентации театральной лексики.

Диссертационное исследование М. Р. Мироновой «Лексико-семантические и лингвокультурологические особенности театральной лексики в английском и русском языках» посвящено изучению лингвистической репрезентации понятия *theatre/meamp* в русском и английском языках.

Первой работой, посвященной исследованию концепта *theatre* в английском языке в рамках лингвокультурологического и концептологического подходов в лингвистике, считается диссертация Е. В. Иловой «Лингвокультурный концепт “театр” в коллективном и индивидуально-авторском сознании» (2008 год).

Работа С. А. Калининой «Репрезентация концептуализированного понятия “*theatre* /театр” в русской и английской языковых картинах мира» представляет особый интерес для настоящего исследования, поскольку в ней проводится комплексное структурно-семантическое исследование концепта «*theatre*/театр».

Поскольку в работах этих авторов преобладающими являются такие методы исследования, как лексико-семантический и дефинитивный анализ [Калинина 2014; Копытко 1998; Миронова 2007]; фразеологический анализ [Калинина 2014]; **контекстологический анализ** [Калинина 2014], то они послужат в качестве базы при рассмотрении концепта в настоящем исследовании в практической части работы.

В рамках когнитивно-семантического подхода к исследованию концепта «*theatre/meamp*» особенно актуальным является исследование А. С. Калининой. А. С. Калинина моделирует концептуальное поле и определяет базовые составляющие ядерной зоны концепта *theatre* и проводит анализ дефиниций лексикографических источников.

Таким образом, в работах ученых, которые посвящены исследованию английского концепта *theatre*, можно выделить три главных направления. Первое направление связано с работами, в которых исследования данного концепта ведутся в рамках когнитивного и лексико-семантического подходов. Основным методом в такого рода исследованиях, как правило, выступает дефинитивный анализ, позволяющий решать задачи когнитивного характера. Реже применяется контент-анализ (представляющий собой содержательный анализ). Второе направление исследований имеет отношение к изучению взаимодействия концепта с другими концептами, а третье направление включает работы, в которых концепт *theatre* рассматривается с позиции лингвокультурологии.

Рассмотрим, с помощью каких лексических единиц происходит репрезентация концепта *theatre* в английском языке. Установить, что представляет собой данный концепт в английской лингвокультуре, помогают лексикографические источники. В настоящем исследовании были задействованы такие словари, как Longman Dictionary, Oxford Advanced English Learner's Dictionary, English Language Dictionary M. Webster.

Обзор словарных дефиниций лексемы *theatre* в перечисленных лексикографических источниках показывает, что данное слово имеет несколько значений. Так, например, в словаре Longman Dictionary приводятся следующие значения лексемы *theatre*: «1) a building or an outdoor area where plays and similar types of entertainment are performed; 2) a building in which films are shown; 3) plays considered as entertainment; 4) the work of writing, producing and acting in plays; 5) a room in a hospital used for medical operations».

В словаре English Language Dictionary M. Webster мы обнаруживаем следующие толкования той же самой лексемы: «1) a building or area for dramatic performances: a) a building or area for showing motion pictures; b) an outdoor structure for dramatic performances or spectacles in ancient Greece and Rome; 2) dramatic literature; 3) dramatic literature».

Обобщение словарных значений лексемы *theatre* на основе различных источников позволяет сделать вывод о том, что в целом главным значением лексемы *theatre* является «место для различного рода представлений».

Как показывают предыдущие научные исследования данного концепта, в сознании носителей английского языка театр связан, во-первых, с конкретным сооружением, которое используется для организации театральных спектаклей, а также с любого рода развлечениями. В английской лингвокультуре театр – это: 1) institution, Театр – институт в том понимании, что это сама организация; 2) a building/stage for the performance, здание или «сценическая закрытая/открытая площадка, которая предназначается для постановки разного рода представлений, шоу и зрелищных мероприятий, а не только театральных спектаклей. К подобным зрелищным мероприятиям англичан следует отнести любые постановки, помимо театральных представлений, – оперу, балет, концерты; 3) a form of entertainment (вид развлечения). К этой группе относятся любые театральные представления и развлекательные мероприятия: шоу, балет, концерт, опера, оперетта,

трагедия, комедия, фарс и т. п.; 4) dramatic literature (драматургия как форма искусства). К этой категории можно отнести драматургию и литературу; 5) dramatic art as a profession (круг лиц, принимающих участие в театральном процессе). То есть это актеры, режиссеры, постановщики, операторы, костюмеры и люди других профессий, имеющие отношение к организации театрального представления, без которых театральная постановка была бы невозможна; 6) spectators (зрители, публика). Публика также имеет самое непосредственное отношение к любой театральной постановке, поскольку выступает в качестве главной причины всех театральных представлений; 7) spectacle (спектакль, театральная постановка). Спектакль – это конечный театральный «продукт» – то, ради чего, собственно, и собирается публика, зрители; 8) place with the steps like in a theatre (тип места, где могут проводиться театральные представления).

В настоящей работе за основу была принята классификация, которая предлагает выделять в английском языке 10 сем основного репрезентанта концепта – лексемы “theatre”: базовые и периферийные.

В качестве базовых сем исследователь выделяет следующие семы: “building/stage, entertainment, writing/performing plays, profession, spectators, spectacle”. К периферийным относит: “room of medical operations; region in wartime; pace with the steps like in a theatre; sphere of actions” [Калинина 2011: 375].

В английском языке практически все семы имеют синонимические парадигмы, которые представлены следующими лексемами: сема “institution” (Theatre), сема “building/stage” (auditorium playhouse; opera house; music hall; night club; concert hall; cabaret), сема “a form of entertainment” (opera; music hall; show; concert; play; cabaret), сема “dramatic literature” (writing/performing plays): (historic art; dramaturgy; show business; drama; dramatic art; dramatic performance), сема “profession” (theatrical world; stageland; acting; stagecraft; performing; stage; the boards; tragedy king; cockney coster comedian; drag artist), сема “spectacle” (phantasmagoria; picture; vision; show; showing; panorama; display; sight), сема “spectators” (spectator; public; audience; theatregoer), сема “place with the steps like in a theatre” (odium; arena; colloseum; amphitheatre).

Одним из способов изучения концептов считается также анализ внутренней формы лексических единиц, раскрывающих сущность концепта [Калинина 2011: 375]. Отдельные лексемы, которые репрезентируют фрагмент концептосферы, раскрывают как сущность концепта

через содержательную сторону языкового знака, так и содержат в себе опыт и знания, приобретенные индивидом (индивидами) в процессе исторической и социальной деятельности. Эти знания могут быть установлены с помощью историко-этимологического и семантического анализа языковых единиц, которые репрезентируют концепт.

Таким образом, можно выделить восемь лексико-семантических групп в английском языке: Institution (Организация); Place (Место проведения); Entertainment (Развлечение); Performing plays (Театральный процесс); Writing plays (Драматургия); Profession (Профессия); Spectacle (Спектакль); Audience (Публика);

Стоит отметить, что концепт *theatre* в английском языке связан с человеческим фактором, и среди восьми выявленных сем особо выделена сема "profession". К человеческому фактору имеют отношение и семы "writing/performing place", и "spectators".

Изучение лексической репрезентации концепта показывает, что у представителей английской культуры концепт *theatre* связан, прежде всего, с определенным сооружением, предназначенным для различного рода представлений, с местом, где проходят эти представления, а также с развлечением, приятным времяпрепровождением и отдыхом.

Фразеологические единицы – это продукт сложного многоаспектного взаимодействия мышления, действительности и языка. Обладая своей спецификой, фразеологическая подсистема выделяется из лексической подсистемы по многим характеристикам. Но «фразеологизм – такое же объективное явление в языке, как и слово. Состав таких выражений в целом устойчив, един, как един состав слов» [Артемова 2009: 9].

Внутренняя форма фразеологических единиц является значительно более стойкой, чем это наблюдается в отношении внутренней формы слов, что, согласно мнению А. В. Кунина, «объясняется преобразованным характером фразеологического значения, преобладанием мотивированных фразеологизмов, их раздельнооформленностью, а также спецификой их взаимоотношения с прототипами» [Кунин 1970: 92]. То есть, внутренняя форма ФЕ является источником фоновых знаний о картине мира каждого народа.

Исследование концепта *theatre* на уровне фразеологических единиц было проведено в два этапа:

1) анализ фразеологических номинаций концепта *theatre* (выявление ФЕ, которые репрезентируют данный концепт, и последующий

анализ понятийных, ассоциативно-образных и ценностных составляющих данного концепта);

2) интерпретация фразеологических номинаций концепта *theatre*.

Источником материала послужил фразеологический словарь английского языка А. В. Кунина, из которого были отобраны примеры.

В ходе анализа было выявлено, что компонентами фразеологических единиц, которые репрезентируют английский концепт *theatre*, являются: "scene", "stage", "stagy", "curtain", "play", "player", "game", "act", "part"/"role", "mask", "actor", "footlights", "lookers-on".

Наиболее широко представлены ФЕ с лексемой *play*, репрезентирующие игру. Например: *play possum*; *play a practical joke on somebody*, *play a malicious, trick on somebody*. Большинство из них репрезентируют профессиональную специфику театра. Часть из ФЕ с данной лексемой используется для характеристики действий или человеческих качеств.

Приведем еще некоторые примеры ФЕ с лексемой *play*: *play it cool* – быть или выглядеть бесстрастным [Кунин 1970: 589]; *come into play* – начать действовать, вступать в действие [Кунин 1970: 587]; *a gallery play*: 1) театральная игра на публику; игра, рассчитанная на аплодисменты; 2) демагогия, стремление к дешевой популярности [Кунин, 1970: 588]; *make a play for smth/smb* – пускаться в ход чары, очаровывать, стараться завлечь кого-то [Кунин, 1970: 588]; *play smb. false* – обманывать кого-либо, поступать нечестно [Кунин, 1970: 589]; *foul play* – грязная игра, подлое поведение [Кунин 1970: 588]; *child's play* – легкое, пустяковое дело [Кунин 1970: 587]; *(as) good as a play* – очень интересно, забавно; как в театре [Кунин 1970: 589]; *play it safe* – действовать наверняка, избегать риска [Кунин 1970: 589]; *allow free (full) play to smth.* – дать возможность развернуться, дать волю чему-либо [Кунин 1970: 587]; *bring (call) smth. into play* – приводить что-либо в действие, в движение, пускать что-либо в ход [Кунин 1970: 587]; *play double* – вести двойную игру, лицемерить [Кунин 1970: 588]; *play fair* – вести честную игру [Кунин 1970: 588].

В английском языке также существуют ФЕ с компонентом *actor*, преимущественно с отрицательной коннотацией. Например, *a bad actor* – подлый, скандальный человек, закоренелый преступник [Кунин 1970: 590]; *be a play-actor* – неискренний человек, притворщик.

Также нами были обнаружены ФЕ с лексемами *scene* и *mask*: *make a scene (scenes)* – устраивать, закатывать сцену (кому-либо) [Кунин 1970:

660]; *behind the scenes* – за кулисами, скрытно, тайно [Кунин, 1970: 659]; *under the mask* – под маской [Кунин 1970: 517]; *put on a mask* – надевать личину [Кунин 1970: 517].

Значительная часть ФЕ с компонентами-лексемами, которые репрезентируют театральную сферу, характеризуют ту или иную жизненную ситуацию с точки зрения театральности. Данная категория оценивается в негативном ключе. Таким образом, нами были выявлены и рассмотрены примеры ФЕ, содержащие лексемы, репрезентирующие концепт *theatre* в английской лингвокультуре. Концепт *theatre* большинством исследователей рассматривается как один из самых многозначных и сложных культурных концептов. Данный концепт имеет отношение к личности. К настоящему моменту учеными были достигнуты значительные успехи при исследовании концепта *theatre* с применением комплексной методики. Первые исследования концепта были посвящены изучению английской театральной терминологии и лексико-семантического поля *theatre* в английском языке.

Дальнейшие исследования проводились уже в рамках лингвокультурологического и концептологического подходов, и помимо традиционных методов его изучения применялись уже такие методы, как фразеологический и **контекстологический анализ**. С позиции когнитивно-семантического подхода к исследованию концепта «*theatre/театр*» наиболее ценным является исследование А. С. Калининой, которая смоделировала концептуальное поле концепта “*theatre*” и базовые составляющие ядерной зоны концепта и, проведя анализ дефиниций лексикографических источников, выделила десять значений данного концепта – шесть базовых и четыре периферийных. Выполнив также анализ ФЕ, репрезентирующих концепт “*theatre*”, А. С. Калинина выявила понятийную и образную составляющие данного концепта на материале произведений английской литературы. Таким образом, в настоящее время исследователи не ограничиваются только изучением театроведческих терминов, входящих в толковые словари, но используют и другой материал, позволяющий осмыслить значение концепта.

Перейдем к практическому анализу репрезентации в языке лексемы *theatre* с целью получения полного представления о структурно-семантических и лингвокультурологических параметрах ее функционирования в английском языке.

Анализ словарных дефиниций позволил выделить основные (ядерные) значения *theatre* в предыдущей части исследования. Ядерные компоненты лексемы *theatre* сводятся к семи основным значениям: 1) *institution*; 2) *building/stage*; 3) *entertainment*; 4) *writing/performing plays*; 5) *profession*; 6) *spectators*; 7) *spectacle*. На следующем этапе исследования стоит задача провести анализ примеров с *theatre* с точки зрения их лексико-семантических характеристик. Материалом для данного исследования послужили фрагменты публицистических текстов, отобранные методом сплошной выборки, в состав которых входит *theatre*, обладающий в зависимости от контекста различным семантическим наполнением.

На этом этапе анализа будет учитываться эмоционально-оценочный план повествования, характеризующий и само понятие *theatre*, и участников рассматриваемой ситуации. В данном случае *theatre* в разных значениях может реализовываться либо с положительной, либо с отрицательной эмотивной оценкой.

С целью выявления эмоционально-оценочных параметров исследуемых текстовых фрагментов в качестве инструмента анализа будет выступать эмоционально-оценочная ситуация. Эмоционально-оценочная ситуация – это семантическая ситуация, номинируемая фрагментом текста, отражающая эмоциональное состояние и отношение участников ситуации к понятию *theatre*, его оценку, что эксплицитно представлено на уровне текста.

Остановимся подробнее на примерах реализации лексемы *theatre* в значении “*Institution*” – организации:

В примере (1), взятом из фрагмента англоязычной статьи, лексема *theatre* реализуется в значении “*Institution*”. В предложении ниже говорится о том, что ужасные пуритане хотят закрыть все театры в стране.

(1) *The dreaded Puritans, who want to close every theatre in the land, are ‘God-prodding pure-titties’. ‘Futtocking’ is an all-purpose intensifier which sounds both obscene and harmless.*

Рассмотрим пример реализации *theatre* в значении “*Institution*”. Так, в текстовом фрагменте ниже говорится о том, что первая пьеса Маргарет Перри была позаимствована из отвратительного Театра Аббатства. В этом случае оценка «театр» имеет больше негативную окраску:

(2) *Margaret Perry is a rising wunderkind from Cork. Her first play, Porcelain, was plucked from the slush pile at the Abbey Theatre and given a full production. That doesn’t happen very often.*

Лексико-семантический анализ фрагментов позволяет выявить эмоциональный и оценочный компоненты, которые сопутствуют реализации понятия *theatre*. Примеры (1, 2) подтверждают, что оценка «театр» может быть как нейтральной, так положительной или отрицательной.

Во вторую группу входят случаи репрезентации лексемы *theatre* в значении “Building” – здание/место. Остановимся подробнее на отобранных нами примерах реализации лексемы *theatre* в указанном значении. В следующем фрагменте теста *theatre* реализуется в значении “Building”.

Так, в примере (3) речь идет о театре как о конкретном материальном сооружении:

(3) *Describe the Night Hampstead Theatre, until 9 June Building the Wall Park Theatre, until 2 June Describe the Night opens in Poland in 1920 where two Russian soldiers, Isaac and Nikolai, discuss truth and falsehood.*

Третью группу примеров составляют случаи репрезентации *theatre* в значении “Entertainment” – форма развлечения. Нами было обнаружено два примера. В примере (4) говорится о том, что историческое общество кино и театра ищет потерянную историю театра Австралии. В данном случае в одном предложении встречаются две лексемы *theatre*. В первом случае *Theatre* представлен в значении “Institution”, а вторая лексема *theatre* – в качестве формы развлечения:

(4) *The Cinema and Theatre Historical Society is looking for Australia's lost theatre history.*

Рассмотрим четвертую группу примеров репрезентации лексемы *theatre*. Так, данная лексема может выступать в значении *writing/performing plays*. В текстовом фрагменте (5) лексема *theatre* используется в значении театрального произведения.

(5) *The Bare Walls to Black Watch workshops will give unprecedented access to the secrets behind creating a world-class piece of theatre.*

Рассмотрим пятую группу примеров, в которых лексема *theatre* реализуется в значении “Profession”. В текстовом фрагменте речь идет о сделанном заявлении, что театральный критик Николас де Джонг – полная сволочь:

(6) *Standard's theatre critic Nicholas de Jongh who – it has just been announced – is a complete cunt.' Slattery pauses.*

В данном случае *theatre* имеет больше отрицательную коннотацию, чем нейтральную.

Рассмотрим шестую группу примеров, в которых лексема *theatre* представлена в значении “Spectators” – публика, зрители. Так, в примере ниже речь идет о том, что для поклонников театра был запущен онлайн-архив, позволяющий им узнать о 2000 спектаклях, которые идут в театре. Таким образом, лексема *theatre* в данном случае представлена в значении “Spectators”:

(7) *To celebrate the special day an online archive has been launched allowing theatre fans to find out about 2,000 productions shown at the theatre and their stars.*

Рассмотрим также случай, в котором лексема *theatre* представлена в своем дополнительном значении – “a room in a hospital used for medical operations”.

В примере (8) говорится о том, что некая Энн находится в больнице с 8 утра, и около 1:40 ночи ее завозят в операционную. Затем мистер Грэхем и его команда, все в синей униформе и масках, приступают к операции. В данном случае *Theatre* представлен в значении “a room in a hospital used for medical operations”.

(8) *Anne has been at the hospital since 8am and at around 1:40pm she is wheeled into the surgery where an anaesthetist puts her under. Mr Graham and his team, who are all wearing blue uniforms and masks, are in the operating theatre.*

Таким образом, нами были рассмотрены примеры репрезентации лексемы *theatre* на примере фрагментов публицистических текстов. Анализ фрагментов публицистических текстов с целью установления лексико-тематических групп значений *theatre* позволяет установить, что *theatre* представлен в значениях, которые соответствуют основным словарным значениям этой лексемы, выявленным нами в ходе дефиниционного анализа, а именно чаще всего может репрезентироваться в публицистических текстах на театральную тематику, таких как: 1) institution; 2) building/stage; 3) entertainment; 4) profession; 5) writing/performing plays; 6) spectators. В качестве наиболее частотных значений лексемы *theatre* можно выявить первую группу примеров.

В ходе лексико-семантического анализа было также обнаружено, что эмотивная оценка играет существенную роль при репрезентации концепта “*theatre*”, который может реализовываться с положительной, отрицательной или нейтральной оценками.

Как было установлено ранее, концепт “*theatre*” в английском языке представлен 8 лексико-семантическими группами (или ЛСГ):

1. Театр как организация (amateur theatre, children's company).
2. Театр как здание или место, где проводятся зрелищные мероприятия (dressing-room, gallery, lounge, wardrobe, wings, backdrop).
3. Театр как драматургия (scene, act, plot, action).
4. Театр как постановочный процесс (repertoire, talent scout, dress rehearsal, scenario).
5. Театр как форма развлечения (drama, comedy, vaudeville, farce, comedy of manners, murder mystery, dog drama).
6. Театральная среда (actor/actress, producer, stage manager, electrician, costumer, actor's agent, sound producer).
7. Театральная и сценическая жизнь актера (actor, actress, star, ingénue, travesty, villain, principal girl, guest actor, walking gentleman, gallery-player, act, play, rehearse).
8. Зрители (spectators, the public, first-nighter, theatergoing, a storm of applause, full house).

Далее изучим на отобранных примерах лексические единицы и сочетания, номинирующие концепт, обнаруженные в исследуемых текстах публицистических статей. Приведем примеры для второй группы лексических единиц, в которых концепт *theatre* представлен как «место».

В примере (9) говорится о том, что красивая блондинка появляется на сцене и медленно двигается через игровую площадку. Таким образом, *theatre* в данном случае номинирован словосочетанием “the playing area”.

(9) *A beautiful blonde appears on stage and slow-marches across **the playing area**.*

В примере (10) речь идет о том, что из-за кулис выскакивают две женщины в черных куртках с капюшонами. В данном фрагменте *theatre* номинирован словосочетанием “the wings” (кулисы).

(10) *She's topless and heavily pregnant. Two women swathed in black anoraks prance in from **the wings**.*

Рассмотрим следующий пример. В текстовом фрагменте ниже речь идет о старом комике, который когда-то был успешен, но теперь от былой славы не осталось и следа. В примере (11) концепт *theatre* представлен лексемой “stage” (сцена).

(11) *Now he's a grizzled, ramshackle presence, jowly and ill-shaven, like a forgetful pensioner on his way to the day centre. He starts his show with a lot of banter about wine but he doesn't drink on **stage**.*

Итак, мы рассмотрели, с помощью каких лексем может происходить репрезентация концепта *theatre* в качестве места. Исследуем третью группу лексических единиц, в которой концепт *theatre* представлен как «драматургия».

В примере (12) речь идет о режиссере Индху Рубасингеме, который неплохо справляется со сценами фарса, но само представление все же вызывает разочарование. Концепт “*theatre*” представлен лексической единицей “scenes” в значении «драматургия».

(12) *Director Indhu Rubasingham handles the farcical **scenes** with great assurance and yet the show is a puzzling disappointment.*

В текстовом фрагменте (13) ниже представлена сцена соблазнения блондинки, в которой концепт “*theatre*” также репрезентируется с помощью лексемы “stage” (сцена).

(13) *The blonde seduction **scene** is abandoned and Toof moves on to a new target, a critically ill millionaire whose son, Gumper, refuses to work for the family business because he's gay.*

Приведем примеры, в которых концепт представлен как постановочный процесс. Так, в текстовом фрагменте ниже он репрезентируется с помощью лексемы **script** (сценарий).

(14) *Rarely have I sat through such a chaotic and whimsical **script**, but the writer had one piece of good fortune on his side. By stuffing his story full of pretentious complexities he made it impossible for an editor to make any cuts or revisions that might have improved things.*

Приведем следующий пример концепта в качестве постановочного процесса. В текстовом фрагменте (15) ниже он репрезентируется с помощью лексемы **repertoire** (репертуар).

(15) *These glimpses of a crumpled but indomitably funny comedian should be recorded and uploaded to YouTube. He's still a miraculously gifted performer and his **repertoire** of gags and anecdotes, salvaged from a reluctant memory, have the feel of a cult classic.*

В группу «Театр как форма развлечения» входят примеры, в которых концепт “*theatre*” представлен в значении “Entertainment” – как вид развлечения. Остановимся подробнее на примерах. В текстовом фрагменте ниже концепт “*theatre*” реализуется в значении формы или вида развлечения с помощью лексем **small show** (небольшое шоу).

(16) *Girlfriend From Hell – The Bitch is Back is a **small show** with a huge range performed by Gabby Killick. She satirises the horrors of dating in the internet age by personifying the familiar demons of urban living.*

Приведем еще один пример репрезентации концепта “*theatre*” в значении «форма развлечения». В текстовом фрагменте (17) он представлен с помощью лексической единицы **Tragicomedy (трагикомедия)**:

(17) *An Isis **Tragicomedy** is set in an Iraqi basement where a Yorkshire squaddie, Dean, has been captured and tied to a lap-dancing pole by terrorists.*

В примере (18) репрезентация концепта происходит с помощью лексических единиц **American drama (американская драма)**. И в данном случае он также представлен в значении «форма искусства»:

(18) *Glengarry Glen Ross opens in a restaurant, where a handful of realtors are discussing the perils and joys of their craft. The scene culminates in one of the landmarks of **American drama**.*

В текстовом фрагменте (19) концепт “*theatre*” репрезентирован с помощью лексической единицы **poetry show (поэтическое шоу)** в значении «форма развлечения»:

(19) *Some of the marketing efforts by amateur impresarios up in Edinburgh are extraordinary. I was handed a leaflet for a **poetry show** called Don't Bother.*

Рассмотрим последний пример (20) репрезентации концепта “*theatre*” в значении «форма развлечения» с помощью различных лексических единиц. В следующем случае концепт “*theatre*” реализуется с помощью единиц **family comedy (семейная комедия)**:

(20) *This simple and acutely observed **family comedy** is the first play by actress Natasha Gordon. Structurally it goes a bit wonky at the end.*

Концепт “*theatre*” может быть представлен в значении «профессия». Рассмотрим ряд примеров, в котором данный концепт представлен в вышеуказанном значении и реализуется с помощью лексических единиц *actor, actress, producer* и др. Так, в текстовом фрагменте (21) происходит его репрезентация с помощью лексемы **actors (актеры)**.

(21) *When **actors** get pompous they sometimes claim that performing Mamet is like playing jazz, but here the analogy is apt. Slater and Townsend share a deliriously absurd passage of cooperative rivalry, each supplementing and complementing the other, before breaking free and delivering a solo effort which the other watches in awestruck envy.*

Далее будут рассмотрены примеры, в которых исследуемый концепт представлен в значении «публика». В следующем текстовом фрагменте данный концепт представлен в вышеуказанном значении и реализуется с помощью лексемы **audience (публика)**.

(22) *Two women swathed in black anoraks prance in from the wings. They fire water-pistols at the **audience**.*

В примере (23) концепт “*theatre*” репрезентируется с помощью лексемы **Spectator (зритель)**:

(23) *The pregnant woman spends ten minutes disentangling a microphone and roams the venue quizzing individuals. The mike is snatched by one of her colleagues. ‘We’ve got the fucking **Spectator** in tonight,’ she yells.*

Рассмотрим еще один пример репрезентации концепта “*theatre*” в значении «публика». В примере (24) он представлен с помощью лексических единиц **Play-goers (театралы)**:

(24) ***Play-goers** are warned to expect ‘nudity, fire and treason’ during this show. There’s more, however. The pregnant woman collapsed at one point and appeared to suffer a miscarriage while her colleagues rushed to her aid.*

Нами был также обнаружен один пример, в котором концепт представлен в значении «сценическая жизнь актера». В данном случае концепт представлен лексемой **character (персонаж)**.

(25) *American so it’s not surprising to find Putin presented as a thuggish, hysterical sad sack embarrassed by a troubled past he can neither suppress nor escape. But it’s a vindictive, unintelligent portrait of a captivating **character**.*

Таким образом, исследование показывает, что концепт “*theatre*” может быть представлен в различных значениях. Концепт “*theatre*” в английском языке представлен 8 лексико-семантическими группами (или ЛСГ): 1) Театр как организация (*amateur theatre, children’s company*); 2) Театр как здание или место, где проводятся зрелищные мероприятия (*dressing-room, gallery, lounge, wardrobe, wings, backdrop*); 3) Театр как драматургия (*scene, act, plot, action*); 4) Театр как постановочный процесс (*repertoire, talent scout, dress rehearsal, scenario*); 5) Театр как форма развлечения (*drama, comedy, vaudeville, farce, comedy of manners, murder mystery, dog drama*); 6) Театральная среда (*actor/actress, producer, stage manager, electrician, costumer, actor’s agent, sound producer*); 7) Театральная и сценическая жизнь актера (*actor, actress, star, ingénue, travesty, villain, principal girl, guest actor, walking gentleman, gallery-player, act, play, rehearse*); 8) Зрители (*spectators, the public, first-nighter, theatergoing, a storm of applause, full house*).

Далее в нашем исследовании был проведен анализ репрезентации в языке локативной ситуации с ядернообразующим компонентом *theatre*, который позволит получить полное представление о структурно-семантических и лингвокультурологических параметрах функционирования локатива в английском языке. В

данной работе под локативом *theatre* понимается аргумент, отражающий место возникновения, развертывания, совершения или бытия ситуации.

Локатив (L), согласно теории Филлмора, является аргументом, который отображает местонахождение предмета и имеет функцию «места действия или его пространственной ориентации» [Филлмор 1981].

Под локативом *theatre* в настоящей работе понимается аргумент, выраженный в предложении лексемой *theatre*. Далее будет проведен многоуровневый языковой анализ ядерных репрезентантов локативной ситуации, к которым мы относим: (1) собственно локатив *theatre* как один из аргументов, (2) сопровождающие его предикаты и (3) соответствующие аргументы.

Данная задача определила структуру исследовательской части. Для осуществления комплексного анализа функционирования локатива *theatre* в рамках локативной ситуации представляется необходимым рассмотреть пространственно-векторную вариативность семантического содержания предикатов, сопровождающих локатив *theatre* (локативных предикатов), и взаимозависимость контекстуального значения локатива и предиката. Результаты изучения собранных текстовых примеров с локативом *theatre* позволят завершить проводимый анализ и предложить алгоритм прагма-семантического исследования локативной модели лексемы *theatre*.

Анализ словарных дефиниций во второй главе позволил выделить основные (ядерные) значения *theatre*. На следующем этапе ставится задача проанализировать примеры с локативом *theatr* с точки зрения их лексико-семантических характеристик. Основанием для такого анализа будет то значение, которое локатив *theatre* принимает в определенном контексте англоязычного текстового фрагмента.

На данном этапе анализа предполагается также учитывать эмоционально-оценочный план повествования, который характеризует и само понятие “*theatre*”, и участников рассматриваемой локативной ситуации. Для выявления эмоциональных и оценочных параметров изучаемых фрагментов текста предполагается использовать такой инструмент анализа, как эмоционально-оценочная ситуация. Под эмоционально-оценочной ситуацией в диссертационном исследовании понимается семантическая ситуация, номинируемая фрагментом

текста, которая отражает эмоциональное состояние и отношение ее участников к понятию “*theatre*”, а также его оценку, что эксплицитно представлено на уровне текста.

С помощью лексикографических источников было установлено, что *theatre* может быть представлен в следующих значениях: 1) “Institution”; 2) “Building/stage”; 3) “Entertainment”; 4) “Writing/performing plays”; 5) “Profession”; 6) “Spectators”; 7) “Spectacle”. В первую выделенную нами группу входят примеры вербальной репрезентации понятия “*theatre*” в значении “Institution”.

Остановимся подробнее на примерах реализации *theatre* в значении “Institution”.

В примере (26) значение *theatre* как “Institution” эксплицитно выражено (маркировано в тексте с помощью “*companies*”) и в данном случае имеет положительную коннотацию.

(26) *Arts and theatre companies are already finding innovative ways of reaching audiences. Part of the thrill of being at a live event is a sense of danger. Audience members see each other. Things might go wrong. You might be handpicked as a volunteer from the audience. And there is a mutual obligation developed through laughter, silence and applause.*

В примере (27) представлена ситуация, в которой конкретная организация театра и кино пытается собрать как можно больше информации о театрах и кинотеатрах Австралии. В данном случае *theatre* репрезентируется в значении “Institution”. Отношения между участниками ситуации реализованы с помощью словосочетания *hopes to collect*. *Theatre* имеет нейтральную коннотацию.

(27) *The (CATHS) group hopes to collect as much information as it can about theatres and cinemas across Australia.*

Интересен для проведенного анализа также пример, в котором *theatre* имеет положительную коннотацию. В примере (28) из английской публицистической статьи речь идет о том, что театральные департаменты, возможно, являются одним из первых и наиболее важных блоков в цепочке поставок для театрального сектора и культурной индустрии в целом. Таким образом, *theatre* в значении организации может означать нечто авторитетное, престижное в английском обществе, имеет положительное значение.

(28) *Theatre departments are probably one of the first and most essential blocs in the chain of supply for the theatre sector and cultural industry in general. Yet a predominantly white curriculum continues to be the norm in arts*

and theatre subjects – that is because for the most part, the canon has been constructed in the image of whiteness.

Таким образом, подводя итоги анализа локатива *theatre* в значении “Institution”, следует отметить, что: а) *theatre* довольно часто реализуется как в значении “Institution”; б) при реализации эмоционального и/или оценочного компонента локативу *theatre* чаще всего дается положительная оценка.

Таким образом, анализ репрезентации в языке локативной ситуации с ядернообразующим компонентом *theatre* позволил получить представление о структурно-семантических и лингвокультурологических параметрах функционирования локатива в английском языке. Локатив *theatre* – это аргумент, отражающий место возникновения, развертывания, совершения или бытия ситуации. В процессе анализа учитывался эмоционально-оценочный план повествования, характеризующий как само понятие *theatre*, так и участников рассматриваемой ситуации.

Как показывает исследование примеров, *theatre* в разных значениях может реализовываться с положительной, отрицательной или нейтральной эмотивной оценкой. Реализация локатива *theatre* в значении “Institution” наблюдается довольно часто, и локативу *theatre* в данном случае чаще всего дается положительная оценка. *Theatre* в значении организации ассоциируется в сознании англичан с авторитетом и влиятельностью и имеет положительную коннотацию. *Theatre* в значении места может выражать особенности английской культуры и традиций и характеризовать серьезный подход англичан к устройству британских театров, также имеет положительную коннотацию. Театр представлен как нечто универсальное, многофункциональное и мобильное. Это динамично развивающийся вид развлечения, имеющий много форм и обладающий большим потенциалом. Театр объединяет людей и играет значимую роль в британском обществе. Но с другой стороны, театр – это и символ аристократизма, благосостояния и социального неравенства. Кроме этого, театр отражает духовность, поиск истины, смысла человеческой жизни.

Концепт «театр» может ассоциироваться в английской культуре с рядом других концептов: «жизнь», «деятельность», «дом». В примере ниже данный концепт ассоциируется с концептом «жизнь»:

(29) *The storyline is not hard to predict but the actors put the show across with bundles of charm and energy.*

В следующем текстовом фрагменте театр ассоциируется с концептом «деятельность»:

(30) *The Cottage Theatre production of “Life With Father” is directed by Lynda Czajkowska-Thompson. The cast includes Nick Franklin as Clarence Day; Denise LaCroix as his wife, Vinnie; Nick Lenerville, Terri Rizzi, Kyle Woods and Griffin Moser as the Day children; Jay Searle as Cousin Cora; and Katie Wierenga as Mary Skinner.*

В примере (31) театр ассоциируется с концептом «дом»:

(31) *Opened in 1906, Cardiff’s New Theatre has been **home** to a host of stars, including Laurence Olivier and Shirley Bassey, and it is set to celebrate its 100th birthday in December.*

Таким образом, по данным исследования, образные характеристики концепта представлены такими признаками, как: «живой», «аристократизм», «удовольствие», «духовная близость», «таинственность», «коллективность». Ценностными характеристиками концепта в британской культуре являются психоэмоциональная компенсация жесткой самодисциплины англичан при помощи театрального представления.

Анализ примеров фрагментов публицистических текстов показывает: лексема *theatre* представлена в значениях, соответствующих ее основным словарным значениям, которые были выявлены в процессе дефиниционного анализа, то есть чаще всего репрезентируется в публицистических текстах как: *institution, building/stage, entertainment, profession, writing/performing plays* и *spectators*. К самым частотным значениям лексемы *theatre* относится *institution* и *building/stage*. Концепт “*theatre*” может быть представлен в публицистических текстах в следующих значениях: 1) здания или места, где проводятся зрелищные мероприятия; 2) драматургии; 3) профессии; 4) постановочного процесса; 5) формы развлечения; 6) театральной среды; 7) театральной и сценической жизни актера; 8) зрителей. Анализ репрезентации в языке локативной ситуации с ядернообразующим компонентом *theatre* показывает, что *theatre* в разных значениях (*institution, building/stage, entertainment, writing/performing plays, profession, spectators, spectacle*) может реализовываться с положительной, отрицательной или нейтральной эмотивной оценкой. Значение *theatre* может быть выражено эксплицитно или имплицитно с помощью различной лексики. Образные характеристики концепта представлены такими признаками, как: «живой», «аристократизм», «удовольствие»

«духовная близость», «таинственность», «коллективность». Статусные характеристики включают в себя следующие признаки: живой, духовность, влияние, эксперимент, творческий поиск, свобода. Внутренние характеристики представлены такими признаками, как таинственность, сказочность, совместная деятельность, тесное взаимодействие, духовная близость, коллективность, а эмоционально-эстетические характеристики – удовольствие, наслаждение, положительные эмоции, волнение, чувственное восприятие. Ценностными характеристиками концепта в британской культуре являются психоэмоциональная компенсация жесткой самодисциплины англичан при помощи театрального представления.

Источники примеров:

1. The Spectator [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spectator.co.uk/> (дата обращения: 20.02.2020).
2. The conversation. Articles about theatre [Электронный ресурс]. URL: <https://www.questia.com/searchglobal#!/?keywords=articles%20about%20theatre!AllWords&pageNumber=2&mediaType=newspapers#newspapers11> (дата обращения: 25.01.2020).
3. The conversation [Электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/us/topics/theatre-1888> (дата обращения: 25.01.2020).

ГЛАВА V. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ШОТЛАНДСКОГО ИСКУССТВА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

(А. А. Скопина, Т. И. Петухова)

Обуславливая мировую тенденцию к нивелированию культурно-специфических черт отдельного общества, современные глобализационные процессы одновременно заостряют наше внимание на вопросах своеобразия отдельной культуры и самоопределения нации. В то же время признание значимости культуры в лингвистических исследованиях XXI века способствует интересу ученых к рассмотрению языковых явлений в контексте их взаимодействия с национальной идентичностью и социокультурной составляющей. В этой связи несомненный интерес представляет искусствоведческий дискурс, в котором рассмотрение национального своеобразия и его влияния как на творчество художника, так и на оценочную интерпретацию его работ зачастую играет весомую роль.

Лингво-когнитивный анализ искусствоведческого дискурса является актуальным направлением лингвистических исследований. А. П. Булатова определяет искусствоведческий дискурс «как вербализованный опыт мышления относительно области объектов, бытующих как произведения искусства, организованный в рамках стратегий восприятия, авторитета, оценочности и других искусствоведческих стратегий» [Булатова 1999: 44]. Интерес лингвистов к искусствоведческому дискурсу во многом обусловлен интерпретационной природой искусствоведческого текста. Произведение искусства может рассматриваться как семиотическая система со своим особым изобразительным кодом, сообщение которого потенциально может быть декодировано. Вербальная интерпретация произведения искусства искусствоведом «становится самостоятельным, социально значимым, традиционно авторитетным текстом, выполняющим коммуникативную и познавательную функцию» и играющим роль посредника между произведением искусства и адресатом-зрителем [Елина 2010: 97].

Лингвисты отмечают субъективный характер интерпретационной деятельности искусствоведа [Алимурадов 2003; Жаркова 2011]. В процессе зрительного восприятия «зашифрованной» в произведении искусства информации искусствовед пытается понять посыл автора произведения искусства. Содержащаяся в произведении

искусства информация будет неизбежно сопровождаться дополнительным смыслом, сформулированным экспертом для воздействия определенным образом на реципиента искусствоведческого текста.

Вместе с тем необходимо отметить, что, представляя свое личное, субъективное отношение, основанное на индивидуальном знании и опыте, искусствовед в значительной степени опирается в своей оценке на профессиональный опыт и авторитетные точки зрения, тем самым отражая коллективное знание в данной специализированной области знания, под влиянием которого сформировалась его профессиональная компетенция [Хомякова, Петухова 2018].

А. П. Миньяр-Белоручева в качестве основного фактора и отличительной характеристики искусствоведческого дискурса рассматривает его сущность как «поликодового образования», полноценное изучение которого требует интегрального подхода [Миньяр-Белоручева 2017: 17]. При этом подчеркивается, что в процессе вербализации искусствовед не только описывает и анализирует произведение искусства, но и знакомит читателя с «основными концепциями существовавшей на момент создания работы парадигмы», более того, при этом воссоздается «не реальная действительность, а представления о ней». Обращая внимание на опосредованность характера коммуникации в искусствоведческом дискурсе, А. П. Миньяр-Белоручева видит искусствоведа связующим звеном в данной коммуникативной системе [Там же: 17–18].

Комплексный характер человеческой деятельности в сфере искусствознания и динамичное развитие института критики искусства обуславливают возможность репрезентации элементов других видов дискурса в искусствоведческом дискурсе. Так, исследователями выделяется целый ряд черт, объединяющих искусствоведческий дискурс с дискурсом художественной прозы: реализация автора как личности в тексте, элементы словесного творчества, эмоциональность и образность, суггестивность текста, выраженная в тропах и риторических фигурах [Ерохина 2018: 38–39]. Визуальные объекты невозможно выразить вербально в полной мере, и искусствоведы, творчески подходя к процессу интерпретации, прибегают к использованию разнообразных вербальных художественных средств, обладающих образностью. На языковом уровне в искусствоведческих текстах можно выявить метафору, параллелизм, метонимию, антитезу, каламбур, антифразис и другие средства художественной выразительности, применяемые экспертами при интерпретации произведений искусства.

Говоря об элементах рекламного дискурса и дискурса СМИ в искусствоведческом дискурсе, исследователи отмечают, что их сближают такие факторы, как значимость компонента воздействия на реципиента и субъективность оценки [Там же: 42–44]. По мнению специалистов, с развитием информационных технологий искусствоведческая критика значительно расширила свою аудиторию, в связи с чем тексты искусствоведов также претерпевают ряд изменений, для того чтобы оставаться понятными и интересными своей новой публике [Rubinstein 2019; Saltz 2003; Young 2010]. Такие сущностные изменения обусловили проявление в искусствоведческом дискурсе свойственных медийному дискурсу черт, таких как диалогичность, образность, экспрессивность, мифологичность, стереотипность, комичность [Желтухина 2004].

Одним из ключевых способов актуализации черт рекламного и массмедийного дискурса можно также считать лингвокреативную деятельность. Е. С. Шмелева трактует лингвокреативность как «способность глубинных (концептуальных) оснований, представляющих собой результат познания мира, системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса» [Шмелева 2020: 80]. В определении подчеркивается прагматический потенциал данного механизма, построенного на модификации, за счет чего достигаются цели привлечения читательского внимания и воздействия на мнение реципиента, что частично соотносится как с целями дискурса СМИ и рекламы, так и с целями искусствоведческого дискурса.

Рассматривая сущность такого процесса как взаимодействие различных типов дискурса, В. Е. Чернявская говорит о «интегрированном в целостную систему человеческом знании, рассеянном во многих дискурсивных формациях» [Чернявская 2009: 211]. Искусствовед как субъект дискурса также будет эксплицитировать разные аспекты собственного знания в искусствоведческих текстах. Таким образом, обозначается возможность выявления в искусствоведческом дискурсе компонентов знания, соотносящихся с другими дискурсивными пространствами.

Значимую роль в функционировании искусствоведческого дискурса играет категория оценки. В контексте оценочной рамки в искусствоведческом дискурсе объектом оценивания могут выступать не только

произведения искусства, но и «отдельные выставки, творчество определенного художника в целом либо целые художественные направления» [Ерохина 2018: 75]. Субъектом оценки чаще всего будет выступать искусствовед-критик, хотя он может говорить при этом и от лица профессиональной группы. Характер оценки художественного творчества в значительной степени обусловлен «личным опытом реципиента, его подготовленностью к восприятию, индивидуальным пониманием того, каким должно быть произведение искусства» [Петухова 2015: 55]. Оценка произведения живописи будет характеризоваться такими особенностями оценивающего, как «культурная принадлежность, социально-статусная отнесенность, уровень его информированности, фоновых знаний, эмоциональное состояние на момент восприятия и т. д.» [Петухова 2007: 37]. Отмечается также влияние на оценку фактора исторической и национальной дистанцированности искусствоведа от произведения искусства [Там же: 41]. Таким образом, анализ специфики языковой репрезентации оценки в искусствоведческом дискурсе позволяет не только сделать выводы о том, как именно искусствовед оценивает объекты искусства, но и достичь определенного представления, почему конкретный искусствовед, будучи представителем определенного национально-культурного сообщества, интерпретирует произведение искусства так, а не иначе.

Процесс формирования оценочного смысла непосредственно связан с использованием когнитивных и языковых моделей. Как отмечает Н. Н. Болдырев, в отечественной лингвистике в качестве когнитивных механизмов формирования смысла изучаются профилирование, фокусирование, концептуальная метафора, инференция, сравнение, ориентация на нормы, идеалы, стереотипы и др. [Болдырев 2019]. Такие когнитивные механизмы формирования оценочного смысла, как метафора, сравнение и ориентация на стереотип, играют в искусствоведческом дискурсе, посвященном шотландскому искусству, наиболее значимую роль.

Изучение метафоры в контексте искусствоведческого дискурса показывает, что она обладает значительным прагматическим потенциалом, причем, с одной стороны, выполняет информационно-разъяснительную, а с другой – эмоционально-оценочную функцию [Ерохина 2016: 88]. Так же как и применение сравнения, использование метафоры в тексте способствует пониманию реципиентом заложенного смысла за счет присущей ей образности и экспрессивности.

А. Б. Ерохина трактует механизм метафоризации в искусствоведческом дискурсе как своего рода связующий элемент между образом и словом: «будучи наделенной образностью и экспрессией, она становится связующим элементом между невербальным и вербальным искусствоведческим дискурсом» [Там же: 87].

Сравнение принято считать одним из ключевых инструментов познания, обеспечивающих понимание, при этом, как правило, отмечается тесная связь сравнения и оценки как двух «основополагающих категорий действительности» [Михнюк 2011: 131]. В. И. Бартон также обращает внимание, что новое знание, которое обычно выводится в результате сравнения, будет нести оценочный смысл [Бартон 1978: 33]. Сравнению подвергаются не сами объекты как таковые, а некоторые их черты и свойства, выбранные субъектом [Там же: 35]. Таким образом, категория сравнения будет детерминирована субъективным фактором, которым обуславливается специфика ее репрезентации в тексте. Так же как и метафора, сравнение выступает как инструмент, способствующий пониманию, в рамках которого выделяются некоторые существенные черты объекта, сопоставляемые со сравнительным эталоном. Субъективный характер сравнения будет обуславливать исследовательский интерес к эталону и параметрам сравнения, так как в компонентах сравнения будет также содержаться оценочный потенциал. Поскольку через сравнение транслируются представления индивида как члена определенного лингвокультурного сообщества, то и актуализацию компонентов сравнения нельзя считать случайной, она будет обусловлена сложившимися в конкретной культуре представлениями и ассоциациями.

Такой объект искусствоведческого исследования, как шотландское искусство, отмечен особым интересом и нашел репрезентацию в многочисленных монографиях и статьях. Несмотря на то что преимущественно исследованием искусства Шотландии занимаются именно шотландские специалисты, на сегодняшний день все больше внимания ему уделяют искусствоведы из Европы, США, Китая и других стран [Goudie 2020].

М. Макдональд описывает распространенный до 1990-х годов пренебрежительный взгляд на шотландское искусство, вплоть до позиции, что «такой области исследования не существует» [Macdonald 2012: 2–3]. При таком подходе нередко подчеркивается малозначительность визуальной традиции в сравнении с шотландской

литературой, недостаточная развитость институтов и зависимый характер национальной живописи в Великобритании. Причиной возникновения подобного подхода считается недостаточная изученность искусства Шотландии, однако также подчеркивается тесная связь искусства и идентичности, значительная роль истории искусства для самоопределения нации [Там же]. При этом учеными также отмечается отсутствие исчерпывающего систематизированного подхода к историографии шотландского искусства [Stirton 2007: 42].

Значительное число исследователей обозначает XIX век как ключевой период для становления шотландского искусства, указывая на формирование Института поощрения изящных искусств в Шотландии в 1833 году. Сторонники данного подхода подчеркивают, что термин «шотландская школа живописи» вошел в искусствоведческую критику не раньше середины XIX века [Dochy 2013: 120]. При этом, говоря о шотландском искусстве этого периода как отдельном направлении, специалисты преимущественно обращают внимание на единство тем живописи, но не выделяют отдельного стиля, характерного для шотландцев. Также считая XIX век отправной точкой для формирования шотландского искусства, Д. Моррисон в своей работе *“Painting the Nation: Identity and Nationalism in Scottish Painting 1800–1920”* формулирует ключевые особенности направления, определяющие его идентичность. Так, отмечается, что искусство данного периода характеризуется влиянием произведений Вальтера Скотта и популярностью тем живописи, связанных с жизнью в Шотландском высокогорье (Хайланд): мирными пейзажами природы, деревенским бытом, уединенностью, вниманием к «инаковости» культуры. Набор данных особенностей исследователь обозначает термином «Хайландизм» [Morrison 2003: 11]. При этом, согласно Дж. Моррисону, стереотипный характер такого искусства должен рассматриваться не с позиции колониального взгляда Англии на Шотландию, а как выражение «юнионистско-националистической» позиции (“unionist-nationalist”), позволившей шотландцам сформировать свою идентичность в искусстве, отличную от английской [Там же: 8]. Такой взгляд дает возможность рассматривать шотландское искусство как результат «взаимопроникновения шотландской и британской идентичности», в основе которого находится не противопоставление, а интеграция [Там же].

Несмотря на то что при рассмотрении шотландского искусства исследователями крайне часто используется термин «идентичность»,

для него почти никогда не формулируется собственное определение. Основной интерес в контексте изучения идентичности составляет не столько сам термин, сколько процессы определения сообщества и факторы, влияющие на его формирование. Так, сегодня национальная идентичность в контексте искусства может рассматриваться как динамичный конструкт, не присваиваемый при рождении, а формируемый в процессе деятельности индивида [Christianson, Lumsden 2000].

Исследуя становление современного шотландского изобразительного искусства, Д. Фергюссон подчеркивает, что в основе идентификации индивида находится культура [Fergusson 2015: 13–14]. Так, он отмечает, что живопись можно назвать шотландской, если произведение написано человеком, родившимся в Шотландии, притом что такое произведение может быть создано в любой точке мира. Одновременно в нем должны содержаться «основные черты шотландского характера» (“*but it must have the essentials of the Scottish character*”), свойственные шотландцам сегодня или в любой другой период истории страны и чувственно ощущаемые как шотландские [Там же: 51–52]. Несмотря на перечисление целого ряда критериев, при таком определении на первый план выходят субъективные ощущения автора. Однако существуют и другие подходы к тем принципам, на основании которых можно говорить о работах художника как о шотландском искусстве. В связи с этим в рамках данной работы более релевантной представляется позиция Л. Гауди, в рамках которой национальное искусство определяется исходя из самоидентификации художника. Так, искусство будет считаться шотландским, если творец сам определяет его таким образом, основываясь на своем происхождении, образовании, месте создания произведения или других факторах [Goudie 2020].

Материалом для данного исследования послужили тексты статей и отзывов из специализированных разделов газет и журналов последних лет (2006–2021), посвященные работам современных шотландских художников, таких как Питер Дойг, Джоан Эрдли, Пэт Даутуэйт, Аласдер Грей, Джек Веттриано, Джон Беллани и т. д. Все рассматриваемые тексты были написаны на английском языке, при этом помимо шотландских искусствоведов авторами текстов рецензий выступали специалисты со всего мира, в том числе из США, Китая, Германии и других стран, так как представлялось важным исследовать вопрос о своеобразии языковой репрезентации произведений национального шотландского искусства специалистами, принадлежащими разным

лингвокультурам. Для исследования языкового материала в результате рандомизированной выборки с учетом категориальных переменных нами был собран **корпус** из 40 текстов общим объемом более 50 000 слов. Собранный корпус был *вручную* аннотирован на языке разметки XML. На последнем этапе анализ включал непосредственную работу с данными корпуса с использованием следующих методов: лексико-семантического анализа, контекстуального анализа, прагма-дискурсивного анализа, лингвокогнитивный, а также сравнительный и метод описательной статистики. Исследование проводилось на материале двух групп текстов о современном шотландском искусстве: созданных шотландскими искусствоведами и искусствоведами, представляющими другие культуры.

Языковая интерпретация шотландского изобразительного искусства искусствоведами Шотландии

Статистический анализ текстов корпуса показал, что шотландские искусствоведы в большей мере склонны давать положительную оценку шотландскому искусству (в 81% случаев), в то время как на отрицательное представление будет приходиться лишь 19% от общего числа искусствоведческих оценок в данной группе. Следует отметить, что объектом отрицательной оценки чаще может выступать выставка, на которой представлены те или иные произведения искусства. Объектами положительной оценки становятся техника художника, его приемы и стиль. Интерпретируя особенности развития пути творца и описывая свои впечатления от его произведений, критики при выражении оценочного смысла комбинируют рациональный и эмоциональный компоненты.

(1) *They are more freely painted than before, as Bellany's imagination finds expression now not only in his talent for surreal invention, but also in the act of painting itself. Nevertheless while this has been true from the very beginning, his art is far from being simply personal. On the contrary, it is monumental.* [1].

В данном фрагменте искусствовед Дункан Макмиллан реализует сравнительную оценку через соответствующую грамматическую конструкцию (*more <...> than*), замечая улучшение техники рисования Беллани по сравнению с более ранними его работами. При этом в качестве основания для оценивания преимущественно выступают впечатления и эмоции автора текста, объективируемые на языковом уровне лексическими единицами, содержащими в своей семантике

компонент положительной оценки (*imagination, talent, invention, monumental*), который усиливается риторическими приемами противопоставления (*personal-monumental*) и парцелляции.

Далее в тексте при репрезентации основания оценки актуализируется профессиональное знание искусствоведа о биографии художника, направлениях в искусстве и вехах его развития.

(2) *The pictures look completely at home in these grand rooms. That they do so, and so effortlessly, is a measure of his remarkable artistic achievement. As a student, he took on the great tradition of figurative painting and now he is part of it. He chose to go against the tide of fashion, against what seemed to be the grain of history, and he has triumphed.* [1].

В примере (2) профессиональное знание актуализируется в виде информации о преемственности художника традиции фигуративизма (*figurative painting*) в искусстве, благодаря следованию которому вопреки модным тенденциям он, по мнению Д. Макмиллана, и получил мировое признание. Положительный полюс оценки во фрагменте обозначается как эмоционально маркированными лексемами (*effortlessly, remarkable achievement, great tradition, triumphed*), так и идиоматическими оборотами, содержащими в своей семантике одобрительный компонент (*to look at home, to go against the tide*). Так, с помощью комбинирования рационального и эмоционального компонентов оценки автор текста репрезентирует образ художника в рамках определенного мирового направления в искусстве.

Важнейшим когнитивным механизмом формирования оценочного смысла является метафора.

(3) *Generation is the mega-show that proves Scottish art is fizzing with energy. What kind of administration might an independent Scotland have? Perhaps it would be the Parliament of Funk, the Psychedelic Utopia, or the Rockabilly Empire.* [2].

Рассматриваемый фрагмент помещен искусствоведам в начальную позицию текста и сразу выражает положительный полюс оценки для рассматриваемой выставки с помощью таких языковых единиц, как *the mega-show* и *fizzing with energy*. Характеризуя свое общее впечатление от представленных работ, автор использует развернутую метафору, через которую объективируется его социокультурное и политическое знание. В качестве сферы-источника (*source domain*) метафоры выступает тема Референдума о независимости Шотландии, актуализированная в виде риторического вопроса (*What kind*

of administration might an independent Scotland have?). Сама метафора раскрывается с помощью языковой креативности искусствоведа, за счет которой в тексте объединяются элементы искусствоведческого и политического когнитивных пространств, выраженные в интерференции дискурсов (*the Parliament of Funk, the Psychedelic Utopia, or the Rockabilly Empire*).

Языковая игра как проявление лингвокреативности автора искусствоведческого текста наглядно представлена в следующем примере.

(4) *Veturi's Learning from Las Vegas, saw that Modernist constructionist principles could lead to structures that disobeyed the 'truth to materials' edicts of modernism. Likewise, in the late-nineties Scotland, artists were building domes, Baroque edifices and neo-Baronial crow-steps on the generous foundations laid by Scottish artists in the eighties and nineties. Following Venturi, Scottish artists were learning from Glasvegas, acknowledging that the forms produced by the Scottish art world needed bare obvious resemblance to its international structure. [3]*

В данном фрагменте текста идея о единстве шотландского и мирового искусства акцентируется с помощью приема языковой игры: Glasgow + Las Vegas = Glasvegas. Благодаря лингвокреативной деятельности искусствоведа конструируется новая лексическая единица, семантически включающая в себя репрезентируемую идею о важности включенности искусства Шотландии в мировой художественный процесс.

Еще одним важным когнитивным механизмом формирования оценочного смысла в анализируемых текстах выступает сравнение. Корпусный анализ показал, что в первую очередь «эталоны» для сравнения выступают антропонимы, а именно имена известных художников и деятелей культуры. С помощью сравнения искусствоведа может формировать в сознании реципиента более четкое представление об особенностях работы, используя образ уже известного реципиенту художника, или же выражать значимость работ рассматриваемого творца, как бы приближая или отдаляя его от другого деятеля искусства на основе полюса оценки. Обратимся к примерам:

(5) *Lambie is a rock'n'roll Matisse. [2]*

(6) *As a dreamscape with musicians and animals, along with the painterly effects and the oblique composition, it is vividly reminiscent of Marc Chagall. And much like Chagall, Doig's vision captures romantic reverie as well as material deterioration. Moons glow and landscapes erode. [4]*

В данных примерах автор текста положительно оценивает творчество шотландских художников и стремится с помощью механизма сравнения сблизить их с известными творцами. В примере (6) более подробно раскрывается сущность схожести с эталоном сравнения. Вербализуя ее с использованием двух грамматических конструкций (*is vividly reminiscent of, and much like Chagall*), искусствовед выделяет аспекты техники, композиции и настроения произведений Питера Дойга, которые сближают его с работами Марка Шагала.

Следует отметить, что шотландские специалисты в искусстве чаще выбирают в качестве эталона художников Франции, Италии, России, Голландии и Америки (Матисс, Шагал, Моне, Тициан, Босх, Брейгель, Джотто, Ротко, О'Кифф, Г. Вуд, Сезанн, Пикассо). Поскольку в рамках лингво-когнитивной парадигмы выбор «эталона» для сравнительной оценки нельзя считать случайным, то можно заключить, что этот выбор обусловлен сложившимися у эксперта представлениями об интерпретируемом искусстве: шотландские искусствоведы рассматривают изобразительное искусство Шотландии в тесной связи с работами художников со всего мира, не выделяя его как особенное направление.

Известно, что стереотипное представление составляет психолингвистическую основу оценочного высказывания. В то же время **стереотип** может выступать в качестве компонента социокультурного знания, эксплицируемого при оценке. Интересно, что при интерпретации шотландского изобразительного искусства в 92% рассмотренных случаев к стереотипу обращаются сами шотландцы. При этом в абсолютном большинстве высказываний автостереотипу сопутствует грамматическая конструкция с отрицанием.

(7) *Lambie's work exemplifies two things typical of contemporary Scottish art. First, it's obsessed with music, and I don't mean Highland pipers. His art fizzies with pop history: his works at the Fruitmarket include an Earth, Wind & Fire album cover and a polychrome LP collection. [2]*

Приведенный фрагмент искусствоведческого текста эксплицирует положительную оценку шотландского искусства. Представляя читателю те аспекты, которые, по его мнению, составляют ценность рассматриваемого искусства, эксперт противопоставляет их существующим стереотипным представлениям. Так, говоря о музыкальности изобразительного искусства (*obsessed with music*), он стремится

отделить в сознании реципиента этот образ от образа музыки традиционных шотландских волюнок. Такой шаг можно объяснить попытками искусствоведа противопоставить работы шотландских художников стереотипным ожиданиям от них и тем самым дестереотипизировать свою культурную группу. Проанализированные тексты свидетельствуют о стремлении шотландских искусствоведов диссоциировать свое национальное искусство с наиболее распространенными стереотипными представлениями и тем самым предложить реципиенту рассматривать искусство Шотландии за пределами контекста отдельной культуры.

Языковая интерпретация шотландского изобразительного искусства представителями других культур

Поскольку известно, что специфика оценки произведения живописи определяется социокультурными знаниями реципиента, то представляется важным рассмотреть, каким образом происходит формирование оценочного смысла в искусствоведческих текстах, составленных экспертами разных стран, чей опыт будет в меньшей мере совпадать с опытом авторов произведений шотландского изобразительного искусства.

Анализ характера оценки с помощью корпусных данных позволил определить, что иностранные искусствоведы в 83% случаев дают положительную оценку живописи шотландских художников, а негативный полюс оценки маркируется только в 17% случаев. Полученные данные подтверждают описанный ранее феномен преимущества положительной презентации произведений искусства в искусствоведческом дискурсе и показывают, что в данном случае характер искусствоведческой оценки не имеет прямой корреляции с лингвокультурной идентичностью оценивающего эксперта.

Вместе с тем анализ других компонентов оценочной модели позволил выявить некоторые отличительные черты в способах репрезентации оценочного смысла для группы искусствоведов, которые не являются шотландцами. В отличие от шотландских искусствоведов, представители других культур наиболее часто выделяли в шотландских произведениях искусства такие характеристики, как уникальность, индивидуальность и самобытность, объективируемые следующими лексическими единицами: *unique* (uniqueness), *individual* (individuality), *grass-root* (grassroot, DIY). Рассмотрим несколько примеров таких высказываний.

(8) *Demonstrating the **excellence and distinctiveness** of contemporary art made in Scotland, **its grass-roots spirit** and its keen **engagement** with social and political debates, CURRENT will showcase **new and existing works** by artists including Bruce McLean, Poster Club, Edgar Schmitz, Ross Sinclair, Lucy Skaer and Corin Sworn. [5]*

В данном фрагменте искусствоведческого текста объектом оценивания выступает выставка CURRENT, объединяющая работы целого ряда современных художников из Шотландии. Для характеристики экспонируемых работ автор использует лексемы *excellence*, *distinctiveness*, *exciting*, маркирующие положительное отношение к современному шотландскому искусству. Основанием для положительной оценки при этом выступает вовлеченность творчества в контекст актуальных социополитических вопросов и его самобытный дух (*grass-roots spirit*).

Следующий пример иллюстрирует репрезентацию положительной оценки на основании уникального и выразительного стиля художницы.

(9) *As a **self-taught artist**, this allowed her to develop her **own individual, free-spirited, expressive style**. Almost twenty years since her death, 'On the Edge' presents a **diverse range** of large scale oil paintings, charcoal and pastel drawings, prints and watercolours, **spanning** her career from 1959 to 1999. [6]*

С помощью определений *self-taught*, *individual*, *free-spirited*, *expressive* автором создается образ искусства уникального, не похожего ни на какое другое, в своем разнообразии не вписывающегося ни в какие существующие рамки и поэтому представляющего особую ценность. Похожий образ конструирует Вивьен Девлин для искусства Пэт Даутуэйт, акцентируя внимание на аспектах становления Пэт как творца и отсутствия у нее формального образования.

(10) ***Fractured emotions combined with theatrical imagination were the lifeblood behind the inimitable style of this unique artist**. With a passion for dance since childhood, Pat Douthwaite then turned her **creativity** to painting – the Scottish Colourist J D Fergusson recognised her **raw, innate talent** and persuaded her not to attend art school. [6]*

Однако искусствоведом этот противоречивый факт репрезентируется в положительном ключе и интерпретируется в качестве фактора, способствовавшего раскрытию природных способностей художницы (*raw, innate talent*). Эмоционально маркированные лексические

единицы *theatrical imagination, lifeblood, inimitable style, unique* объективируют данную оценку и способствуют формированию определенного смысла.

Рассматривая очень разные живописные работы шотландских художников, искусствоведы концентрируются на чертах, выделяющих шотландские работы в общем ряду.

(11) *Hao said other features marking out the Scottish art scene include a focus on social function and a grassroots, DIY spirit. "The most distinctive spirit of contemporary art in Scotland is artists' courage to constantly question themselves, question society and subvert conventions". [7]*

Китайский искусствовед Шуандзе Сун приводит мнение одного из кураторов выставки современного шотландского искусства в Китае Софии Хао. Определение *grassroots, DIY spirit* маркирует ценностный компонент, который, по мнению автора, имеет особую значимость в искусстве Шотландии. Положительная оценка автором статьи актуализируется через приведенную цитату (*The most distinctive spirit of...*), в которой отмечается смелый и рефлексивный характер шотландской живописи. Таким образом, можно определить, что для зарубежных искусствоведов особую значимость в искусстве Шотландии представляют такие его характеристики, как уникальность, индивидуальность, самобытность и независимость.

Следует отметить, что в рассматриваемом примере фигурируют два субъекта оценки: с одной стороны, в качестве субъекта выступает сам искусствовед (Шуандзе Сун), а с другой – куратор София Хао, чье мнение цитирует Ш. Сун в своем тексте. Расширяя количество субъектов оценки, автор искусствоведческого текста подчеркивает объективность своего суждения и увеличивает степень убедительности оценочного высказывания.

Представляется, что мультипликация субъекта оценки может служить средством, придающим дополнительную убедительность оценочному суждению.

При интерпретации произведений искусства у экспертов также активируются сферы, напрямую не относящиеся к искусствоведческому дискурсу, и в текстах об искусстве могут подниматься те вопросы, которые представляются специалистам релевантными в контексте рассмотрения искусства Шотландии. Так, в следующем примере актуализируется компонент социополитического знания, связанного с шотландским движением за независимость. В качестве

когнитивного механизма формирования смысла выступает **метафора**.

(12) *Here, three drawings include one of the island's port as it is visited by a vast ship peopled by outsiders. As the locals cleave to their daily bustle, the shark-like prow looms over them exuding both menace and promise. It is an apt metaphor, perhaps, for a country battling for independent nationhood when it has never been engaged with the outside world. [8]*

В данном случае при описании сюжета живописного произведения критик интерпретирует его содержание как метафору к борьбе за независимость Шотландии, подчеркивая вопрос о положении страны и ее искусства по отношению к внешнему миру как значимый в рамках искусствоведческого дискурса.

Фактор степени близости шотландских художников к мировому искусству также получает языковую репрезентацию с помощью функционирования когнитивного механизма **сравнения**. С помощью сравнения искусствовед способствует формированию у реципиента более конкретного образа той или иной работы, при этом выбор сравнительного «эталона» также обеспечивает и репрезентацию оценочного смысла, поскольку с его помощью искусствовед может обозначать положение того или иного творца по отношению к другим художникам.

Интересно, что по сравнению с шотландскими экспертами зарубежные специалисты в искусстве гораздо реже выбирают имена иностранных художников в качестве антропонимов-эталонов. Однако сравнительная оценка может быть реализована через сопоставление с различными шотландскими деятелями культуры, включая философов и литераторов.

(13) *Borland's seriousness and interest in moral darkness has put her in the great tradition of Scottish writers such as James Hogg and Robert Louis Stevenson. They also ally her with Douglas Gordon who, 18 years after he "broke the ice" in 1996 for modern Scottish art by winning the Turner prize, has an awe-inspiring exhibit at Glasgow's GoMA. [9]*

В приведенном фрагменте искусствоведческого текста с помощью сравнения автор выражает высокую оценку работ Кристин Борланд, объективируя схожесть характера ее творчества с произведениями известных литераторов Джеймса Хогга и Роберта Льюиса Стивенсона. В языке сравнение актуализируется через конструкцию *to put in the great tradition of*, а оценочный смысл маркируется с помощью

прилагательного *great*. Сравнение с Дугласом Гордоном, обладателем премии Тернера, также учившимся в Глазго, с одной стороны, помещает художницу в сознании реципиента в один ряд с великими творцами Шотландии, а с другой – ограничивает ее образ в пределах шотландской культуры.

На выделение шотландских художников в отдельную группу указывают и особенности функционирования феномена стереотипизации в среде зарубежных критиков. Как уже было отмечено ранее, в 92% рассмотренных случаев к стереотипу обращаются шотландские искусствоведы, однако **стереотипы** также обладают способностью становиться своего рода точкой притяжения для словесных ярлыков, с помощью которых также нередко выражается оценочная компонента.

Так, корпусный анализ позволил выделить словосочетание *Scotia Nostra* как языковой ярлык, функционирующий в качестве общего определения для современных шотландских художников как группы и активно используемый в текстах искусствоведческого дискурса. Данный ярлык можно считать весьма частотным: в текстах, составленных искусствоведами разных стран, было выделено более 10 примеров его использования. Рассмотрим несколько способов языковой репрезентации данного ярлыка.

(14) *Scottish artists themselves are not, of course, necessarily from Scotland, nor do artists born in Scotland live in Scotland as a rule. However, it is abundantly clear that the **Scotia Nostra** all made socially engaged work that had concerns with historical and contemporary Scottish culture. [10]*

(15) *In this sense, the **Scotia Nostra** continued a preoccupation with local identity politics found in Scottish neo-expressionism. However, these issues were broached with a disposition that entirely prevents them from being read as expressive evocations of national character. [3]*

Приведенные фрагменты искусствоведческого текста демонстрируют, что данный ярлык преимущественно применяется как термин, объединяющий современных шотландских художников в единую группу. Однако прямой перевод словосочетания *Scotia Nostra* на английский представляет собой нейтральное выражение «*Наша Шотландия*» и не позволяет определить специфику оценочной маркированности данного выражения. Но при этом также можно предположить, что данное выражение, скорее всего, возникло как аллюзия к известному определению для итальянской мафии *Cosa Nostra* («*Наше дело*»), где компонент *Cosa* в результате языковой игры был заменен

на компонент “*Scotia*”, отсылающий к принадлежности к Шотландии. Это позволяет искусствоведам представить крайне разных художников как отдельную группу, своего рода «мафию», обладающую специфическими для них общими чертами и тесными внутренними связями. С одной стороны, подобный ход можно интерпретировать как дань исторической традиции объединения шотландских художников в творческие группы, а с другой – возникший в результате стереотипизации ярлык в рамках искусствоведческого дискурса также может служить для формирования образа национального искусства, обладающего особенными только для него характеристиками и функционирующего обособленно от всего мирового искусства.

В результате проведенного исследования можно сказать, что при оценивании произведений шотландского изобразительного искусства эксперты, представители других культур, концентрируются на чертах, выделяющих уникальность и самобытность шотландского искусства. За счет реализации оценочного смысла на основе метафоры, сравнения и ориентации на стереотип зарубежные искусствоведы подчеркивают необходимость рассмотрения шотландского искусства внутри границ собственной культуры. Признавая национальную специфичность произведений шотландского искусства, данная группа искусствоведов стремится представить его как направление в искусстве, функционирующее обособленно от мирового художественного процесса.

Таким образом, в ходе исследования оценочной интерпретации шотландского искусства было выявлено, что характер оценки не коррелирует с критерием культурной принадлежности оценивающего искусствоведа, так как соотношение положительных и отрицательных оценок искусства будет примерно одинаковым для обеих групп с преобладанием положительной оценки. Было определено, что в качестве основных механизмов формирования оценочного смысла функционируют метафора, сравнение и ориентация на стереотип.

Проведенное исследование позволяет заключить, что искусствоведы занимают различающиеся позиции относительно вопроса о положении шотландского искусства в мире. Группа искусствоведов-шотландцев стремится представить свое национальное изобразительное искусство как выступающее в одном ряду с мировыми художественными традициями и отвечающее всем стандартам международного художественного сообщества. В то же время группа зарубежных

искусствоведов консолидируется вокруг идеи о ценности искусства Шотландии как уникального, самостоятельного и независимого направления, которое нельзя соотносить с другими художественными сообществами.

Источники примеров:

- Small Corpus of Scottish Art Discourse. URL: <https://github.com/amarshalov/ScottishArtDiscourse.git>
1. MacMillan D. Visual art review: John Bellany; A Passion for Life. URL: <https://www.scotsman.com/arts-and-culture/visual-art-review-john-bellany-passion-life-1600770>
 2. Jones J. The mega-show that proves Scottish art is fizzing with energy. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2014/jun/26/generation-review-scottish-contemporary-art>
 3. Mulholland N. Leaving Glasvegas. URL: <http://www.sorchadallas.com/press/143>
 4. Jones C. P. Corrosion And Other Maladies In Peter Doig's Latest. URL: <https://www.riotmaterial.com/peter-doig-paintings>
 5. Hill G. Ambitious first showcase of Scotland's contemporary artists in China. URL: <https://www.dundee.ac.uk/news/2015/ambitious-first-showcase-of-scotlands-contemporary-artists-in-china.php>
 6. Devlin V. A Life Lived On The Edge At The Scottish Gallery. URL: <https://artmag.co.uk/on-edge-at-the-scottish-gallery>
 7. Shuangjie S. Exhibition to feature rotating roster of cutting-edge art from Scotland. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/931212.shtml>
 8. Spence R. 'Generation': 25 years of Scottish contemporary art. URL: <https://www.ft.com/content/95503ce0-27ae-11e4-ae44-00144feabdc0>
 9. Baker K. Christine Borland': Cast from Nature. Scottish Art News Issue 15. URL: https://issuu.com/scottishartnews/docs/san15_final
 10. Moffat S. Steven Campbell. Figurative artist whose return to Scotland after success in the US heralded a renaissance in the visual arts. URL: <https://www.theguardian.com/news/2007/sep/03/guardianobituaries.artsobituaries>

**ГЛАВА VI. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ ДИСКУРСА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГЛОССАРИЕВ ПО ПАНДЕМИИ
КОРОНАВИРУСА COVID-19**

(А. Е. Джамелашвили, О. В. Каменева)

Начало 2020 года ознаменовалось эпидемией коронавирусной инфекции, которая стремительно переросла в пандемию. Распространение заболевания отразилось не только на функционировании медицинских и социальных институтов, но и на лексическом составе многих языков. Новые условия жизни способствовали появлению новых слов и словосочетаний, а также актуализации узкоспециализированных лексических единиц в общем употреблении. На новостных порталах, сайтах образовательных организаций и учреждений здравоохранения стали публиковаться глоссарии по пандемии COVID-19, различающиеся по составу лексических единиц, стилевому оформлению и структуре дефиниций. Настоящее исследование ставит целью описание и сравнительно-сопоставительное изучение состава и понятийного аппарата англоязычных тематических глоссариев по пандемии коронавирусного заболевания.

Недостаток системных лексикографических исследований по лексике пандемии коронавирусного заболевания подчеркивает актуальность данной работы. Слова, возникшие или актуализированные в данный период пандемии, выступают как социально значимые и информационно насыщенные номинативные единицы, необходимые для расширения осведомленности населения, регулирования отношений между ними и адаптации к изменившимся жизненным обстоятельствам. Представленный анализ позволяет приблизиться к пониманию процессов, происходящих в лексической системе английского языка под влиянием внешних факторов и причин.

Материалом исследования послужили 5 англоязычных глоссариев: Glossary on the COVID-19 pandemic, Coronavirus (COVID-19) Outbreak Glossary, A Guide to Coronavirus-Related Words, Coronavirus Plain Language Glossary: Words to Know, COVID-19 Terminology and Framing of Narrative/Story.

Центральное место в одноязычной лексикографии занимает проблема толкования значения слов. Согласно В. Г. Гаку, потребность в создании толкового словаря возникает при наступлении

лингвистической зрелости общества [Гак 1977: 11–27]. В российской лексикографии толковые словари разделяют на два типа – нормативные, или предписывающие, и ненормативные, или описательные. Предписывающие словари передают состояние литературного языка и языковые факторы, соответствующие действующим языковым нормам. Такие словари отражают лексику, зафиксированную в определенный исторический период и рассматриваемую как наиболее образцовую.

Нормативные толковые словари способствуют разграничению языковых фактов общелитературного языка от тех, что проникают в него из терминологической сферы и диалектов и тем самым содействуют нормализации словарного состава языка.

Ненормативные словари описывают все существующие в общенациональном речевом обороте в определенный период слова и устойчивые сочетания. Такие словари регистрируют всю лексику по определенным источникам, вне зависимости от ее происхождения, употребительности и сферы применения.

Тем не менее многие лингвисты утверждают, что граница между двумя типами толкового словаря не абсолютная и не всегда принципиальная. Так, многие современные нормативные толковые словари включают в свой лексикон помимо литературных единиц также и пограничные языковые факторы. Более того, необходимость в фиксации лексики разговорного запаса языка и ее толковании не вызывает никаких сомнений, поскольку читателю важна «не строгая ограниченность корпуса словаря и не четкая очерченность границ понятия, а возможность навести справки» [Латынина 2008: 12–35].

Особое место в словарном фонде занимают **словари неологизмов**. Постоянное пополнение лексического фонда новыми словами и выражениями является естественной особенностью живого языка, что неизменно ставит новые задачи не только перед лексикографией и лингвистикой в целом. В периоды резких изменений и потрясений в общественной жизни образование новых слов и выражений значительно усиливается, что способствует появлению большого числа неологизмов. Впоследствии некоторые из них уходят в пассивный запас и вовсе исчезают из языка, а другие продолжают свое бытование, приобретая новые значения. Роберт Барнхарт называл неологизмы дыханием языка, полагая, что «они удостоверяют, что язык активен и продолжает функционировать» [Barnhart 1989: 1159].

Обновление лексического фонда языка обусловлено преимущественно двумя факторами: внеязыковым, который возникает при необходимости номинации новых понятий, явлений и предметов, и внутриязыковым, когда возникновение неологизмов связано с потребностью совершенствования системы обозначений (экономия языковых усилий, стремление к точности и выразительности языковых единиц и т. д.).

Неологизация как результат восприимчивой способности языка – явление неизбежное и непрерывное, а существование неологизма может быть привязано к конкретному периоду времени. По этому поводу Л. В. Щерба писал: «Словарь живого литературного языка не представляет собой монолитной массы, раз навсегда или даже на некоторый период времени зафиксированной. Наоборот, он все время находится в движении... Бывают эпохи... когда слова появляются и исчезают с калейдоскопической быстротой. Совершенно очевидно, что каждый культурный народ должен следить за изменениями в словаре своего языка» [Щерба 1966: 269].

Не менее значимыми являются и **идеографические словари (тезаурусы)**, важность которых, как для специалистов, так и для неспециалистов в области филологии, трудно переоценить. Единицей идеографического словаря является не отдельное слово, а определенное семантическое поле. Основная задача таких словарей – описать совокупности слов, объединенных общим понятием. Основой идеографического словаря являются смысловые отношения слов языка, расположенные подобно тому, как организована экстралингвистическая действительность, в виде многоярусной структуры. Идеографический способ представления лексического материала дает возможность построить систему логических связей, что повышает методический эффект при обучении и подчеркивает учебный характер идеографических словарей [Морковкин 1981: 160–161].

Языковые единицы в таком словаре расположены не по алфавитному принципу, а на основании тематических групп, объединенных в иерархическую структуру, отражающую логико-философскую классификацию предметов и явлений действительности. Важно отметить, что словари, в которых слова расположены по алфавиту, не поддерживают семантические связи между лексическими единицами и их контекстами, в то время как тезаурус не разрушает подобные отношения между единицами языка. Главная задача идеографического

тезауруса – помочь в поиске подходящего слова для нужного концепта в необходимом контексте.

Большое внимание современных лексикографов приковано к изучению такой словарной составляющей, как **термин**. Термины позволяют фиксировать специальную информацию в коммуникации между членами профессиональных сообществ, являясь инструментом передачи научного знания окружающему миру.

Существует два раздела терминоведения – теоретический и практический. Главной задачей практического терминоведения является гармонизация, упорядочение и стандартизация терминов и терминосистем, в то время как теоретическое терминоведение занимается анализом функциональной, формальной и содержательной структуры как отдельных терминов, так и их совокупностей [Лейчик 2006].

Несмотря на то что словарный состав языка не поддается точному учету, существует большое количество специальных словарей, в котором фиксируются наиболее частотные термины, используемые в той или иной отраслевой дисциплине. Подобные словари способствуют упорядочению и систематизации понятийно-терминологического аппарата для дальнейшей успешной профессиональной коммуникации. Создание специальных словарей отраслевой и узкоспециальной терминологии позволяет проследить эволюцию терминов и понятий в разных сферах и областях. Специальные словари играют важную роль в моделировании и структурировании знаний, упорядочении структурно-семантических полей в разнообразных сферах знаний. Более того, на базе терминологических банков данных могут быть созданы и другие виды словарей определенной отрасли: переводные, частотные и учебные [Авербух 2004: 252].

Помимо специальных словарей, все больший вес в терминографии приобретает отдельный подвид словарей – **глоссарии**. Глоссарий (лат. «собрание глосс») представляет собой список узкоспециализированных терминов какой-либо сферы знаний. Первоначально глоссарии использовались для толкования непонятных читателю иноязычных слов в латинских или древнегреческих текстах. Таким образом, в глоссах реализовывалась межъязыковая функция языка, то есть использование языка с целью обсуждения самого языка, а не внешнего мира.

Исторически для большей части глоссариев характерна учебная и справочная функция, а их структура и содержание могут варьировать и зависеть от целевой группы. Как и любой словарь, глоссарии также

выполняют регистрирующую функцию, так как они содержат информацию о словарном составе конкретной отрасли знаний. Так, согласно Ю. Н. Марчуку, предпосылкой японского «промышленного чуда» стал внезапный рост количества терминологических словарей [Марчук 1992]. Помимо этого, глоссарий обладает систематизирующей функцией, поскольку словарные единицы в нем подвергаются упорядочению.

Назначением глоссариев принято считать их направленность на обслуживание конкретных сфер человеческой деятельности. Как и у всякого источника информации, задачей глоссария является удовлетворение информационных потребностей его читателей при работе с тем или иным языковым материалом.

При составлении глоссариев их авторы сталкиваются с общими для лексикографии проблемами, которые сформулировал еще Л. В. Щерба: «каждое более-менее сложное слово должно быть предметом научной монографии, следовательно, вероятность составления идеального глоссария очень мала» [Щерба 1966: 270].

Глоссарии достаточно полно отражают картину мира социума, складывающуюся в конкретный временной период. Распространение COVID-19 не могло не найти отражение в появлении новых глоссариев, тематически ориентированных на новую социокультурную проблематику. До января 2020 года сообщения об обнаружении случаев пневмонии неизвестного происхождения в столице китайской провинции Хубэй не привлекали особого внимания в публичном информационном пространстве, поскольку они воспринимались как регулярная сезонная эскалация респираторных инфекций в странах Юго-Восточной Азии. 30 января 2020 года Всемирная организация здравоохранения признала опасность этой инфекции в глобальном масштабе. Поскольку заболевание быстро распространилось почти на все континенты, ВОЗ 11 марта 2020 года признала вспышку пандемией. К 13 марта 2020 года очаг заболевания переместился в Европу.

11 февраля 2020 года Международный комитет по таксономии вирусов (ICTV) объявил *коронавирус тяжелого острого респираторного синдрома-2 (SARS-CoV-2)* названием нового вируса. Это название было выбрано потому, что вирус генетически связан с коронавирусом, ответственным за вспышку атипичной пневмонии в 2003 году. В тот же день ВОЗ провозгласила о введении официального сокращенного названия *COVID-19*, поскольку использование аббревиатуры SARS при упоминании нового коронавируса могло сеять

дополнительный страх и панику среди некоторых групп населения, особенно в Азии. По этой и другим причинам специалисты ВОЗ начали называть новый вирус «вирусом, ответственным за COVID-19» или «вирусом COVID-19» при общении с общественностью [WHO: Naming the coronavirus disease...: интернет-ресурс].

Исполнительный редактор «Оксфордского словаря английского языка» Юернадетт Патон заявил, что лексикографы стали свидетелями редкого феномена, резкого роста использования одного слова за очень короткий период времени. По мнению Патона, слово «коронавирус» станет доминирующим в глобализационном дискурсе и приведет к возникновению так называемого «языка пандемии».

Таким образом, пандемия создала так называемый «временный тематический дискурс» [Силантьев 2006]. Н. П. Тарасова в работе «Метафорическое моделирование эпидемии в медийном дискурсе» подчеркивает, что отличительной чертой дискурса эпидемии выступает формирование концепта, отражающего уникальное знание об эпидемии, разнообразность и запутанность структуры [Тарасова 2013].

По итогам исследования «Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции» В. И. Карасик отмечает, что «в массиве официальной информации об эпидемии преобладает рациональное изложение фактов», тогда как реакция общественности на эту информацию отличается крайней эмоциональностью. Комментарии общества носят как «рациональный, так и мистический характер», имеют место обвинения власти в некомпетентности действий, а в публичном анонимном дискурсе присутствуют черный юмор и сарказм [Карасик 2020].

Новый дискурс пандемии COVID-19 формируется за счет взаимодействия множества других дискурсов: образуются новые дискурсивные топики пандемии, развиваются новые языковые знаки и особенности концептуализации профессионально значимых объектов.

В данном исследовании представлен дескриптивный и сравнительно-сопоставительный анализ пяти научно-популярных англоязычных глоссариев по пандемии коронавируса COVID-19: *Glossary on the COVID-19 pandemic*, *Coronavirus (COVID-19) Outbreak Glossary*, *A Guide to Coronavirus-Related Words*, *Coronavirus Plain Language Glossary: Words to Know*, *Terminology and Framing of Narrative/Story*.

Краткое описание глоссариев учитывает следующие параметры: 1) составители; 2) объем выборки; 3) лексикографическая форма; 4) форма представления материала; 5) охват лексики; 6) адресат;

7) описание содержательной структуры, принципов оформления и графического представления данных (мегаструктура); 8) принцип организации лексических единиц (макроструктура); 9) структура словарной дефиниции (микроструктура). В ходе проведенного исследования удалось выделить и описать основные характеристики следующих разновидностей глоссариев.

1. Glossary on the COVID-19 pandemic

Краткая характеристика:

- 1) составлен бюро переводов, выполняющим государственные заказы Правительства Канады;
- 2) 242 термина;
- 3) глоссарий;
- 4) электронный;
- 5) включает медицинские термины, бытовую лексику, окказионализмы;
- 6) адресован гражданам Канады.

В более узком смысле адресатом являются лица, ответственные за распространение информации о пандемии в Канаде. Так, в глоссарии присутствует термин *Canada COVID-19* – канадское мобильное приложение, позволяющее пользователям получать последние новости о COVID-19 в Канаде из достоверных источников. Всего насчитывается 13 терминов, имеющих отношение непосредственно к Канаде: *Canada COVID-19*, *Canada Emergency Business Account*, *Canada Emergency Commercial Rent Assistance*, *Canada Emergency Response Benefit*, *Canada's COVID-19 Economic Response* и т. д.;

7) мегаструктура: глоссарий состоит из предисловия, краткой инструкции по использованию, расшифровки грамматических помет;

8) макроструктура: организован в алфавитном порядке, от А до Z, присутствует большое количество словосочетаний. Заглавное слово ни разу не представлено в виде аббревиатуры, однако в самой словарной статье у некоторых терминов указаны аббревиатуры в графе «Предпочтительное обозначение» (Preferred designations), например *Public Health Agency of Canada – PHAC*;

9) микроструктура: словарная статья представлена в виде таблицы, которая включает Preferred designations («Предпочтительное обозначение»), Other designations («Прочие обозначения»), Definitions («Определения»), Examples («Примеры»), Notes («Заметки»).

Информация в словарной статье по вышеперечисленным позициям представлена в следующем соотношении: у 112 (46%) единиц дано определение, у 87 (36%) – примеры, к 73 (30%) терминам приводятся заметки и в 96 (40%) случаях имеются прочие обозначения. Из этого можно сделать вывод, что главной задачей данного глоссария является помощь в переводе и использовании английских терминов, а не их толкование. В пользу этого также свидетельствует тот факт, что чаще всего информация в строке Notes носит этимологический характер. В словарной статье также отсутствуют стилистические пометы.

2. Coronavirus (COVID-19) Outbreak Glossary

Краткая характеристика:

1) размещен на сайте KFF (Фонд семьи Кайзера) – некоммерческой организации, которая занимается проблемами национального здравоохранения и играет важную роль в глобальной политике здравоохранения США. KFF разрабатывает и проводит собственные программы, иногда в партнерстве с крупными новостными организациями;

2) малый объем выборки в 30 терминов;

3) глоссарий;

4) электронный;

5) включает медицинские термины и бытовую лексику;

6) адресован лицам, ответственным за распространение информации о пандемии, и открытой общественности.

Важно отметить, что главной задачей данного глоссария является информирование населения о симптомах коронавируса, его способах передачи и мерах предосторожности. Например, дефиниция к словосочетанию *Essential activities* (Необходимые виды деятельности) включает список необходимых действий, обязательных к исполнению при жестком карантине;

7) мегаструктура: глоссарий состоит из предисловия, словника, и поисковика;

8) макроструктура: алфавитный порядок от А до Z, более половины единиц – словосочетания, в двух случаях приводятся синонимические варианты: *droplet transmission/spread* («передача воздушно-капельным путем»), *community transmission/spread* (локальное распространение);

9) микроструктура: определяемое понятие выделено жирным шрифтом и синим цветом, в дефинициях отсутствуют примеры,

однако 24 термина (74%) обладают ссылочной пометой *Source*. В словарной статье отсутствует информация о грамматических особенностях термина, стилистические и этимологические пометы.

3. A Guide to Coronavirus-Related Words

Краткая характеристика:

1) составлен издательством Merriam-Webster;

2) 17 терминов;

3) глоссарий;

4) электронный;

5) включает медицинские термины и бытовую лексику;

6) адресован лицам, ответственным за распространение информации о пандемии коронавируса, и открытой общественности;

7) мегаструктура: состоит из словника и фотографий или картинок, не имеющих отношения к толкованию терминов;

8) макроструктура: организован не в алфавитном порядке, 5 главных единиц представляют собой словосочетания (35%);

9) микроструктура: в дефинициях присутствуют цитаты, по 1–2 на каждый термин, а также стилистические пометы.

Для терминов *quarantine*, *isolation*, *martial law* дается этимологическая информация. Помимо этого, присутствует помета *also written as*, которая отсылает к альтернативному варианту написания слова. Пример: *A super-spreader (also written as superspreader)...* Некоторые понятия объясняются при помощи сопоставлений и различий в употреблении со сходными сочетаниями во избежание недопонимания и некорректного употребления понятия: *epidemic / pandemic / outbreak, community spread / contact tracing, isolation / self-isolation, contagious / infectious*.

4. Coronavirus Plain Language Glossary: Words to Know

Краткая характеристика:

1) составлен членами организации Green Mountain Self-Advocates (GMSA), которая содействует благополучию людей с ограниченными возможностями;

2) 71 термин;

3) глоссарий;

4) печатный/электронный;

5) включает медицинские термины, бытовую лексику, а также лексику, связанную с особенностями жизни лиц с ограниченными возможностями;

6) адресован лицам с ограниченными возможностями.

Последние два параметра подтверждаются следующими примерами: *Agency – a place where people with disabilities get services; PCA or Personal Care Attendant or Assistant – support staff who work with people with disabilities in their home;*

7) мегаструктура: состоит из вступления, словника и фотографий или картинок, не имеющих отношения к толкованию терминов, информации об источниках и сведений об организации, выпустившей данный глоссарий;

8) макроструктура: организован в алфавитном порядке, аббревиатуры сопровождаются расшифровкой;

9) микроструктура: отсутствуют стилистические, этимологические и грамматические пометы.

Дефиниции включают в себя советы, которые будут актуальны для лиц этой группы: *Stimulus Check – the government is sending \$1,200 to each person who makes less than \$75,000 a year...* Это единственный из глоссариев, где в обращении к адресату используются личные местоимения you, we, что указывает на неформальный и разговорный стиль общения.

5. Terminology and Framing of Narrative/Story

Краткая характеристика:

- 1) составлен ВОЗ;
- 2) 26 терминов;
- 3) глоссарий;
- 4) печатный/электронный;
- 5) включает медицинские термины, бытовую лексику;
- 6) адресован лицам, ответственным за распространение информации о пандемии коронавируса, и открытой общественности. Авторы отмечают, что главная задача глоссария – обеспечить точное освещение данной темы в СМИ. Помимо этого, они пишут о том, что стигматизирующее описание болезни в медиапространстве и средствах массовой информации приводит к дискриминации сообществ, наиболее уязвимых к инфекционным заболеваниям, что может нанести вред жителям азиатских и тихоокеанских островов, чернокожим, коренным народам, латиноамериканцам, а также людям смешанной расы или этнической принадлежности. По этой причине составители глоссария уделяют отдельное внимание терминам, связанным с дискриминацией, расизмом и предвзятому отношению к определенным этносам. Пример: *Coronavirus Racism – Racism that is anti-Chinese and anti-Asian in nature;*

7) мегаструктура: является частью брошюры ВОЗ, состоит из вступления, словника и картинок, не имеющих отношения к толкованию терминов;

8) макроструктура: поделен на 5 тематических разделов (*“Racism, Scapegoating, and Health Outcomes”, “Public Health Activities”, “Privacy/Confidentiality”, “Testing” и “Scientific and Medical Terms”*); в среднем на одну страницу приходится 4 термина, что свидетельствует о весьма подробном описании каждой единицы;

9) микроструктура: в словарной статье отсутствуют стилистические, этимологические и грамматические пометы. Определяемое понятие выделено жирным шрифтом и синим цветом. В дефинициях нет примеров, однако при упоминании определенного события или темы, косвенно связанной с пандемией, присутствует гиперссылка на статью, посвященную этой проблеме. Отдельное внимание уделяется терминам, связанным с дискриминацией, расизмом.

Представленный материал позволяет сделать некоторые обобщения. Все глоссарии характеризуются как краткие, но при этом обладают разным количеством понятий: от 242 в канадском Glossary on the COVID-19 pandemic до 17 в глоссарии A Guide to Coronavirus-Related Words от издательского дома Merriam-Webster.

Цель всех глоссариев – повысить осведомленность общества о симптомах коронавируса, его способах передачи и мерах предосторожности. Тем не менее некоторые глоссарии имеют и другие, более специфичные задачи. Адресатами словаря Coronavirus Plain Language Glossary: Words to Know являются люди с ограниченными возможностями, поэтому данный глоссарий учитывает специфику аудитории, их когнитивные и психологические особенности. Помимо этого, даются актуальные для этой группы лиц советы и рекомендации. Прослеживается главная идея составителей: людям с ограниченными возможностями не должны отказывать в медицинской помощи, несмотря на пандемию.

Зафиксированная в глоссариях лексика может быть **классифицирована** по трем тематическим группам – медицинская и бытовая лексика, а также неологизмы.

Медицинская лексика

Неудивительно, что данная лексическая группа является наиболее значимой, что обусловлено необходимостью вербализации мер по профилактике и лечению заболевания. Медицинская лексика в рассматриваемых глоссариях охватывает следующие направления:

1) названия болезней и их возбудителей: *COVID-19, Coronavirus, Betacoronavirus, Virus, SARS-CoV-2 (severe acute respiratory syndrome coronavirus-2), infectious disease*, а также названия болезней: *Flu, Asthma, Diabetes, Emphysema, Pneumonia, Zoonosis, COPD – Chronic Obstructive Pulmonary Disease*;

2) способы заражения и фазы протекания болезни: *communicable period, contact follow-up, contact identification, contact listing, droplet nuclei, transmission, droplet transmission, fomite, host cell, incubation, indirect contact transmission, infectious agent, local transmission, mean incubation period, median incubation period, mode of transmission, non-close contact, pathogenicity, person-to-person transmission, reservoir, contagious, infectious, epidemic, pandemic. community spread, close contact, viral shedding*;

3) симптомы: *presymptomatic, symptomatic, asymptomatic, airborne, chronic bronchitis, dry cough, normal temperature, fever, respiratory problems, symptom, wheeze, ageusia, anosmia, hypoxemia, lung infiltrate, nosocomial infection*;

4) методы диагностики и лечения: *drive through testing, medication, prescription, Testing, thermometer, triage, vaccine, convalescent plasma, antipyretic therapy, antiviral drug, early detection, expectoration, medical supplies, negative pressure room, oxygen therapy, temperature check, test negative (verb phrase), test positive (verb phrase), respirator. serologic testing, rapid diagnostic test (RDT), antibody, diagnostic testing, swab*;

5) названия профессий, специальностей и организаций, занимающихся вопросами здравоохранения: *therapist, front-line staff, Health Department, PCA or Personal Care Attendant or Assistant, NIH – National Institutes of Health, CDC – Center for Disease Control, World Health Organization, National Microbiology Laboratory, health care provider, Chief Public Health Officer of Canada, Canadian Centre for Occupational Health and Safety*.

Бытовая лексика

Ввиду того что пандемия способствовала установлению новых условий быта, еще один пласт лексики объединяет следующие направления:

1) противоэпидемиологические меры, направленные на борьбу с распространением инфекции: *contact tracing, isolation, self-isolation, self-quarantine, quarantine, shelter in place, social distance, martial law, cordon sanitaire, home isolation, curfew, hand washing, lift the lockdown (verb*

phrase), lockdown, physical barrier, physical distance, reinstate the lockdown, self-monitoring, travel restriction, voluntary quarantine, deglobalization, contact identification и др.;

2) средства индивидуальной защиты и дезинфекции: *face covering, face shield, gloves, hand hygiene, hand sanitizer, mask, N95 respirator, sanitizer* и др.;

3) названия общественных настроений: *antisemitism, coronavirus racism, criminalization, microaggression, structural racism, “weathering” or “racial weathering”, anxiety, discrimination, panic, stress, depression* и др.

Окказионализмы

Ярким свидетельством стремительных перемен в объективной действительности являются окказионализмы. Большую часть окказионализмов можно отнести к обиходно-просторечной лексике, так как связанные с коронавирусом новые слова и выражения чаще всего являются творчеством представителей массового сознания. Данная лексика отражает юмористическое и ироническое отношение к болезни – одну из форм психологической защиты.

Первую группу составляют разнообразные слова и выражения, обозначающие коронавирусную болезнь. Зачастую они имеют политический подтекст и направлены на критику действий власти: *Trumpflu (COVID-19 + Trump’s inept leadership); Boomer Flu; Chinese virus; Beer bug (Corona virus, a disease originating in China which shares the same name as a bad Mexican beer); Corona-chan or Wuhan-chan (an anime-style anthropomorphic representation of the Novel Coronavirus); Wuhan virus* и др.

Вторая группа представлена явлениями, появившимися после начала пандемии: *Coronavirus Racism; Foot shake (a way of greeting each other without shaking hands); Elbow bump (a new greeting adopted during the coronavirus pandemic because a fist bump involves too many germs); Coronaphobia (the fear of catching the current strain...); Doomscrolling (the hypnotic state of endlessly reading grim internet news); Zoombombing (the act of raiding a Zoom call, usually on school related calls by posting pornography or otherwise offensive content); Spendemic (the increase in online shopping during the pandemic); Hamsterkauf (the German words Hamster (hamster) and Kauf (buying) are joined metaphorically, to compare super-market raiders to hamsters, who stock up food)* и др.

Третья группа неологизмов включает в себя номинации людей, связанных с болезнью: *Coronials (babies who will be born after lockdown)*;

Covidiot (someone who ignores the warnings regarding public health or safety); Covidient (someone who values others safety by following the necessary rules and protocols to avoid the virus spread); Coronic (a person who has contracted coronavirus) и др.

Очевидно, что окказионализмы дискурса пандемии коронавируса отражают общественную ситуацию в мире.

В результате проведенного полиаспектного многоуровневого анализа научно-популярных англоязычных глоссариев по пандемии коронавируса COVID-19 удалось прийти к ряду важных **выводов**, основным из которых можно считать заключение о том, что социальные и исторические изменения в обществе, как и развитие науки, приводят к изменению словарного состава языка, а также к образованию нового пласта терминологии.

Глоссарии пандемии COVID-19 отражают объективно существующие реалии и явления, выполняя ряд значимых функций: 1) информирование о текущей ситуации, принятых мерах и изменениях; 2) создание юмористического восприятия сложной ситуации; 3) социальная охрана и критика безответственных действий организаций и правительств. Вместе с тем глоссарии характеризуются субъективностью содержания, выборки, структуры дефиниций, что обусловлено установками опубликовавших эти глоссарии учреждений и особенностями восприятия составителей.

Список глоссариев по пандемии COVID-19:

1. Glossary on the COVID-19 pandemic. URL: <https://www.btb.termiumpus.gc.ca/publications/covid19-eng.html> (дата обращения: 20.10.2021).
2. Coronavirus Plain Language Glossary Words To Know. URL: <https://acl.gov/sites/default/files/common/Words-To-Know-About-the-Coronavirus-in-Plain-Language.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).
3. Coronavirus (COVID-19) Outbreak Glossary. URL: <https://www.kff.org/glossary/covid-19-outbreak-glossary/> (дата обращения: 20.10.2021).
4. A Guide to Coronavirus-Related Words. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/coronavirus-words-guide/community-spread-contact-tracing> (дата обращения: 20.10.2021).

5. Terminology and Framing of Narrative/Story. URL: [https://static1.squarespace.com/static/5e6fd0a65abcc54f238eae48/t/5fac65381cc5cc66221535bb/1605133628034/COVID19+Media+Communications+Guide+Final+\(11.08\).pdf](https://static1.squarespace.com/static/5e6fd0a65abcc54f238eae48/t/5fac65381cc5cc66221535bb/1605133628034/COVID19+Media+Communications+Guide+Final+(11.08).pdf) (дата обращения: 20.10.2021).
6. WHO: Naming the coronavirus disease (COVID-19) and the virus that causes it, 2020. URL: [https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/technical-guidance/naming-the-coronavirus-disease-\(covid-2019\)-and-the-virus-that-causes-it](https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/technical-guidance/naming-the-coronavirus-disease-(covid-2019)-and-the-virus-that-causes-it) (дата обращения: 20.10.2021).

РАЗДЕЛ 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАГМА-КОММУНИКАТИВНЫХ ПАРАМЕТРОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

ГЛАВА VII. СИГНАЛЫ САРКАСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ОНЛАЙН-ОБЩЕНИИ: ВАРИАНТЫ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ

(Н. Д. Потапова, Е. В. Троценкова)

Общение в Интернете настолько прочно вошло в жизнь современного человека, что многие ее сферы, в частности общественные и политические дискуссии, оказались немыслимы без использования возможностей новых информационных технологий. Это, с одной стороны, привело к развитию интегративных процессов между различными сферами деятельности, а потому и все более тесному взаимодействию и взаимопроникновению политического, медийного и общественного дискурсов [Лобанова 2018; Троценкова 2019], а с другой стороны – в значительной мере трансформировало привычные форматы письменного и устного общения лицом-к-лицу [Троценкова 2020].

Многие исследователи задались вопросом о влиянии новых технологий на саму ткань языка и особенности его функционирования в связи с тем, что Н. Бэрн называет «приручением, одомашниванием (domestication) технологий коммуникации» [Baron 2008]. Сама исследовательница посвятила свою монографию изучению того, как развивается язык, а также изменяются способы нашего взаимодействия с другими людьми по мере того, как коммуникационные технологии становятся все более освоенными и привычными для нас. К настоящему времени появился обширный корпус работ (приведем лишь некоторые из них с участием таких авторитетных ученых в этой области, как К. Фёрлоу, С. Херринг и др. [Digital Discourse: Language in the New Media 2011; Approaches to Digital Discourse Analysis 2015; Language and Discourse of Social Media. New Challenges, New Approaches

2018]), посвященных особенностям общения в имейлах, чатах, блогах, социальных сетях, мессенджерах разного рода, на форумах, видеохостинговых площадках и т. п. В качестве одного из аспектов виртуальной коммуникации часто затрагивается вопрос о том, что она сочетает в себе черты письменной и устной речи и представляет собой специфическое, гибридное образование [Лутовинова 2008; Лысенко 2010; Бергельсон 2012].

Этот вопрос кажется особенно актуальным при рассмотрении явлений, таких как сарказм, интерпретация которых в традиционном устном формате общения тесно связана с просодической стороной речи, отсутствующей при написании онлайн-комментария. В этой ситуации очевидно, что и говорящий, и собеседники должны дополнительно опираться на какие-то вспомогательные языковые средства, позволяющие правильно интерпретировать посыл высказывания. Набор этих средств, вероятно, имеет лингвокультурологические особенности и должен изучаться с учетом специфики сложившихся в том или ином интернет-сообществе принципов выражения мысли. Например, в русскоязычном интернет-общении довольно широко распространено употребление специфических конструкций, сразу указывающих на иронический характер высказывания: **положительно окрашенное утверждение X (Нет):** «Я счастлив. (Нет)»; «Ну зато можно лично наблюдать за тем, как совок вернулся. Радость-то какая (нет)!»; **кто X, тот не я:** «Кто рано встает, тот не я»; «Пятница! Впереди выходные! Кто отдыхает, тот не я»; «Кто пишет диплом, тот не я». В числе прочего в качестве таких средств, призванных сделать присутствие сарказма в онлайн-комментарии более заметным, с нашей точки зрения, и выступают определенные дискурсивные маркеры – объект настоящего исследования.

Изучение дискурсивных маркеров сарказма в общественно-политических онлайн-дискуссиях приобретает особую актуальность в условиях, когда сам сарказм начинает играть более значимую роль в политической борьбе. Американский общественно-политический интернет-дискурс, особенно за последние пару электоральных циклов, демонстрирует все больший раскол участников по партийному признаку на сторонников республиканской и демократической партий, вне зависимости от того, какие именно вопросы становятся предметом обсуждения [Троценкова 2019 б]. Накал политической борьбы обуславливает поиск наиболее эффективных средств воздействия, к

которым многие ученые относят иронию и сарказм. Так, А. А. Горностаева утверждает, что, учитывая театральность политического дискурса, умение остроумно вести диалог – необходимое качество настоящего лидера [Горностаева 2016: 58–59; 63]. Т. А. Клепикова, О. В. Герасимова пишут о том, что ирония и сарказм – важные инструменты любого оратора, поскольку позволяют дискредитировать противника и его позицию, одновременно вызывая симпатию к тому, кто способен остроумно оборачивать сказанное и сделанное оппонентом против него самого [Клепикова, Герасимова 2018:10]. Е. В. Трощенко, Е. Е. Шеховцова рассматривают языковые игры как средство манипуляции общественным сознанием [Трощенко, Шеховцова 2020: 55–73]. Л. С. Гуторенко полагает, что сарказм в Интернете развился даже в отдельное явление – троллинг как акт завуалированной вербальной агрессии, направленной на человека, а не на ситуацию [Гуторенко 2018: 245, 247].

Принимая во внимание важность корректного распознавания аудиторией транслируемого сообщения в условиях, когда на карту ставится не только собственный успех, но и успех «своей» группы, можно предположить, что авторы онлайн-комментариев будут стремиться максимально защитить сообщение от искажений при восприятии и использовать дополнительные сигналы того, что оно саркастично, то есть содержит открытую иронию, которая намеренно используется говорящим в качестве формы вербальной агрессии [Haiman 1998: 20]. Цель исследования в нашем случае – разработать классификацию типов дискурсивных маркеров сарказма в англоязычных онлайн-дискуссиях и описать особенности их функционирования с учетом социокультурного контекста.

Термины «дискурсивный маркер» и «прагматический маркер» в силу различия подходов разных исследователей, которые их используют, не всегда четкие критерии, которые бы позволили очертить круг единиц, попадающих в эту категорию, или отчетливо разграничить разные подгруппы таких единиц, требуют пояснения и рабочего определения, которое бы прояснило в рамках задач настоящей работы «нечеткость и внутреннее разнообразие концепта» [Schweinberger 2014: 53].

Б. Фрейзер рассматривает дискурсивные маркеры (ДМ) как подгруппу внутри прагматических маркеров [Fraser 1996: 167–190] и говорит о том, что дискурсивный маркер создает отношение между

каким-либо аспектом дискурсивного сегмента, частью которого этот дискурсивный маркер является, и каким-либо аспектом предшествующего сегмента дискурса. Другими словами, дискурсивные маркеры функционируют как двустороннее связующее звено, где с одной стороны звена находится высказывание, которое вводит дискурсивный маркер, а с другой – сегмент предшествующего дискурса [Fraser 1999: 938]. Другие рассматривают ДМ как обобщающий термин для «необязательных элементов, функционирующих в качестве указателей в общении, облегчая слушателю интерпретацию высказывания на основе различных контекстных подсказок» [Aijmer 2002: 2].

Д. Шифрин [Schiffrin 1987], отмечая черты ДМ, называла, в частности, синтаксическую отделимость от основной части предложения; преимущественно начальную позицию в предложении; способность функционировать как контекстные координаты, позиционируя высказывание в одном из планов разговора, привязывая высказывания к говорящему, слушающему или к обоим, привязывая высказывание к предшествующему или последующему дискурсу. Таким образом, ДМ рассматриваются как средства когезии, обеспечивающие связность разговора как на локальном, так и на глобальном уровнях его организации. Для Г. Редекер ДМ – это слова или фразы, которые произносятся главным образом с целью привлечения внимания адресата, а также выполняют функцию связки последующего высказывания с дискурсивным контекстом (ситуацией) [Redeker 1990].

Учитывая, что к ДМ разные исследователи [Schiffrin 1987, Redeker 1990, Fraser 1996] относят достаточно разнородные языковые единицы, такие, например, как формально функциональные слова (oh, well, so...), но также и некоторые глаголы (например, look, see, listen), междометия (gosh, boy), целые фразы (this is the point, what I mean is), дискурсивные маркеры выделяются как функциональная категория, в первую очередь на основе общности выполняемых прагматических функций управления вниманием адресата и привязывания высказывания к коммуникативной ситуации и продуцируемому дискурсу. При этом сами ДМ подвергаются десемантизации, их прагматическая составляющая выходит на первый план и оказывается более значима для интерпретации высказывания, содержащего ДМ.

На основании понимания сарказма как варианта вербальной агрессии в вышеуказанной работе Дж. Хаймана и рассмотренных трудах, посвященных дискурсивным маркерам, для настоящего

исследования было выработано рабочее определение дискурсивного маркера сарказма. Дискурсивный маркер сарказма (ДМС) – это частично десемантизированная и синтаксически отделимая от основного высказывания единица, которая обладает прагматической функцией усиления саркастического эффекта высказывания, а также функцией привязки высказывания как к языковому контексту, так и к глобальному дискурсивному контексту. Такой дискурсивный маркер может более четко очерчивать объект сарказма и способствовать большей распознаваемости сарказма.

Для исследования были отобраны высказывания, которые чаще всего представляют собой комментарии-реакции к постам или новостям на тему президентских выборов в США. При отборе материала для исследования мы руководствовались следующими критериями:

- соответствие высказывания теме и времени: высказывание должно быть сделано в рамках именно онлайн-дискуссий, которые велись в преддверии президентских выборов 2020 года в США;
- саркастическая окраска высказываний: саркастический характер высказывания мы определяли главным образом исходя из коммуникативно-ситуативного контекста, а также принимая во внимание типичные лингвистические механизмы и средства передачи сарказма.
- высказывания, содержащие ДМС, подвергались дескриптивному дискурс-анализу и когнитивному анализу с точки зрения целей говорящего, его идеологических установок, политических предпочтений и особенностей взаимодействия с группой «своих» и «чужих» в дискуссии.

В результате были проанализированы 278 саркастических комментариев. Из них 176 комментариев содержат как минимум один ДМС, что составляет 63,31% от общего количества проанализированных комментариев. 9,4% саркастических комментариев содержат как минимум два ДМС. Это позволяет сделать вывод, что дискурсивные маркеры – важная составляющая саркастических высказываний.

Проанализированный материал позволил классифицировать ДМС по выполняемой функции. В рамках классификации выделено восемь основных групп, две из которых включают ряд подгрупп.

I. Наиболее многочисленная группа – дискурсивные маркеры притворного согласия (ПС). Всего в группу из имеющегося

материала попадает 66 маркеров, которые содержатся в 61 комментарии. То есть дискурсивные маркеры притворного согласия были обнаружены в **21,58%** всех рассмотренных саркастических комментариев, в пересчете на объем саркастических комментариев, содержащих ДМС разных типов, этот процент составляет **34,1**.

Такая частотность может быть обусловлена тем, что, стремясь высмеять оппонента и его позицию, говорящий прибегает к выражению притворного согласия, на самом деле подразумевая противоположное с целью изобличить недостатки позиции оппонента. Частотности употребления маркеров этого типа также могут способствовать и социокультурные условия, когда общение между сторонниками соперничающих партий в двухпартийной системе приобретает в высшей степени агрессивный характер. Говорящий создает иллюзию согласия с оппонентом, на фоне чего саркастическое продолжение высказывания становится еще более язвительным и острым.

В данную группу вошли такие маркеры, как *right, that's right, yeah, sure, of course, indeed, yep, yes*. Нередко маркеры ПС встречаются в комбинации с другими маркерами ПС, например, *yes/yeah+right* или *yes/yeah+sure*; или же в комбинации с маркерами других групп, например, *oh+yeah/yes*. В последнем случае дискурсивный маркер притворного согласия комбинируется с дискурсивным маркером выражения эмоциональной реакции (маркеры этой группы описаны ниже). Подобное комбинирование способствует как созданию более интенсивного саркастического эффекта, так и большей распознаваемости сарказма.

Последнее удалось установить, когда в ходе исследования обнаружилось, что почти во всех случаях комментариев, содержащий в себе комбинацию маркеров *oh yeah* или *oh sure*, носит саркастический характер. Делая подобный вывод, нельзя упускать из виду социокультурный контекст предвыборных дискуссий. То есть справедливость того, что высказывание, содержащее в себе маркеры *oh yeah* или *oh sure*, с высокой степенью вероятности будет иметь саркастическую окраску, возможно, следует распространять лишь на контекст предвыборных дискуссий в США. В любом случае в рассмотренном материале саркастические комментарии с дискурсивными маркерами ПС – это пятая часть от общего числа саркастических комментариев, что свидетельствует о популярности их использования как средства в политической борьбе.

II. Следующая по численности группа – **дискурсивные маркеры выражения эмоциональной реакции (ЭР)**. К ней было отнесено 62 примера дискурсивных маркеров (21,58% от общего числа саркастических комментариев и 34,1% от числа саркастических комментариев, содержащих ДМС).

Такая частотность может быть объяснена тем, что политические новости чаще всего должны вызывать эмоциональную реакцию реципиента, дискуссия протекает в такой социокультурной обстановке, где затрагиваются важные для реципиента события. Реципиент же, стремясь вербализировать свою агрессию в отношении оппонента или объекта обсуждения, может выражать притворные эмоции, в реальности подразумевая противоположное.

В рамках данной группы были выделены пять подгрупп. Среди них:

- **дискурсивные маркеры неискреннего смеха** (*haha, bahaha, ha ha*).

FN 2. *Bahaha you're adorable!*

Дискурсивные маркеры неискреннего смеха на письме передают подавленный смех, который часто сопровождает устные саркастические высказывания. Таким образом, этот маркер сигнализирует о том, что сказанное далее неискренне, а истинный смысл высказывания противоположен прямо выражаемому;

- **дискурсивные маркеры притворной хезитации** (*hmm, hm-mmmm*).

FN 9. *And by some strange coincidence it is in a swing state. Hm-mmmmmmm.*

Дискурсивные маркеры притворной хезитации сигнализируют о том, что говорящий на самом деле твердо уверен в своей позиции и считает очевидным то, что имплицитно выражает в своем высказывании. Часто используется для того, чтобы дать негативную оценку умственным способностям оппонента;

- **дискурсивные маркеры притворного восклицания** (*oh, oooo-hhh, gee, wow, omg, oh my, surprise, amazing, jeez*).

Tw 6. *Oh good. They're already lining up excuses to claim that trump cheated.*

Дискурсивные маркеры притворного восклицания используются в ситуации, когда говорящий, изображая бурную эмоциональную реакцию, на самом деле относится к озвучиваемой позиции безэмоционально. Такой маркер редко используется самостоятельно, а

употребляется в комбинации с другими дискурсивными маркерами, таким образом еще более усиливая саркастический эффект последующего высказывания;

- **дискурсивные маркеры притворной интенсификации** (*super, absolutely, complete, simply, just, freaking, very, really, perfectly, so, so much, even*).

Tw 9. *Sounds very scientific, this poll of yours. Was it Don JR?*

Дискурсивные маркеры притворной интенсификации обладают наиболее сильным потенциалом усиления саркастического эффекта: формально усиливая то, что выражается в высказывании поверхностно, они на самом деле интенсифицируют истинный имплицитно выражаемый смысл;

- **дискурсивные маркеры притворного удивления** (*really?, strange*).

Tw 13. *Strange how it suddenly starts happening.*

Дискурсивные маркеры притворного удивления сигнализируют о том, что выражаемое имплицитно (истинная позиция говорящего) во все не является чем-либо удивительным, а, напротив, вполне ожидаемо.

III. Следующая по численности группа – **дискурсивные маркеры-линкеры**: 22 примера дискурсивных маркеров, что составляет 7,91% от общего числа саркастических комментариев и 12,5% от числа саркастических комментариев, содержащих ДМС.

То, что они довольно часто применяются, обусловлено не определенным ситуативным контекстом, как в случае с маркерами выше, а самой сущностью дискурсивных маркеров как таковых, их свойством связывать высказывание с общими дискурсивным и ситуативным контекстами.

В рамках этой группы ДМС были выделены две подгруппы:

- **дискурсивные маркеры притворного противопоставления** (*but*).

FN 102. *But but but voting by mail is so safe and secure and never has any issues whatsoever.*

Говорящий прибегает к противопоставлению своего высказывания тому, что было сказано другим участником дискуссии, при этом объект сарказма – сам предыдущий говорящий или актуальное ситуативное явление (событие), затронутое им в разговоре, подвергается жесткой критике;

- **дискурсивные маркеры притворного вывода** (*so*).

Tw 17. *So, changing the rules mid-game, is a ok now?*

Происходит то же самое, что и в случае с дискурсивными маркерами притворного противопоставления, но формально достигается за счет построения вывода. Нередко такой вывод приобретает абсурдный характер.

В ходе исследования было сделано следующее наблюдение: “but” может повторяться несколько раз подряд, и в таком случае высказывание почти всегда носит саркастический характер, то есть повторяющийся “but” достаточно надежный ДМС. То же самое наблюдается, когда союз “so” содержит в написании более одной буквы “o”, то есть комментатор пытается графически отразить растянутую гласную, что типично для устных саркастических высказываний. Иными словами, автор на письме воспроизводит интонацию, тем самым компенсируя отсутствие просодических средств в письменной речи.

IV. Далее по численности следует группа **дискурсивных маркеров отсылки к конкретной проблемной ситуации** (21 маркер). Такие ДМ были обнаружены в 7,55% всех саркастических комментариев и в 11,93% саркастических комментариев, содержащих дискурсивные маркеры.

В эту группу попадает, например, структурно нетипичный для ДМ маркер-фраза “*what could possibly go wrong*”:

FN 68 (1). *Yeah, what could go wrong! This is their plan nationwide, to foul things up and cheat their way back into the white house.*

Такой маркер-фраза способен встречаться не только перед высказыванием, в котором говорящий выражает свой сарказм относительно чего-либо, но и в изоляции, когда, по сути, весь саркастический комментарий и состоит лишь из этой фразы. Например:

FN 120. *What could possibly go wrong?*

Таким образом, эта фраза может быть как маркером для последующего саркастического высказывания, так и самостоятельным саркастическим высказыванием, при этом основной содержательный посыл говорящего полностью имплицитен и может быть выведен только из контекста всего обсуждения и, возможно, дополнительных знаний о сложившейся политической ситуации и культурных стереотипах.

Данная фраза рассматривается как дискурсивный маркер на том основании, что она неоднократно встречается в рассмотренных дискуссиях и очень тесно связывает высказывание с социополитическим контекстом, а именно – в приведенном выше примере – с определенным событием, когда из-за пандемии было принято решение

проводить выборы, высылая бюллетени для голосования по почте. Многие политические деятели тогда заверяли, что возможность ошибок и риски полностью исключены (“nothing can possibly go wrong”). И относительно высокая частотность этого дискурсивного маркера обусловлена как раз обилием новостей об очередной ошибке в ходе организации выборов подобным образом. Многие комментаторы сочли такую ошибку не случайностью, а попыткой вмешательства в ход голосования. Причем интересно, что такие попытки приписывались как представителям Демократической партии, так и представителям Республиканской партии США.

Еще больше повысил частотность появления этого ДМС тот факт, что описанное выше политическое событие так часто упоминалось в предвыборных дискуссиях, что оно стало определенным дискурсивным явлением. Таким образом, фраза-маркер связывает высказывания не только с ситуативным, но и с дискурсивным контекстом. Были обнаружены такие вариации этого маркера, как “*what could go wrong*”, “*who could have guessed that might happen*”.

Этот ДМС в описанном социополитическом контексте становится сигнальным маячком для реципиента и оповещает о том, что последующее высказывание или подразумеваемое невербализованное высказывание носит саркастическую окраску. На этом основании мы можем рассматривать данный ДМС как ситуативный дискурсивный маркер сарказма.

V. Далее следует группа **дискурсивных маркеров шуточного обращения**: 12 маркеров (4,32% от общего числа саркастических комментариев и 6,82% от числа саркастических комментариев, содержащих дискурсивные маркеры). Сюда вошли такие маркеры, как *bro*, *c'mon man*, *come on man*, *folks*, *dems*, *boy*, *cupcake*.

FN 132. *C'mon, man! Democrats have to know how many votes they're behind before they can make sure to “find” enough fake ones.*

Обращение может быть направлено как просто к адресату высказывания, так и к объекту сарказма, когда он же является адресатом высказывания. Такого рода обращения неформальны и эмоционально окрашены, что позволяет автору высказывания привлечь внимание адресата и создать ложное впечатление близости с ним, дружеских отношений. На фоне этой ложной близости саркастическое высказывание выглядит еще более язвительным, особенно когда адресат высказывания и объект сарказма совпадают.

VI. Еще одна группа – **дискурсивные маркеры ложного указания**. Всего 10 маркеров, что составляет 3,6% от общего количества саркастических комментариев и 5,68% от саркастических комментариев, содержащих дискурсивные маркеры.

В группу вошли такие маркеры, как *this, these, the, that, the same*.

Tw 22. *Like THIS important work...*

К таким маркерам говорящий прибегает с целью точно указать на языковой элемент, реальный смысл которого противоположен подразумеваемому, а также на объект вербальной агрессии.

VII. Далее по численности следует группа **дискурсивных маркеров саркастического передергивания**. Всего в материале было обнаружено 7 маркеров этого типа, что составляет 2,52% от общего количества саркастических комментариев и 3,98% от саркастических комментариев, содержащих дискурсивные маркеры. В группу вошли такие маркеры, как *wait a second, just wait, wait, wait a minute*.

Tw 27. *Oh wait, NOW polls are correct??????*

Употребление таких маркеров производит на реципиента обескураживающий эффект, так как реципиент, видя подобные слова, внешне указывающие на то, что речь пойдет о чем-то срочном и важном, может поначалу посчитать, что сказанное им и вызывавшее комментарий-реакцию, было воспринято как серьезный аргумент. На фоне того, что такое ожидание не оправдывается, саркастическое высказывание становится еще более острым, а ДМС здесь – способ управления вниманием и игры с ожиданиями реципиента высказывания.

Подобный эффект можно проследить и в следующем комментарии:

FN 105 (1). *WAIT!!! But, but nothing can go wrong with EVERYONE voting by mail! It's safe and secure, NOTHING can go wrong.*

Употребление дискурсивного маркера в этом высказывании создает эффект прерывания диалогического потока, когда говорящий как будто перебивает собеседника. Чаще всего такое может происходить, когда один из говорящих хочет сообщить что-то срочное и, соответственно, важное (по его мнению). Следовательно, этого же будет ожидать и реципиент. Поэтому, когда вместо срочной и важной информации после *WAIT!!!* следует саркастическое высказывание, это нарушает ожидание и шокирует реципиента.

VIII. Последняя по численности группа – **дискурсивные маркеры притворного успокаивания** (*don't worry, relax*). В группу вошли

5 маркеров, то есть 1,8% от общего количества саркастических комментариев и 2,84% от саркастических комментариев, содержащих дискурсивные маркеры. Так же как и маркеры предыдущей группы, дискурсивные маркеры притворного успокаивания обескураживают реципиента, но уже за счет того, что они создают иллюзию безобидности ситуации и доброжелательности комментатора по отношению к адресату, который на деле оказывается объектом сарказма.

Например, комментарий **Red 4** *Don't worry, Biden will forget everything he "plans" for the Native Americans as soon as he gets into the office...* стал реакцией на новость об обещаниях Джо Байдена коренным американцам. Объектом сарказма и одновременно адресатом саркастического высказывания стал пользователь, выразивший надежды на перемены к лучшему в случае, если Джо Байден будет избран президентом. Автор саркастического высказывания, выражая свое несогласие, начинает высказывание с фразы *"Don't worry"*, что создает иллюзию доброжелательного настроя, вместо этого далее следует утверждение, что Байден забудет о своих обещаниях, как только станет президентом. Такое несоответствие между началом и продолжением фразы оказывает обескураживающий эффект на адресата, на контрасте усиливая саркастический эффект высказывания.

Выше уже были описаны некоторые случаи комбинирования дискурсивных маркеров из разных групп. В ходе исследования были также обнаружены случаи комбинирования дискурсивных маркеров ложного указания и притворного согласия:

FN 65 (1). *All these "issues" sure do paint a clear picture about how safe the election is.*

Также выявлено комбинирование маркеров саркастического передергивания и притворного противопоставления:

FN 105 (1). *WAIT!!! But, but nothing can go wrong with EVERYONE voting by mail! It's safe and secure, NOTHING can go wrong.*

Можно наблюдать комбинирование маркеров шуточного обращения и притворной интенсификации:

FN 42 (1). *Boy, I have sooooo much confidence in the integrity of mail-in voting don't you? Liberals can only champion this garbage because it's the easiest method of CHEATING.*

Комбинирование дискурсивных маркеров усиливает саркастический эффект высказывания, а также способствует тому, что сарказм легче распознается. Поэтому к такому комбинированию автор

саркастического высказывания может прибегать осознанно, если хочет увеличить вероятность считывания сарказма реципиентом высказывания.

Примеры комбинирования дискурсивных маркеров сарказма встречаются относительно часто – в 9,4% всех случаев саркастических комментариев и в 14,77% саркастических комментариев, содержащих дискурсивные маркеры.

Проведенный анализ всех отобранных саркастических высказываний в целом и отдельно той их части, в которой обнаружился ДМС, позволяет сделать вывод о том, что такие ДМ – важный компонент саркастического высказывания, который встречается более чем в 60% случаев. Вероятно, часто присутствие ДМС в американских предвыборных дискуссиях обусловлено накалом политической борьбы и желанием говорящего лучше контролировать процесс восприятия смысла своего высказывания аудиторией. Говорящий стремится к тому, чтобы саркастический смысл высказывания был надежно донесен до реципиента, несмотря на то что в условиях интернет-коммуникации саркастический смысл высказывания не может быть подчеркнут интонационными средствами, мимикой и т. п., а само общение в Интернете зачастую не предполагает высокой концентрации внимания реципиента на пролистываемых высказываниях.

Таким образом, в первую очередь все типы ДМС – это средства управления вниманием реципиента высказывания, способ усилить распознаваемость сарказма.

Исследование показало, что ДМС могут комбинироваться, и в этом случае надежность распознавания сарказма повышается еще больше: реципиент, даже еще не дочитав все высказывание целиком, может почти на сто процентов быть уверен в том, что оно носит саркастический характер.

Одновременно с этой основной функцией ДМС способны, как показал анализ, выполнять и ряд дополнительных функций. Изучение особенностей функционирования различных ДМС позволило классифицировать их, распределив на восемь основных групп: ДМ притворного согласия; ДМ выражения эмоциональной реакции; ДМ-линкеры; ДМ отсылки к конкретной проблемной ситуации; ДМ шуточного обращения; ДМ ложного указания; ДМ саркастического передергивания и ДМ притворного успокаивания. Присутствие ДМС в высказывании способно дополнительно усиливать саркастический

эффект, плотнее увязывать смысл высказывания с американским социополитическим контекстом, более четко очерчивать объект сарказма – все это, безусловно, оттеняет основную задачу ДМС – более явно указать на присутствие сарказма.

Также было установлено, что одни ДМС более универсальны и встречаются в разных дискуссиях, например, ДМ притворного согласия, ДМ выражения эмоциональной реакции, ДМ-линкеры. А такие ДМ, как ДМ отсылки к конкретной проблемной ситуации, более характерны для дискуссий на специфические темы. Это обусловлено тем, что ДМ отсылки к конкретной проблемной ситуации очень тесно привязывают коммуникацию к определенному дискурсивному контексту. Это же объясняет и структуру таких ДМ – ДМ отсылки к конкретной проблемной ситуации часто употребляются самостоятельно, без последующего вербализованного саркастического высказывания. Таким образом, среди ДМС наблюдается спектр языковых единиц различной степени прагматикализации: если одни воспринимаются уже как вполне регулярные ДМ, то другие приобретают эту функцию скорее ситуативно, и их интерпретация как ДМС требует погруженности реципиента в актуальный социополитический контекст, наличия достаточной полноты фоновых знаний о дискуссиях, разворачивающихся здесь и сейчас, параллельно с той, в которой он участвует.

Источники примеров:

1. Социальная сеть Twitter (даты обращения: сентябрь–октябрь 2019, декабрь 2019, сентябрь–ноябрь 2020, март 2021).
2. Социально-новостной сайт Reddit (даты обращения: сентябрь–октябрь 2019, декабрь 2019, сентябрь–ноябрь 2020, март 2021).
3. Новостной сайт Fox News (даты обращения: февраль – апрель 2021).

ГЛАВА VIII. АВТОРСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПАРАТЕКСТОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (ПРАГМА-КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

(О. В. Емельянова, Е. А. Травина)

В последние десятилетия, ознаменованные формированием антропоцентрической парадигмы, значительно возрос интерес к актуализации языковой личности в разных видах текста. Несмотря на большое количество специальных исследований в данной сфере, авторское выражение благодарности (далее – АВБ, англ. acknowledgement) еще не получило должного освещения с точки зрения его структурных и, что особенно важно, лингвопрагматических характеристик. АВБ являются практически неотъемлемой частью текстов как научного, так и художественного дискурса, которую невозможно рассматривать отдельно от того произведения или научной работы, к которым они относятся. При этом данные тексты обладают структурной завершенностью и обособленностью.

Любой текст имеет свои синтагматические границы, которые отделяют его от других текстов. Данные границы не сводятся лишь к зачину и концовке, на этих границах могут помещаться особые элементы, одновременно принадлежащие и не принадлежащие собственно тексту, который в лингвистике и литературоведении принято называть первичным или исходным [Зенкин 2018]. В рамках исследований так называемой текстовой периферии на сегодняшний день наблюдается терминологическое разнообразие. В качестве терминов для обозначения околотекстового окружения используются, в частности, следующие: сверхтекст, гипертекст, рамочные элементы текста, вторичный текст, периферия текста, паратекст. Наиболее устоявшимся термином в лингвистической литературе является «паратекст», введенный в научный обиход французским исследователем-структуралистом Ж. Женеттом после выхода в 1987 году его работы «Паратексты: пороги интерпретации». Паратекст, по мысли Ж. Женетта, представляют собой те элементы, которые лежат на пороге (в англоязычной традиции используется термин “threshold”) текста. Именно паратекст, как считает Ж. Женетт, это то, что «дает возможность тексту стать книгой и в этом виде быть предложенным читателям или, в более общем смысле, широкой публике» [Genette 1997: 1].

Надо отметить, что Ж. Женетт отдельно не рассматривает авторские выражения благодарности. Они упоминаются исследователем лишь один раз в рамках разговора о предисловиях. Автор отмечает, что данное явление, особенно в контексте англоязычного научного дискурса, можно выделить как самостоятельный паратекстовый элемент, основными функциями которого является информирование читателя и «повышение ценности» исследования, ведь «автор, у которого так много друзей обоих полов, не может быть абсолютно плохим» [Genette, 1997: 211].

Перед тем как перейти к рассмотрению функций паратекста, следует упомянуть о такой важной категории паратекстуальных элементов, как интертекстуальность. Термин «интертекст», введенный исследователем-постструктуралистом Юлией Кристевой, можно определить как диалогические и полилогические отношения между текстами. Данная теория основана в том числе на идее М. М. Бахтина о том, что любое литературное произведение находится в диалоге с другими произведениями, реальной действительностью, автором, читателем и литературным процессом [Бахтин 1979]. По определению Ю. Кристевой, интертекст – это «текстуальная интеракция, которая происходит внутри отдельного текста» [Кристева 2004: 48].

В чем же заключается интертекстуальность паратекстовых элементов? Как считает Е. А. Меламедова, интертекстуальность реализуется, в первую очередь, по отношению к основному тексту. Так, например, в таких паратекстовых элементах, как оглавление, указатель, введение и заключение, могут быть отсылки к конкретным главам основного произведения. Интертекстуальные связи возможны и между самими паратекстовыми элементами [Меламедова 2009]. Перед исследователями паратекстуальности встает закономерный вопрос о том, какую функцию могут выполнять паратекстовые элементы в тексте. Так, Ж. Женетт утверждал, что паратекст прежде всего призван подготовить и направить читательское восприятие текста [Genette 1997]. Эту функцию можно также назвать метатекстуальной, то есть паратекст «задает программу чтения текста, его код» [Зенкин 2018]. Иными словами, паратекстуальные элементы «формируют пресуппозицию читателя, создают прагматические условия понимания текста как метатекста» [Кузьмина 2004: 151].

Паратекстовые элементы обладают функцией установления контакта автора (издателя, критика) с читателем [Чернигова 2006].

С данной функцией напрямую связана другая важная функция паратекста – информационная. Л. Г. Викулова называет данную функцию репрезентативной, то есть паратекстовые элементы представляют определенную информацию читателю [Викулова 2001]. Паратекст указывает читателю на жанровую принадлежность данного текста [Ватолина 2015]. Функцией авторского паратекста является автоинтерпретация текста, выражение интенции автора [Викулова 2001; Кузьмина 2004].

Если на основании месторасположения по отношению к основному тексту и факультативности авторское выражение благодарности (наряду с предисловием, посвящением, эпиграфом, послесловием и некоторыми другими компонентами) может быть отнесено к паратекстовым элементам, то с точки зрения объема и структуры АБС представляет собой малоформатный текст, или, используя несколько иную терминологию, текст малых форм.

По определению Е. С. Ломоносовой, тексты малых форм – это «небольшие по объему произведения, характеризующиеся информационной насыщенностью, лаконизмом, языковой компрессией» [Ломоносова 2015]. Минимальная протяженность текста малой формы (и текста вообще) может составлять одно высказывание при условиях, если оно обладает информационной самодостаточностью и большим семантическим потенциалом [Чахоян, Штейнберг 2003: 113]. Характерным признаком текстов малых форм является тематическая однородность, то есть текст малой формы будет скорее посвящен одному событию, факту или явлению.

Функции текстов малых форм зависят от их жанровой принадлежности. Так, для журналистских текстов малых форм главным будет информирование читателя и воздействие на его эмоции и интеллектуальную деятельность [Ломоносова 2015; Чахоян, Штейнберг 2003]. Помимо этого, такие малоформатные газетные тексты, как комментарии, объявление и прогноз, могут выполнять социально-регулирующую функцию [Толстолицкая 2008]. Цель рекламных текстов малых форм – вызвать у читателя потребность приобрести рекламируемый товар или услугу [Ломоносова, 2015].

Рассмотрение авторского выражения благодарности невозможно без обращения к теории речевых актов – основной теории прагматики, возникшей в контексте современной антропоориентированной парадигмы. На первое место в прагма-лингвистических

исследованиях ставится человек как субъект речевой деятельности. В связи с этим прагматика изучает явные и скрытые цели высказывания, речевые тактики, прагматические пресуппозиции, отношение говорящего к тому, что он сообщает, а также интерпретацию высказывания адресатом и воздействие высказывания на адресата [Прохорова 2003: 256]. Не останавливаясь на общих положениях, отметим следующее. Руководствуясь классификацией Дж. Остина, можно причислить речевой акт благодарности к классу бехабитивов, так как благодарение связано с общественным поведением и взаимоотношениями людей. В рамках типологии Дж. Серля РА благодарности относится к группе экспрессивов, поскольку выражает психическое состояние говорящего. Представляются существенными оба аспекта данного речевого акта. Вообще Дж. Серль определяет благодарение как иллокутивный акт, совершенный говорящим на основе прошлого совершенного слушающим акта, принесшего говорящему выгоду. В связи с этим Дж. Серль выводит общее правило для выражения благодарности: пока говорящий убежден в том, что действие слушающего было для него выгодным, и пока он благодарен за это действие, он может благодарить слушающего [Searle 1969: 63].

Дж. Лич, автор известного принципа вежливости, в своей работе «Принципы прагматики» также пишет об акте благодарности. Принцип вежливости Лича представляет собой постулаты речевого общения, которые делают возможным и успешным взаимодействие участников коммуникации. Благодарение Дж. Лича характеризует как дружелюбное (в терминологии Дж. Лича – *convivial*) действие, цель которого заключается в демонстрации признательности, при этом оно способствует поддержанию дружественной социальной атмосферы [Leech 1983: 104].

Выражение благодарности можно отнести к так называемым ритуальным стереотипам. Ритуальные стереотипы произносятся для того, чтобы «не выйти из социума», их использование можно представить как обмен знаками принадлежности к одному сообществу [Зарецкая 2002: 53].

Таким образом, речевой акт благодарности – это сложный акт, который представляет собой реакцию говорящего на вербальную или невербальную деятельность собеседника и может вызвать как положительные, так и отрицательные эмоции со стороны выражающего благодарность и реципиента. Данный РА может реализовываться как

прямой или косвенный, его выражение бывает эксплицитным и имплицитным. РА благодарности, несомненно, является крайне важным для процесса социального взаимодействия и может выступать в сочетании с другими ритуализированными речевыми актами.

Дополнительные тексты к изданию также рассматриваются исследователями в рамках теории речевых или дискурсивных жанров. Так, в качестве самостоятельного дискурсивного жанра рассматривается в работе И. В. Черниговой предисловие, которое обладает особым коммуникативно-прагматическим потенциалом [Чернигова 2006].

Основоположником теории речевых жанров в отечественной лингвистике является М. М. Бахтин, изложивший свою теорию в работе «Эстетика словесного творчества» (1979). По М. М. Бахтину, жанр – это устойчивый тип высказывания [Бахтин 1979: 237]. Высказывание как единица речевого общения в его теории противопоставляется предложению как единице языка, грамматической категории. Люди обмениваются не предложениями, а высказываниями, которые выстраиваются из предложений. Только в контексте высказывания предложение приобретает всю полноту своего смысла.

Теорию М. М. Бахтина можно обозначить как коммуникативно-стилистическую. Эта теория неоднократно переосмысливалась, и к настоящему моменту сформировалось множество подходов к пониманию термина «речевой жанр». Одним из наиболее актуальных для настоящей работы представляется социопрагматический подход, в рамках которого речевые жанры рассматриваются как средство организации социального взаимодействия. Работающие в рамках данного подхода исследователи В. В. Дементьев и К. А. Долинин считают, что речевые жанры способствуют успешному осуществлению речевых действий [Дементьев 2010; Долинин 1999]. К. А. Долинин полагает, что понятие речевого жанра связано с текстом или отрезком диалога, который отличается тематической однородностью. При этом речевой жанр – это стереотип речевого поведения, для которого существенны следующие параметры: адресат и адресант, наличие или отсутствие наблюдателя, контекст коммуникации (время, место, окружающая обстановка), канал связи, референтная ситуация. Речевые жанры, таким образом, «это первостепенно важное средство организации социального взаимодействия, без которого эффективное речевое общение и в самом деле было бы почти невозможно» [Долинин 1999: 10].

Таким образом, речевой жанр – это устойчивый тип высказывания, являющийся средством социального взаимодействия, обладающий своими структурными и лингвопрагматическими характеристиками. Помимо этого, речевой жанр можно рассматривать как типичную модель взаимодействия людей в определенной ситуации. Понятие «речевой жанр» переосмысливается в рамках дискурсивного анализа, и в научный обиход вводится термин «дискурсивный жанр». Авторское выражение благодарности, по мнению ряда исследователей, является самостоятельным речевым (или дискурсивным) жанром, обладающим своим набором структурных и лингвопрагматических характеристик.

Целью данной главы является сравнительно-сопоставительный анализ АВБ в академическом и художественном дискурсах. Авторские выражения благодарности в научной литературе на английском языке были рассмотрены в работах как зарубежных (K. Hyland, B. Cronin, K. Overfelt, C. Giles and I. Council, S. L. T. McGregor, E. Ben-Ari), так и отечественных (Е. А. Меламедова, А. А. Водяницкая) исследователей. Было выявлено, что АВБ в академическом дискурсе является одним из проявлений правил этикета англо-саксонского академического общения и выступает как свидетельство интеллектуального влияния на автора работы других ученых, членов его семьи и друзей, издателей, рецензентов и др. Повышенный интерес к данному объекту исследования в отечественной науке обусловлен тем, что все больше русскоязычных ученых публикуют свои работы в иностранных изданиях. Возникает необходимость оформить свою научную работу таким образом, чтобы она органично вписалась в иноязычный академический дискурс. Для достижения этой цели написание АВБ, которое соответствовало бы принятым канонам данного типа дискурса, представляется крайне важным условием. Ранее уже упоминалась работа А. А. Водяницкой; Е. А. Меламедова в своей диссертации приходит к выводу о том, что АВБ как речевой жанр является устойчивым типом высказывания, моделью взаимодействия людей в ситуации создания книги или другой работы, в котором проявляется личность автора. При этом авторское выражение благодарности как речевой жанр является крайне важным для англоязычной лингвокультуры и обладает таким свойством, как полилогичность, поскольку предполагает отклик большого числа людей [Меламедова, 2008: 81].

Что же касается АВБ в художественном дискурсе, нам не удалось обнаружить специальных работ на материале английского языка на эту тему. Наша цель заключается в восполнении данной лакуны, с одной стороны, и сопоставлении структурных и лингвопрагматических характеристик АВБ в двух упомянутых видах дискурса – с другой стороны. В этой связи отметим следующее.

Acknowledgements как самостоятельный композиционный элемент художественного произведения появился относительно недавно, приблизительно в 1960-х годах [Smith, 2019]. До этого авторы художественных произведений ограничивались короткими посвящениями (dedications). Сегодня АВБ можно встретить в большинстве современных изданий художественной литературы, как правило, в качестве элемента “end matter” (или “back matter”) – совокупности таких паратекстовых элементов в конце книги, как указатель, заметка об авторе, список других произведений этого автора и т. д.

Тем не менее в Интернете встречаются многочисленные статьи, посвященные как правилам написания АВБ в художественной литературе, так и ценности данных дополнительных текстов для читателя. Так, на портале www.scribemediacom.com, который предоставляет издательскую и рекламную поддержку начинающим писателям, опубликована статья *How to write your book acknowledgements*, в которой рассматриваются основные правила написания АВБ. Перечисляются возможные адресаты благодарности (родственники, друзья, редакторы, издатели и др.) При этом подчеркивается тот факт, что люди, которым выражается благодарность, ее обязательно прочитают, и поэтому основная задача автора заключается в том, чтобы “make it good for the people <...> who will read it” – сделать приятно упоминаемым людям, которые будут читать АВБ (www.scribemediacom.com).

Сравнительно-сопоставительное исследование АВБ в академическом и художественном дискурсах позволило выявить следующие закономерности.

С точки зрения структуры авторские выражения благодарности в академическом дискурсе и в художественном дискурсе обнаруживают больше сходств, нежели различий. АВБ в обоих типах дискурса являются малоформатными текстами, не имеющими строгих правил построения и обладающими вариативностью композиции.

Можно, однако, отметить тот факт, что АВБ в академическом дискурсе в среднем оказываются больше по объему (6 абзацев, 700 слов),

чем в художественном дискурсе (3 абзаца, 250 слов). Анализируемый материал позволяет предположить, что авторы научных работ в своих АВБ уделяют больше внимания перечислению имен всех коллег и названий всех организаций, посодествовавших исследованию.

Короткие АВБ, занимающие всего один абзац, немногочисленны и составили всего 17% от всех примеров. Самое краткое АВБ насчитывает 63 слова, а самое объемное – 29 абзацев или приблизительно 2700 слов и занимает 8 страниц.

Установлено, что АВБ для научного текста более чем в половине случаев (примерно в 60%) находится *перед* основным текстом, как правило, после оглавления. Значительно реже (примерно 30%) авторское выражение благодарности можно встретить *после* основного текста. Благодарность, как правило, размещается в специальном разделе, обозначенном как Acknowledgements. АВБ в художественном дискурсе чаще оказываются *после* основного текста (в 66% примеров), чем АВБ в научном дискурсе (в 30% примеров). Это можно объяснить относительно устойчивыми правилами оформления художественного произведения, которые продиктованы различными современными англоязычными издательствами, в рамках которых АВБ должны быть элементом back matter.

В исследованном материале отмечен случай объединения АВБ с таким дополнительным текстом к изданию, как пролог. Паратекстовый элемент озаглавлен Prologue and Acknowledgements и с точки зрения структуры распадается на две части: первая часть содержит объяснение, почему автору интересна данная тема исследования и как он пришел к тому, чтобы написать эту работу; во второй части автор выражает свою благодарность. При этом первая часть обладает существенно меньшим объемом – два абзаца, по сравнению со второй – шесть абзацев. Можно предположить, что автор решил объединить два этих дополнительных текста к изданию, поскольку посчитал, что они неразрывно связаны друг с другом по смыслу, а также потому, что первая часть (которую условно можно обозначить как пролог к работе) была бы недостаточной по своему объему.

Что касается общих композиционных характеристик, анализ материала показал, что АВБ в научной литературе не имеет четких правил построения. Надо отметить, что в Интернете можно встретить общие рекомендации для написания acknowledgements в научных работах. Такие рекомендации включают в себя возможных

адресатов благодарности, устойчивые клише для выражения признательности, а также примеры готовых АВБ. Однако в подобных рекомендациях не содержится советов по поводу определенной структуры данного текста.

Из правил построения АВБ в научной литературе можно выделить обязательное наличие заголовка: Acknowledgements или такие вариации, как Prologue and Acknowledgements, рассмотренные выше. Однако эту особенность едва ли можно назвать типичной именно для этого жанра. Помимо заголовка и основного текста, АВБ может также включать в себя в конце подпись автора, однако подобные случаи были немногочисленны и составили 12% от общего числа анализируемых АВБ в научной литературе.

Несмотря на отсутствие четких правил построения АВБ, его композицию можно назвать стереотипной. Как правило, Acknowledgements представляют собой связный текст, в котором перечисляются имена людей и названия организаций, которым выражает благодарность автор. Можно отметить определенную последовательность упоминания людей, которым выражается благодарность. Как правило, благодарность друзьям и родственникам, в отличие от благодарности коллегам, расположена в конце. Так, среди всех анализируемых АВБ в научной литературе, в которых упоминаются члены семьи и друзья, в конце благодарность этим людям располагается в 60% случаев.

В контексте своих структурных характеристик представляют интерес acknowledgements, написанные не от лица автора работы, а от лица издателей. Обычно подобные выражения благодарности можно встретить в начале выпусков научных журналов, и, как правило, они могут быть достаточно объемными (9–12 страниц) и представлять собой алфавитный список имен или организаций, которые каким-то образом посодействовали выходу издания, или экспертам-рецензентам.

Анализ материала в художественном дискурсе не выявил случаев объединения авторского выражения благодарности с другими паратекстовыми элементами. В академическом дискурсе, напротив, были выявлены примеры слияния АВБ с такими паратекстовыми элементами, как сноски и предисловие. Однако следует отметить, что АВБ в художественном дискурсе в ряде случаев вбирают в себя функции посвящения.

Анализ лингвостилистических характеристик жанра благодарности позволил сделать вывод о том, что примеры АВБ обоих типов дискурса

обнаруживают высокую степень оценочности и эмоциональности. Это реализуется благодаря использованию эмоционально окрашенной, оценочной, а также разговорной лексики. АВБ в академическом и в художественном дискурсе наполнены разнообразными тропами и синтаксическими фигурами, обеспечивающими общую выразительность текстов. В тексте АВБ автор научного труда имеет возможность выразить свое личное мнение в отличие от основного текста работы, который по правилам академического дискурса должен отличаться объективностью и безоценочностью. Текст АВБ становится сосредоточением эмоций и оценок, и на языковом уровне это проявляется в использовании оценочных прилагательных. Вполне ожидаемым является то, что преобладают прилагательные положительной оценки. С положительной стороны характеризуются коллеги и студенты, их помощь, критика и комментарии, финансовая поддержка со стороны различных организаций, работа издателей, атмосфера в университете, поддержка членов семьи и друзей, многое другое.

I appreciate the excellent research environment in the Department of Psychology at the University of California, Santa Barbara, as well as the opportunity to interact with a talented group of students and professors. (Mayer 2009)

Помимо этого, используются и прилагательные отрицательной оценки, например, для характеристики процесса работы или материала исследования.

(2) ...*the long and difficult process of turning the dissertation into a book.* (Schalk 2018)

Тексты АВБ также обладают экспрессивностью. К выделяемым в анализируемом материале экспрессивным средствам относятся следующие тропы и синтаксические фигуры: эпитеты (tireless efforts, indispensable value, unwavering support, unwavering love, boundless enthusiasm, unerring elegance, untiring help); наречия с функцией усиления значения (incredibly kind, exceptionally helpful, extremely agreeable, particularly supportive, intensely gracious). Весьма распространены метафоры:

(3) *They [children] have brought much light into my life, as has our new grandson, Jacob.* (Mayer 2009)

(4) ...*many other scholars within the Paulo Freire critical pedagogical orbit.* (Counterpoints, 2011)

И синтаксический параллелизм:

(5) *What I didn't know was that I would write about speculative fiction. What I didn't know was that I would explain to people at conferences and on job interviews how I was reading a series of paranormal romance novels about a werewolf with obsessive-compulsive disorder.* (Schalk 2018)

Помимо этого, авторы текстов АВБ прибегают к такому приему, как использование прямой речи. Такие случаи немногочисленны, однако их наличие становится еще одним подтверждением того, что АВБ является свободным пространством для творчества, в котором у автора появляется возможность максимально выразительно рассказать о процессе работы над исследованием. Так, в следующем примере, рассказывая о жизненных обстоятельствах, подтолкнувших ее к исследовательской деятельности, автор в подробностях рассказывает о случае, произошедшем на одном из ее занятий.

(6) *I will never forget looking up in that moment to have my eyes lock with the big, bright, green, fearful eyes of one of my students. Our eyes locked as tears ran down her face. In less than one minute, every shred of performative confidence left me as my heart ached, thumping as though it was trying to escape my body. In that moment, any pedagogical or professional training went out the window, as I walked over to my student and asked if we could step outside and talk. "Hey, I'm sorry for pulling you aside. I just want to know if you're okay. Can I do anything to help?" – "No, miss. I'm sorry for crying. I just... I'm scared <...>".* (Gonzales 2021)

Прямая речь в данном случае выполняет не информативную, но скорее изобразительную функцию. Текст АВБ становится не просто элементом стратегии академической вежливости, но почти художественным текстом, рассказывающим полноценную историю. Художественная выразительность данного примера также достигается благодаря использованию разговорного выражения – *In that moment, any pedagogical or professional training went out the window*. В целом разговорные выражения и сленг встречаются в 20% анализируемого материала.

Немаловажной чертой АВБ в научном дискурсе является использование авторами юмора и иронии. Как правило, автор смеется над самим собой, и такой самоуничижительный юмор можно рассматривать как элемент стратегии вежливости (например, проявлением максимы скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича). Распространенными являются шутки, касающиеся «неадекватного» поведения автора во время сложного и трудоемкого процесса работы над исследованием.

(7) *Most important, and above all, thank you to Sarah, for your love, for bearing with me.* (Schulz, 2021)

(8) *I also would like to thank in particular Lars for having had the patience to live with me.* (Mood, 2020)

(9) *Thank you Paul Mendelson for preventing me from going too crazy with last-minute changes during the copyediting process.* (Pahl 2012)

Все перечисленные лингвостилистические средства находят широкое применение и в художественном дискурсе, где в АВБ регулярно встречаются эпитеты, используемые авторами для характеристики людей, помогавших им в работе, а также различных явлений, связанных с процессом написания книги. Как правило, прагматическая направленность жанра благодарности предусматривает положительную эмоциональную окраску используемых эпитетов: *my sharp-eyed copyeditor, bright ideas, real "must-have" obstetrician and the "must-have" maternity nurse*. В некоторых случаях, однако, эпитеты обладают отрицательной эмоциональной окраской, как в следующем примере использования так называемого *phrase-epithet* (эпитета-фразы).

(10) *This book was a labor of love, and like a woman in labor, I often felt overwhelmed and desperate in that please-help-me-this-can't-be-what-I-signed-up-for-give-me-drugs kind of way.* (Hanna, 2015)

Писательница Кристин Ханна прибегает к данному сложносоставному эпитету для определения своего эмоционального состояния во время написания книги. По своей структуре данный эпитет представляет собой полноценное сложное предложение, которое стоит в препозиции к определяемой фразе (*kind of way*), и благодаря его использованию, безусловно, также достигается комический эффект. Частое обращение к юмору и иронии, как будет показано далее, является весьма характерной чертой текстов АВБ в художественном дискурсе.

Тексты анализируемых АВБ в художественном дискурсе в гораздо большей степени, чем в академическом, наполнены разнообразными метафорами, в основе которых зачастую лежат достаточно нетривиальные сравнения. В уже приведенном примере автор использует сочетание метафоры и игры слов, говоря о своей книге и процессе работы над ней. Написанный роман характеризуется как *labour of love* (фраза библейского происхождения, которую словарь Merriam-Webster Dictionary характеризует как *a labour voluntarily undertaken or performed without consideration of any benefit* – добровольный и бескорыстный труд). Лексема *labor (labour)* также обладает значением

«роды» На основе этого базируется используемая автором игра слов: сама писательница характеризует себя как женщину в процессе родов (a woman in labor), которая испытывает настолько сильные трудности, что ей требуется обезболивающее.

Писатель-фантаст Ник Харкуэй (настоящее имя – Николас Корнуэлл, другой псевдоним – Izzy Milbank), говоря о сфере книготорговли, в своей благодарности использует метафору леса, характеризуя при этом своего знакомого, помогавшего ему в этой области, как своего проводника.

(11) *In the forest of the booktrade, I am guided by the inestimable Patrick Walsh, without whom I would be eaten by bears. (Harkaway 2018)*

В этом примере также можно усмотреть аллюзию на «Божественную комедию» Данте Алигьери, а именно на знаменитые строки «Земной свой путь пройдя до половины/ я очутился в сумрачном лесу...» (перевод М. Л. Лозинского), таким образом, Н. Харкуэй сравнивает своего проводника с Вергилием.

Достаточно часто авторами АВБ используется инверсия в общепринятом смысле слова, то есть когда сказуемое поставлено перед подлежащим, например, для выдвижения определенного слова или фразы в предложении.

(12) *Never in my life did I have so much support than at that time. (Hosseini 2007)*

Кроме того, в исследованном материале отмечено то, что можно отнести к инверсии с некоторыми оговорками, когда дополнение находится в начале предложения, определение следует за определяемым словом (постпозиция определения), обстоятельство стоит перед подлежащим и др. Именно в таком понимании данного термина его использует в своей работе по паратекстовым элементам Е. А. Меламедова, приводя в пример предложение “For things Italian, I turned to Fantacci family” [Меламедова, 2009]. В исследуемом материале встречается использование данного приема в функции интенсификации, когда инверсия способствует усилению эмфатического ударения на определенной фразе. Так происходит в следующем примере, где дополнение находится в начале предложения.

(13) *And the parting glass I raise in memory of our dear friend – Laura Mitchell McDonald. (Ivey 2012)*

Многие авторы АВБ в художественном дискурсе прибегают к юмору и иронии. Как правило, автор шутит над самим собой и своими

близкими. Так, например, в следующем фрагменте автор с юмором пишет о том, что без помощи ее терпеливого мужа их семья осталась бы голодной и без чистой одежды.

(14) *Many thanks and much love to Tim, who not only tolerated me spending so much time writing, but encouraged it, and without whom our family would be hungry and without clean clothes. (Fuller 2015)*

В юмористическом ключе авторы пишут и о процессе работы над произведением. Следующим образом, например, Ник Харкуэй описывает то, как подбиралось название для его книги («Великая охота за названием»).

(15) *Thanks to everyone who participated in the Great Title Hunt. Good titles are rarer than snarks and twice as slippery as Gussie Fink-Nottle's newts. (Harkaway 2018)*

Анализ лингвостилистических характеристик жанра благодарности позволил сделать вывод о том, что примеры АВБ в обоих типах дискурса обнаруживают высокую степень оценочности и эмоциональности. Это реализуется благодаря использованию эмоционально окрашенной, оценочной, а также разговорной лексики. АВБ в обоих дискурсах наполнены разнообразными тропами и синтаксическими фигурами, обеспечивающими общую выразительность текстов. Однако тексты АВБ в художественном дискурсе обнаруживают большее лингвостилистическое разнообразие и, соответственно, обладают большей выразительностью. С одной стороны, авторы художественных произведений используют более широкий ряд стилистических приемов. С другой стороны, тексты АВБ в художественном дискурсе обладают большей насыщенностью текстов этими стилистическими приемами. Если сравнить схожие по объему тексты АВБ в анализируемых типах дискурса, то число случаев использования тропов и синтаксических фигур в тексте АВБ в художественном дискурсе в среднем будет выше, чем тот же показатель в академическом дискурсе. Такая насыщенность АВБ лингвостилистическими приемами представляется закономерной, если учитывать тот факт, что ее авторами являются профессиональные писатели.

Следует также отметить и то, что АВБ в академическом дискурсе обнаруживают черты данного типа дискурса, а именно наличие специализированной терминологии, использование аббревиатур, научных званий, упоминание названий высших учебных заведений, исследовательских центров и др.

Авторские выражения благодарности обладают специфическим коммуникативно-прагматическим содержанием, определяющим их потенциал воздействия на читателя. Прагматическая сторона функционирования АВБ в академическом и художественном дискурсах рассматривается с точки зрения адресатов и причин благодарности, а также того, какие еще компоненты помимо благодарности содержатся в коммуникативно-прагматической структуре этого жанра.

В двух типах дискурса совпадают четыре группы адресатов, это: 1) члены семьи и друзья, 2) издатели, 3) работники архивов, библиотек и музеев, 4) организации, предоставившие финансирование. В академическом дискурсе этот перечень продолжают: 5) коллеги и соавторы, 6) научный руководитель и соавторы, 7) студенты, 8) место работы (например, высшее учебное заведение), 9) рецензенты и 10) общественные организации. Список адресатов благодарности в художественном дискурсе включает (помимо 1–4) литературных агентов, читателей и других авторов. Большое количество адресатов благодарности в академическом дискурсе можно объяснить, с одной стороны, влиянием предъявляемых требований к публикациям международного формата, в рамках которых ученому необходимо упомянуть всех тех, кто каким-то образом сделал вклад в исследование. С другой стороны, это можно связать с правилами академического этикета, которые строго соблюдаются в англоязычном научном пространстве. Вместе с тем авторы АВБ обладают определенной степенью свободы и в ряде случаев упоминают тех, кто обладает действительно большой ценностью в их картине мира.

(16) *To my parents (Chris and Bob), my in-laws (Wes and Cleo), Nat, Tudor and Noah and Luca, and my daughters, Chelsea and Sarah, along with Gina...* (Pahl 2012)

Это подтверждает мысль К. Хайланда о том, что авторское выражение благодарности является «самым личностным из всех жанров» академического дискурса [Hyland 2003: 243].

Авторы художественных произведений обладают большей свободой в выборе адресатов благодарности и упоминают, в первую очередь, своих близких и друзей. Благодарность родственникам, как правило, помещается либо в самом начале, либо в самом конце текста, то есть в сильной позиции, тем самым именно на этих людях автором делается дополнительный акцент. Так, например, в следующем примере автор выражает благодарность своему мужу и детям в самом конце текста АВБ.

(17) *And finally, as this is a book about marriage, I would like to credit my constantly amazing husband Henry and our children Freddy, Hugo, Oscar, Rex and Sissy, for supporting me, cheering me on, making me laugh and teaching me what long-term love looks like.* (Kinsella 2018)

В ряде случаев при выражении признательности авторы не называют конкретных имен, а дают расплывчатое описание близких людей, прибавляя при этом, что эти люди поймут, что именно о них идет речь в тексте. Для этого используется фраза “You know who you are”. В следующем примере автор обращается к «сиреневому отряду», или «сиреневой банде» (the purple posse).

(18) *And lastly to the people who've been there all the way through: Henry, Freddy, and Hugo, and the purple posse. You know who you are.* (Kinsella 2001)

Стороннему человеку остается непонятным, о ком идет речь, таким образом, данный фрагмент АВБ предназначен не широкому читателю, а конкретному адресату. По понятным причинам авторы научных работ не могут позволить себе подобных «вольностей». Неупоминание имени адресата в таких случаях продиктовано, в частности, правилами анонимного рецензирования: anonymous reviewers, anonymous peer-reviewers.

Причины благодарности, то есть то, за что выражается признательность, в примерах академического и художественного дискурсов также во многом совпадают, это: 1) психологическая поддержка, 2) техническая поддержка, 3) финансовая поддержка. Требуется уточнить, что для художественного дискурса в рамках сравнительного анализа такие причины благодарности, как предоставление материала и помощь в издании и продвижении книги, были объединены в общую группу «техническая поддержка». Данную группу причин можно сопоставить с аналогичной в текстах АВБ в академическом дискурсе. Особый интерес представляет признательность за психологическую поддержку, отмеченная в обоих типах дискурса. Данная группа включает в себя эмоциональную поддержку, заботу, поощрение и вдохновение. На языковом уровне фрагменты, содержащие такие причины благодарности, обнаруживают большое количество эмотивной лексики, лексики положительной оценки и стилистических приемов. Так, в следующем примере исследователь крайне эмоционально благодарит свою жену за ее любовь и помощь. Более того, автор утверждает, что именно жена помогает ему становиться тем человеком, которым он хочет быть.

(19) *Most important, and above all, thank you to Sarah, for your love, for bearing with me, and for tremendously assisting me over the years with this work and beyond. Every day you help me to become the person I want to be, and for that I will be eternally grateful. (Schulz 2021)*

Психологическая поддержка оказывается не только со стороны родных, но и со стороны коллег-исследователей. Коллеги, таким образом, становятся не только источником ценных советов и замечаний, но и сильнейшим моральным подспорьем для автора научной работы. Писатели часто упоминают эмоциональную поддержку и заботу, которую проявляли к ним близкие люди. В ряде примеров такие причины для благодарности выражаются эксплицитно, используются такие лексемы, как support, patience, love, care, в ряде случаев о своей признательности говорят иными способами.

(20) *And last but not least, my brilliant, funny, adorable Professor and my smart, handsome lad, who both put a smile on my face when I feel least capable of good humor. (McDermid 2019)*

Основным отличием, как показал материал, является то, что авторы научных работ в своих АВБ чаще благодарят за интеллектуальную поддержку (как правило, своих коллег), а авторы художественных произведений – за вдохновение для написания книги. Интеллектуальная поддержка включает в себя научное консультирование, ценные комментарии и советы, которые помогли исследователю глубже изучить свой предмет. Показательным является следующий пример, где автор выражает благодарность за полезные комментарии, советы и наблюдения как отдельных коллег, так и целого коллектива кафедры.

(21) *Helpful reading and comments from Debra Nickles, Marguerite Hernandez, and Katherine Jellison helped to improve the manuscript, as did comments from the Ohio University history department's seminar, where many department members offered advice and insight. (McNelis O'Keefe 2021)*

В текстах АВБ писатели регулярно упоминают тех, кто вдохновил их написание произведения, будь то их знакомые или другие авторы, при этом выражая признательность этим людям.

(22) *I am exceedingly grateful to all, both in Britain and in the States, who gave me so much inspiration. (Kinsella 2001)*

(23) *It should be obvious from the first line that this is a novel inspired by a love of E. M. Forster, to whom all my fiction is indebted, one way or the other. (Smith 2005)*

В ряде случаев тексты АВБ включают в себя функции другого паратекстового элемента – посвящения. Как правило, посвящение помещается в конце текста АВБ и следует за выражением благодарности тому человеку, которому посвящается работа. Чаще всего адресатом посвящения становятся близкие родственники автора. Так, например, после выражения благодарности своей жене исследователь посвящает ей и их дочери свою работу.

(24) *This book is dedicated to you, and to what we have together, as well as to our daughter, Freya, who was born into the final stages of the initial dissertation... (Schulz 2021)*

В художественных произведениях есть посвящения, которые помещаются на отдельной странице и являются самостоятельным паратекстовым элементом. Однако авторы могут включать этот аспект в текст благодарности.

(25) *It's Nick who knows that 'time is how you spend your love', and that's why this book is dedicated to him, as is my life. (Smith 2005)*

АВБ в академическом дискурсе также, как правило, содержат воспоминания о работе и констатацию трудностей; многие авторы в своих АВБ фиксируют некоторые этапы работы над своим трудом. В АВБ в художественном дискурсе отмечены также пояснения для читателя: писатели используют тексты АВБ для того, чтобы пояснить читателю некоторые моменты, связанные с содержанием произведения. Можно предположить, что данная информация могла бы также помещаться в предисловии, но при отсутствии данного паратекстового элемента авторы выбирают для этой цели АВБ. Так, например, перед выражением благодарности автор считает нужным внести ясность (clarifications) по поводу вымышленности деревни, в которой разворачиваются события романа, и происхождения названия произведения.

(26) *A few clarifications before I give thanks. The village of Gul Daman Ah a fictional place – as far as I know. <...> Last, the title of this novel comes from a poem composed by Saeb-e-Tabrizi, a seventeenth-century Persian poet. (Hosseini 2007)*

В другом примере автор считает нужным объяснить, откуда появилось имя одного из персонажей.

(27) *The name 'Nicole Taylor' occurs in this book as a result of an auction in aid of The Children's Trust which I was delighted to support. (Kinsella 2010)*

Исследованный материал показал, что авторские выражения благодарности в обоих типах дискурса не являются реализацией шаблонной

статичной формулы, а обнаруживают вариативность языкового наполнения, предоставляя возможность для реализации разнообразных прагматических задач автора. Таким образом, можно утверждать, что в текстах АВБ проявляется языковая личность автора.

Как дискурсивный жанр выражение благодарности является формой реализации ответного этикетного действия, которое задается правилами социального поведения. Целями данного жанра являются демонстрация того, что автор ценит добро, которое сделал для него адресат, и желание расположить адресата к себе. Таким образом, АВБ как дискурсивный жанр выполняет ритуально-этикетную функцию выражения признательности. Помимо этого, к функциям авторского выражения благодарности можно причислить функцию установления контакта с читателем и функцию положительной саморепрезентации. Последняя особенно характерна для АВБ в академическом дискурсе, так как, перечисляя все свои профессиональные связи, исследователь тем самым представляет себя разносторонним специалистом в своей области. Авторы художественных произведений, в свою очередь, используют АВБ, чтобы вписать себя и свое произведение в общую литературную традицию. С этой целью писатели включают в тексты АВБ интертекстуальные отсылки к другим произведениям.

Таким образом, проведенное исследование показало, что авторские выражения благодарности – это малоформатные паратекстовые образования, имеющие целый ряд структурных, композиционных и лингвостилистических характеристик и обладающие специфическим коммуникативно-прагматическим потенциалом воздействия на читателя. Изучение АВБ как особого речевого жанра АВБ в русле современной антропоориентированной лингвистики позволяет расширить наши представления о человеке и его языковых проявлениях в разных видах общения.

Источники примеров:

Академический дискурс:

1. Counterpoints. – 2011. – Vol. 378. – P. 11–13. URL: <https://www.jstor.org/stable/i40115916>.
2. Gonzales L. Sites of Translation: What Multilinguals Can Teach Us About Digital Writing and Rhetoric, University of Michigan Press, Ann Arbor, 2018. – P. 7–14.

3. Mayer R. E.: Multimedia Learning. 2nd edition. Cambridge University Press, 2009.
4. McNelis O'Keefe J. Stranger Citizens: Migrant Influence and National Power in the Early American Republic. Cornell University Press, Ithaca; London, 2021. – P. 11–14.
5. Moody J. The Persistence of Memory: Remembering Slavery in Liverpool, 'Slaving Capital of the World'. Liverpool University Press, Liverpool, 2020. – P. 11–12.
6. Pahl K. Tropes of Transport: Hegel and Emotion. Northwestern University Press, Evanston, Illinois, 2012. – P. 7.
7. Schalk S. Bodyminds Reimagined: (Dis) Ability, Race, and Gender in Black Women's Speculative Fiction. Duke University Press, Durham; London, 2018. – P. 7–10.
8. Schulz P. Male Survivors of Wartime Sexual Violence: Perspectives from Northern Uganda, 1st ed., University of California Press, Oakland, California, 2021. – P. 7–9.

Художественный дискурс:

1. Fuller C. Our Endless Numbered Days. The House Books, 2015.
2. Hannah K. The Nightingale. St. Martin's Griffin, 2015.
3. Harkaway N. The Gone-Away World. Vintage Contemporaries, 2018.
4. Hosseini K. A Thousand Splendid Suns. Riverhead Books, 2007.
5. Ivey E. The Snow Child. Back Bay Books, 2012.
6. Kinsella S. Mini Shopaholic. Transworld Digital, 2010.
7. Kinsella S. Shopaholic Ties the Knot. Transworld Digital, 2001.
8. Kinsella S. Surprise me. Transworld Digital, 2018.
9. McDermid V. Broken Ground. Sphere, 2019.
10. Smith Z. On Beauty. Penguin Books, 2005.

ГЛАВА IX. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСАМ ИММИГРАЦИИ В США: АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

(И. В. Толочин, А. А. Власова)

Общественная дискуссия, в которой участвуют представители социальных групп с различными ценностями и установками, предоставляет обширный материал для изучения ценностных моделей, обеспечивающих членам определенной языковой культуры возможность формулировать беспокоящие их проблемы и предлагать способы их решения. Анализ механизмов идеологического маркирования и способов формулирования участниками социально важных проблем позволяет отслеживать идеологические сдвиги в обществе, а также делать выводы о тенденциях в изменении ценностной картины мира конкретного социума. Данные, полученные в ходе анализа ценностных основ, обеспечивающих смысловую целостность дискуссии, позволяют установить знаковую природу взаимообусловленности языка и культуры и описать словесные закономерности, связывающие ценностные основы социума с конкретными высказываниями отдельных людей.

Следует отметить, что большинство существующих моделей анализа общественной дискуссии [Walton, Krabbe 1995; Hitchcock, McBurney, Parsons 2001; Bobbio 2010] описывают структуру дискуссии как последовательный набор формальных элементов и не отражают ни механизмы смыслообразования дискуссии, ни реальную динамику диалога. При этом такие аналитические модели также не предоставляют возможности проведения верифицированного сопоставительного анализа, изучения эволюционных тенденций и выявления идеологических сдвигов в форумах за разные временные отрезки.

В данной главе мы будем использовать трехуровневую модель анализа общественной дискуссии, описанную Е. А. Лукьяновой и И. В. Толочиним [Лукьянова, Толочин 2019]. В качестве смысловых составляющих структуры дискуссии, обеспечивающих как взаимопонимание между участниками, так и динамику дискуссии, выделяются три типа ценностных суждений: Темы, Идеалы, Сценарии. Тема представляет собой императивное суждение, устанавливающее параметры естественной для данной культуры ситуации взаимодействия между социальными акторами в определенной сфере. Тема также выступает оценочной основой для продвижения участниками своих

идеологических позиций. В рамках дискуссии участники могут опираться на несколько Тем, обращаясь в ходе диалога к различным сферам социального взаимодействия.

Желательность или нежелательность определенного развития ситуации в социальной сфере опосредованы идеологическими установками субъекта, выражающимися через язык [Wodak 2007; Lee 2013]. Суждения-долженствования, касающиеся альтернативных вариантов функционирования тематического императива на основе личных предпочтений в сфере социального устройства, называются Идеалами. В отличие от Тем они разделяются не всеми членами лингвокультурного сообщества, а определенными социальными группами внутри данного сообщества. В отличие от Тем, на которые представители конкретной культуры опираются как на данность, не подлежащую сомнению или обсуждению, Идеал носит прескриптивный характер и формулирует принципы распределения ответственности между акторами, вовлеченными в социальное взаимодействие, что и закладывает основу для идеологических предпочтений.

Идеал обеспечивает возможность участнику дискуссии устанавливать источник нежелательных обстоятельств, формирующих проблему, на основе своих идеологических предпочтений. При этом сама проблемная ситуация описывается в виде разворачивающегося в пространстве и времени Сценария, в котором на основании Идеала идентифицируются жертвы нежелательных обстоятельств, указываются виновники в возникновении конфликта и определяются ответственные акторы, способные устранить нарушение нормального функционирования Тематического императива в соответствии с Идеалом, в рамках которого говорящий строит свои высказывания. В целом динамика общественной дискуссии достигается именно за счет взаимодействия на сценарном уровне, через отстаивание участниками своих идеологических позиций путем описания проблем и их возможных решений.

В качестве материала исследования мы использовали транскрипты дискуссий по иммиграции за 2005 и 2018 годы. Данные дискуссии проводились на форумах общественной значимости (National Issues Forums) фондом Kettering в штатах Делавэр (Форум № 1, 2005), Айова (Форум № 2, 2005), Флорида (Форум № 1, 2018), Вирджиния (Форум № 2, 2018). Все приведенные в данной главе примеры взяты из указанных транскриптов.

В качестве основной Темы дискуссии мы выделили в речевой ткани текста рамочное ценностное суждение, отражающее принятое в американском обществе представление об иммиграции и ценностях американцев как нации иммигрантов: **America is a nation of immigrants that has been successful at establishing a diverse, prosperous and law-based society where people from different countries come for opportunity.** Слова и словосочетания, выступающие маркерами этой Темы, регулярно воспроизводятся в форумах как за 2005-й, так и за 2018 год:

Форум № 1, 2005: *we are a nation of immigrants; we welcome all immigrants; open and an accepting community; they can live a better life; nation of opportunity; the notion of independence and free choice; immigrants keep this nation vibrant and adaptable; their motivation is to succeed here; what made this country great; any immigrant, American citizen, anybody, needs to abide by the law.*

Форум № 2, 2005: *our values as an immigrant nation; opening the doors wider to people to who are seeking to improve their lives; to seek a better life and to find some stability; the rights and the freedoms; we've had lots of opportunities; diversity of the community; a viable part of the community; we are a nation of laws.*

Форум № 1, 2018: *we all came one way or another; this country has opened up its arms; the spirit of open acceptance; coming to America is an exciting time of possibility, a variety of people here, our vibrant, diverse identity as Americans; motivation to succeed here in America; the way the law says.*

Форум № 2, 2018: *we're a nation of immigrants; to let new people join, to welcome people; they came here for a better life; people from different places who would just do anything to be a part of this American Dream; the freedoms and opportunities of this country; we are a diverse nation; we are a nation of laws.*

Маркеры Темы представлены в высказываниях всех участников, вне зависимости от их позиций и характера формулировки проблем.

Сформулированная Тема описывает нормальное взаимодействие между социальным актором *immigrants* (также лексически актуализируемым как *people coming, newcomers, people of different cultures*) и социальным актором *American society* (*this country, we, Americans, people here*). Типичными действиями актора *immigrants* являются следующие: *to come to make a life, to come from different countries, to stay in America, to have goals, to succeed, to bring values, to integrate.* К типичным действиям

актора *American society* относятся такие действия, как *to admit, to accept, to welcome, to open doors.* Все участники дискуссии разделяют убеждение, что Америка – процветающая, основанная на Законе (*we're a nation of laws*) страна, которую построили иммигранты (*we're a nation of immigrants, what made this country great*). Это страна, открытая тем, кто стремится к лучшей жизни (*to have a better life*), где иммигрантов принимают (*open, accept, welcome*) и где у каждого есть права, свободы и возможности добиться успеха своим трудом (*rights, freedoms, opportunities*). На протяжении многих лет иммигранты приносили в американскую культуру ценности из других культур, в результате чего сложилось уникальное разнообразное и развивающееся сообщество (*vibrant, diverse; diversity, variety*). Тематический императив представлен в высказываниях фразами, в которых глаголы чаще всего употребляются в простом настоящем времени (*we often welcome people, uh, who have that kind of motivation; we're a land of opportunity; it's a wonderful thing people believe America is so great; immigrants embody those Iowa values of hard work*). Именно такая грамматическая модель позволяет маркировать бесспорность Темы, которая всеми участниками используется как основа для осмысленного включения в дискуссию.

На основе вышеописанной Темы участники высказывают свое мнение по поводу предпочтительных вариантов поддержания нормального осуществления общественных отношений и разрешения проблемных ситуаций, нарушающих эти отношения. В нашем исследовании мы выделили три Идеала, касающихся взаимодействия между иммигрантами и американским обществом. В отличие от маркеров Темы, словосочетания, представляющие актуальный для говорящего Идеал, реализуют модальность долженствования. При обращении к Идеалу говорящие используют фразы типа *you know; I don't think we have to; we are able to; that's the way* и т. п. Кроме того, Идеал проявляется и с помощью четкого выражения положительного или отрицательного отношения к акторам, представленным в Теме. В данном случае различные Идеалы идентифицируются на основе выражения оценочного отношения к таким акторам, как *we Americans* и *immigrants*. Рассмотрим маркеры Идеала 1 в форумах. Элементы текста, выражающие модальность, мы выделяем подчеркиванием, а слова, обеспечивающие стабильное распределение оценочности по отношению к акторам на основе модальности долженствования, выделяем полужирным шрифтом:

Форум № 1, 2005: *I enjoy trying different types of food, meeting with different people, seeing how their cultures are; something that should benefit us, you know, because of the different cultures; We're able to understand this culture, and this culture is able to understand ours; I don't think we have to homogenize them and bring them to be just like us; this system is existing, and they seem to do very well.*

Форум № 2, 2005: *I have a foot in each culture; they've come here for independence, that means financial independence, cultural independence; This tough salad that we have that's America; in a lot of places from what I've seen it's been a good change; give everybody an equal opportunity to contribute to our society; the more restrictive you make the immigration policies, the more you are going to have illegal immigration.*

Форум № 1, 2018: *there needs to be diversity; I love the idea of a variety of people here; I also understand that we need to give people time to integrate and become part of the culture somehow and without losing their own identity; they perceive that's the way to succeed, that's the way to get the respect of society; we need to maintain our vibrant, diverse identity as Americans.*

Форум № 2, 2018: *I think it makes us a great country to have diversity; it will make us a bigger and better country; I really can't imagine not knowing diverse kind of people; I feel like it's impacting them really positively; manage the system of bringing these people in and the system developing their ability so they can give us all they've got.*

Сторонники Идеала 1 придерживаются концепции американского общества как «миски с салатом» (*tough salad*), согласно которой различные культуры мирно сосуществуют независимо друг от друга (*financial independence, cultural independence*), но при этом общество в целом выигрывает и обогащается от такого культурного разнообразия (*bring benefit; it will make us a bigger and better country*). Для поддержания ценности нации иммигрантов обществу следует обеспечивать равные возможности для самореализации, позволить приезжим со временем адаптироваться и естественным образом стать частью общества, сохранив свою культурную идентичность (*give people time to integrate and become part of the culture somehow and without losing their own identity*). Участники с данной позицией утверждают, что средства для решения иммиграционных проблем находятся в уже работающей системе, возможности которой необходимо использовать (*this system is existing, and they seem to do very well*). На основании анализа маркеров мы обозначили Идеал 1 следующим образом: **American society**

should allow all kinds of immigrants to come for a better life and provide fair opportunities for them to do it.

Идеал 2 настаивает на особом отношении к иммигрантам и беженцам в связи с тем, что люди в поисках лучшей жизни или беженцы из других стран находятся в тяжелом и уязвимом положении в чужой стране: **American society should provide special support for immigrants and refugees as they are vulnerable social groups.** Маркерами выступают следующие слова и словосочетания:

Форум № 1, 2005: *How do we take care of them; I think it's our responsibility, as citizens of this community and as citizens of this country, to assist in that education; we need to be, um, welcome hosts initially and help people to understand what is acceptable in this country and what is not.*

Форум № 2, 2005: *I have... greater empathy for people whose living conditions are such that it simply drives them out of their own homes; I think that immigration policies have to change, the immigration law has to change and address the needs of people who are already here; a lot of these people who need the help and need the social services.*

Форум № 2, 2018: *those are the ones that I find most heartbreaking; opening our borders in a way that allows people who want to come in a safe enough way, um, for it to be safe, as we discussed, is something that we have a responsibility to consider; the work that we could do to help support countries that would prevent some of the immigration needs.*

При такой позиции иммигранты рассматриваются как недостаточно социально защищенная, уязвимая группа. В связи с этим американское общество должно уделять им особое внимание и оказывать всяческую поддержку (*address the needs of people who are already here*), для того чтобы они стали полноценными членами сообщества. В 2018 году Идеал 2 представлен меньшим и менее разнообразным количеством маркеров в связи с тем, что его придерживался лишь один человек из всех участвовавших в форумах.

Идеал 3, признавая, что иммиграция является важной частью истории и культуры Америки, видит в большом количестве иммигрантов угрозу и выступает за жесткий контроль иммиграционных потоков: **American government and society should concentrate on protecting American citizens and culture by establishing stricter enforcement procedures to control immigration.**

Форум № 1, 2005: *there needs to be control; you cannot take everybody's problems; If they don't be very careful by handling the situation even in*

Georgetown, sooner or later they'll end up building maybe a bigger prison; they should be, uh, taught to assimilate within the American culture; they need to be trained... our standards.

Форум № 2, 2005: *extremely impressed with the number of refugees; there seems to be more of a catering to the minorities; We are the country, but we are a culture; we have to have some constraints on how many people come here; We can't allow everyone from every country who wants to be here to be here.*

Форум № 1, 2018: *I think tightening the immigration enforcement; the next generation must be educated; you need to speak English. It is the language of the country; this country should, uh, look at to protect the people inside.*

Форум № 2, 2018: *eventually, we became the melting pot we are; how do we keep track? How do we record these people?; it does need to be controlled so we can vet who's coming in; putting America first; protecting America is the number-one priority.*

Сторонникам Идеала 3 ближе концепция «плавильного котла» (*melting pot*) – иммигранты должны ассимилироваться, учить язык, воспринимать американскую систему ценностей, различные культуры должны сливаться и образовывать единое культурное пространство (*to assimilate within the American culture, they need to be trained... our standards*). Несовпадение ценностей представляет угрозу как для культурного наследия, так и для безопасности граждан. При этом в 2018 году из-за актуальности проблем с нелегальной иммиграцией аспект общественной безопасности выходит на первый план, в связи с этим к стремлению уменьшить число иммигрирующих добавляется проверка иммигрантов на благонадежность (*protecting America is the number-one priority*).

В целом в Форуме № 1 (2005) из 18 участников 11 человек опирались на Идеал 1, 3 участника – на Идеал 2 и 4 участника – на Идеал 3. В Форуме № 2 (2005) из 16 участников 5 человек придерживались Идеала 1, 4 человека – Идеала 2, 7 человек – Идеала 3. В 2018 году соотношение участников по Идеалам иное: в Форуме № 1 (2018) 3 участника из 10 придерживались Идеала 1, участники с Идеалом 2 отсутствовали, а 7 участников были сторонниками Идеала 3. В Форуме № 2 (2018) из 20 человек 8 участников были сторонниками Идеала 1, 1 – Идеала 2 и 11 – Идеала 3. Количественное соотношение высказываний в рамках различных Идеалов можно проиллюстрировать графиками,

приведенными ниже (рис. 1, 2). Доминирующей идеологической позицией в 2005 году был Идеал 1, в 2018 году – Идеал 3, что может говорить об идеологическом сдвиге и консервативных эволюционных тенденциях.

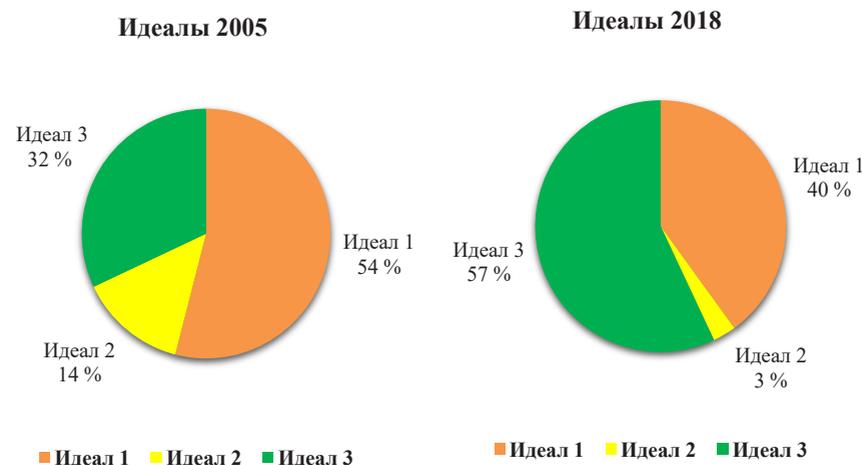

Рис. 1

Рис. 2

Как отмечалось выше, динамика дискуссии определяется эпизодами сценарного взаимодействия – участники моделируют волнующие их проблемные ситуации, пытаются сформулировать решения к ним, а также реагируют на высказывания других участников. Именно Сценарий является структурной смысловой единицей дискуссии. В каждом Сценарии Тема играет роль семантической базы, обеспечивающей связанность и взаимопонимание между участниками. Элементы, маркирующие Тему, позволяют участникам ориентироваться в типе актуальных для дискуссии проблемных ситуаций и не выходить за рамки обсуждения социального взаимодействия, задаваемого тематическим императивом. Идеал проявляется в том, как говорящий распределяет полюсы положительной и отрицательной оценок по отношению к актерам, вовлеченным в социальное взаимодействие, заданное Темой. Единство Темы и Идеала обеспечивает говорящему возможность описать конкретную ситуацию как проблемную.

Выделяются три типа Сценариев. Сценарии, которые содержат не только постановку проблемы, но и предполагаемое ее решение, мы

предлагаем называть Развернутыми (Extended). Участники, желающие выразить недовольство, растерянность или привлечь внимание к проблеме, но не предлагающие или же не видящие ее разрешения, высказываются Усеченными (Truncated) сценариями. Декларативные (Declarative) сценарии используются для возражения другим участникам, в них содержится некое утверждение, отрицающее само наличие проблемы, или же некий неоспоримый аргумент. Стоит заметить, что прямого соответствия между высказыванием и сценарием нет, сценарии могут разрабатываться одним участником или несколькими на протяжении всей дискуссии.

Рассмотрим типичные для отдельных Идеалов сценарии, элементы которых встречаются на форумах как за 2005-й, так и за 2018 год.

Так, препятствием для полноценного функционирования иммиграционного процесса в глазах участников с Идеалом 1 могут выступать несовершенства законодательной системы, регулирующей данный процесс:

American lawmakers make the immigration process more difficult, which results in illegal immigration and America losing great contributors.

<those **restrictions are causing more illegal immigration**, because people cannot get in legally>; <when immigrants come to the border, **they do not have a legal path** and an illegal path and they deliberately choose the illegal path, the reality is that **there is no legal channel**>; <**It's become much str-much more difficult to come into th-and stay here**. You can't just come in with a student visa, and if it l-lapses, **you just stay put**>; <**you don't fit into any of these categories that allows you to immigrate legally to the U.S. So you're sort of stuck**>; <**this system that we have now encourages an illegal system**. It perpetuates itself.>; <it needs to be fixed because **they make it so difficult, um, for-for foreigners**, so something needs to be done>.

<if we keep enforcing that, we are essentially **shutting the door on a whole population that could potentially become great contributors** to our society>; <the Arab scientists I used to work with don't even bother to come anymore, because they-they can't get a visa. It-it-it's just **so much more difficult now that a lot of goodwill overseas is being lost**>; <the current system that we have is broken is really is antiquated is **not consistent with reality and also with who we are as a nation** in terms with our values>.

< by **instituting those legal channels at the border, so that people can come and have their legal venue and right now**, as I was saying previously, the illegal activity would be greatly reduced>; < it needs to be a two-pronged solution that takes into account **a legalization for those immigrants who are here undocumented**>; <**we can support 11 million illegal immigrants now**, and we're employing them. Give them all great cars. Give them all a Social Security number <...> they're going to be productive >.

Жертвами в этом случае являются *American society losing contributors*, а также *immigrants forced to come to America illegally*, акторами-нарушителями – *they*, под которыми имплицитно понимаются *American lawmakers*, принимающие рестриктивные меры и тем самым лишаящие иммигрантов легальных путей попасть в страну, вынуждая их искать нелегальные способы это сделать (*It's become much str-much more difficult to come into th-and stay here* – Форум № 1, 2005; *those restrictions are causing more illegal immigration* – Форум № 2, 2005; *it needs to be fixed because they make it so difficult, um, for-for foreigners; this-this system that we have now encourages an illegal system* – Форум № 2, 2018). Участники высвечивают трудности с получением виз и документации (*scientists don't even bother to come anymore, because they-they can't get a visa* – Форум № 1, 2005; *you don't fit into any of these categories that allows you to immigrate legally to the U.S. So you're sort of stuck* – Форум № 1, 2018), долгим ожиданием, с которыми сталкиваются люди, стремящиеся в Америку, из-за чего США теряют ценные кадры и людей, которые могут сделать страну еще лучше. В качестве решения в данном Развернутом сценарии участники предлагают, чтобы актер *American society (we)* способствовал тому, чтобы установить легальные иммиграционные каналы и найти способ официально устроить нелегальных иммигрантов, проживающих в Америке.

Для Идеала 2 сценарием, который встречается и в 2005-м, и в 2018 году, выступает следующий: **Inadequate legislation breaks immigrant families and makes it impossible for family members to take care of each other.**

<For someone, a permanent resident from Mexico, who has a wife or a husband abroad, he has **to wait between seven and nine years to be reunited with his family**.>; <by saying only him and his family can come here, **you are destroying the lives and the economics of an extended family**, not just one person or two people>; <Those are the ones that I find most heartbreaking. You see it on the news where **people are being stripped**

apart and/or unable to reunify>; <The separation and/or **people being unable to, uh -- so either way, being separated from loved ones or those who are trying to bring the families here** and they're not being allowed to with the current law or current limitations.>; <You know, I'm at that age where I'm a caregiver, and I have been previous. And I know **lots of people that are caregivers**. <...> I'm **struggling**. But you're raising your kids and [unintelligible].>

Участников беспокоит проблема трудностей с воссоединением семей иммигрантов, когда членам одной семьи приходится жить отдельно из-за сложностей иммиграционного процесса. Из-за ограничений иммигранты вынуждены годами ожидать возможности жить вместе с семьей, а дети-иммигранты не могут заботиться о своих престарелых родителях, оставшихся на родине. Жертвами здесь оказываются акторы *immigrants (people are being stripped apart and/or unable to reunify)*, попавшие в такое положение, а под акторами-нарушителями опять же подразумеваются создатели иммиграционного законодательства, *American lawmakers*. Участники не предлагают решения и не назначают ответственных за устранение конфликта акторов, высказывая только свое негодование по этому поводу и сочувствие иммигрантам, поэтому мы относим данный сценарий к Усеченным сценариям.

Кроме того, Идеал 2, наиболее слабо представленный на форумах, для отстаивания своих позиций прибегает к Декларативным сценариям, обращаясь к задаваемым Тематическим императивом ценностям:

America as a nation has a responsibility to accept all those who are suffering from poverty and persecution throughout the world.

<what our experince's allowed us to do is to observe first-hand the stark discrepancy between the haves and the havenots in many, many... in all parts I would guess – but the parts that we've been in Mexico, and **easy to see why people of sparse means would economically seek to improve themselves by moving**>; <I think that we should not change our policy on refugees. The history of this country and **the position of the United States in front of the world as the open country... an open country for people who are fleeing persecution should not change.**>; <I'm sorry if I got the wrong person, who referenced probably all immigrants in this room, whether by choice or not. And so I think sometimes we lose sight of that, unless there's a Native American here. I think **we forget about that, that this is how this country was formed, by people coming in across the ocean, either by choice or not by choice**. Some of us, our ancestors

didn't choose to come here; they came for different reasons. And so for me thinking about opening our borders in a way that allows people who want to come in a safe enough way, um, for it to be safe, as we discussed, is something that we have a responsibility to consider.>

Как видно, сценарий не описывает конфликт, где акторы-нарушители подрывают корректное функционирование Темы, но содержит отсылающий к Теме аргумент, работающий на укрепление позиций Идеала, выступающего за поддержку иммигрантов как особо уязвимой группы.

Приверженцы Идеала 3 также озабочены недостатками иммиграционной системы, но исходят из иных предпосылок. Их не устраивает, что законодатели недооценивают экономическую необходимость в дешевой рабочей силе, что приводит к потокам нелегальных иммигрантов, их нежелательной концентрации:

American lawmakers fail to recognize the needs for low-skilled workers, which results in illegal immigration and undesirable concentration of illegal immigrants.

<That was one of the criticisms of one of the articles I was reading of the Reagan Amnesty Act, is **underestimating the need for low-skilled workers**. And so they came anyway, even a-as illegal immigrants.>; <I do think that **our emphasis legally on the skilled is part of what causes the illegal immigration**. And having worked in the Chicago area where there was a demand for minimum wage positions... those were usually filled by illegal immigrants.>; <I think that **we have to recognize the need** that we have in this country for minimum wage positions that are not going to be met by our own... native workers. I think that is shown in Iowa by the packing plants which are... **the concentrations** in Iowa of eh... immigrants, and some of those probably are illegal.>; <I mean, see, it makes sense that you would – you would **set up the visa situation based on what the needs of the country are.**>

<I feel the lawmakers – it's not the Hispanics or any other immigrants that come to this country that I feel created a problem. I think it's the people up top; **the lawmakers and government and all that has really created the problem.**>; < they've talked about fixing the problem. And then **they don't fix the problem.**>; <I think that's the only rational way. But **Congress is not rational.**>

<I – I think it'd be – if we have – if we have ways for people to be here legally, particularly if they have – coming for jobs or something. Even if it's the, uh,

isn't there **some status for worker-worker immigrants** or something that people have talked about, coming as worker bees, whatever?»; <That if we allowed, uh, e-even **short-term and seasonal and so forth more visas** for those workers, then we may have less, uh, illegal immigration, according to some of the criticism I read.>

В данном случае страдает американское общество, в котором образуется нежелательное количество нелегалов, акторы-нарушители указываются прямо – *American lawmakers*, они же назначаются и акторами, ответственными за решение, их задача – внести поправки и отрегулировать иммиграционную систему (предоставить этим людям временные визы или какой-то легальный статус).

Таким образом, каждый Идеал высвечивает в социокультурном поле различные проблемные зоны, по-разному структурируя ситуацию и давая разную оценку акторам и элементам ситуации.

Соотношение разных типов сценариев в исследуемых форумах для отслеживания хода дискуссии удобно представить в виде графиков (рис. 3, 4).

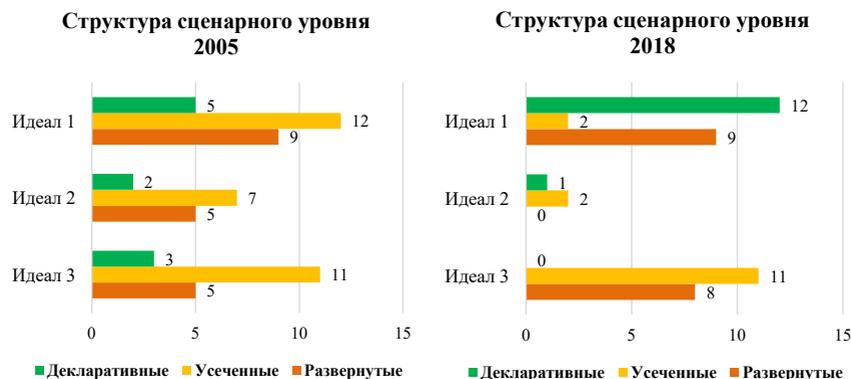

Рис. 3

Рис. 4

Как иллюстрируют представленные графики, в 2005 году Идеал 1 был более склонен привлекать внимание к общественным проблемам, касающимся иммиграции (усеченные сценарии), активны были и участники с Идеалом 2, что делало дискуссию более динамичной. В 2018 году, очевидно, произошла поляризация идеологических позиций: Идеал 1 предпочитал высказываться декларативными

сценариями, контраргументами к вопросам, поставленным Идеалом 3, Идеал 2 присутствовал лишь в малой степени, а Идеал 3 проявил большую активность в разработке решений к проблемам (развернутые сценарии) в сравнении с 2005 годом.

Представляется, что нам удалось продемонстрировать, каким образом выявление ценностных моделей разных уровней помогает составить полноценную картину взаимодействия участников в ходе общественной дискуссии. При этом применяемая нами аналитическая модель также служит надежным инструментом для отслеживания доминирующих идеологических позиций, изменения характера взаимодействия между участниками с различными взглядами, смены общественно-политической повестки по значимым социальным вопросам. Выделение Сценария как основной структурной единицы дискуссии позволяет последовательно анализировать различные идеологические позиции участников дискуссии и описывать уровень конструктивного или антагонистического речевого взаимодействия между участниками в связи с различием или сходством их идеологических предпочтений. Трехуровневая смысловая модель дискуссии также позволяет описать языковые механизмы, которые, с одной стороны, поддерживают стабильные культурные модели в сознании участников (Тема), а с другой – дают им возможность продвигать в ходе дискуссии свое понимание проблемной ситуации (Сценарий) на основе определенного распределения ответственности между акторами проблемной ситуации и, соответственно, распределения акторов между положительным и отрицательным оценочными полюсами (Идеал). Описанный нами в этой главе аналитический метод может быть использован для последовательного и эмпирически верифицируемого анализа языка в качестве инструмента поддержания и трансформации смыслов как способа существования культуры.

ГЛАВА X. ПРАГМА-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ АКТУАЛИЗАЦИИ НАИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЯЗЫКЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ БЛОГОДИСКУРСЕ

(Н. Ю. Соколова, А. В. Варданян)

В последние годы отмечается стремительное развитие информационных и цифровых технологий, в частности, разнообразных социальных медиа в глобальной сети Интернет. Появление Всемирной паутины в конце XX века оказало, по сути, необратимое влияние на общество – появились первые браузеры, и пользование Интернетом постепенно приобрело массовый характер с привлечением все большей аудитории. Всемирная сеть «разрослась», увеличилось количество сайтов, пользователей, поисковых систем; широкие массы оказались вовлеченными в принципиально новые, не опробованные ранее способы онлайн-общения, технически меняющие охват коммуникации и трансформирующие представления о присущих ей формах хронотопа. Кроме того, Интернет явился так называемым «локусом» новых проявлений массовой культуры, среди которых сегодня особо выделяется культура ведения блога [Goggin G., McLelland M. 2010: 6]. Тим Бернерс-Ли выступил создателем первого блога в 1992 году, после чего ведение блогов получило популярность и привело к созданию первой блогговой службы в 1999 году. Едва ли стоит отрицать тот факт, что сегодня блоги занимают особое место в массовой культуре и интернет-коммуникации, а специфика влияния их авторов и контента на аудиторию ставит под вопрос возможность проведения границы между онлайн- и офлайн-средами.

Блог представляет собой текст (часто поликодовой природы), посвященный определенной теме (как правило, публицистического и полемического характера) и размещенный в открытом доступе в сети Интернет. Публикация авторского высказывания полагает неотъемлемым условием наличие обратной связи – краеугольного камня моделей коммуникации, наиболее точно отражающих реальное человеческое взаимодействие. Ввиду открытости и глобального аудиторного охвата блогосферы интернет-пользователи имеют возможность широкого обмена мнениями, ведения публичных дискуссий, оставаясь практически не ограниченными темпоральными и пространственными условиями. Актуальное развитие блогосферы воплощает идею «глобальной деревни» как единого пространства, где все связаны

друг с другом. Термин «глобальная деревня» еще в середине XX века был пророчески предложен канадским культурологом, философом и филологом Гербертом Маршаллом Маклюэном, утверждавшим, что «мир пространственно сжался до размеров одной большой деревни» [Маклюэн 2005: 321]. «Тесное» пространство обеспечивает для источника более легкое и быстрое распространение информации – зачастую волюнтаристского и субъективного характера, а также ее массовое потребление и восприятие (ввиду виртуального отсутствия физического расстояния и временной преграды между коммуникантами). Такое онлайн-взаимодействие нередко характеризуется аудиторным резонансом – формированием и выражением определенных убеждений и мнений на тему блогерского высказывания. При этом имеет немаловажное, а иногда и основополагающее значение личность автора блога при наличии доверия реципиентов и формирования у них авторитета, автор приобретает внушительную силу влияния на свою аудиторию, иными словами, становится *инфлюенсером*.

Идея медиаконтроля над общественным мнением также была высказана Маршаллом Маклюэном в книге с говорящим названием «The Medium is the Massage». Как пишет И. О. Тюрина, намеренная авторская смена буквы в названии привела к тому, что общеизвестный сегодня афоризм изначально подразумевал иные интерпретации: «средство информации как массаж», имеющее «оглаживающее» действие, «исподволь меняющее законы восприятия», а также «средство информации как век масс» [Маклюэн 2020: 8]. Таким образом, две проverbsиальные формулировки Маклюэна о «глобальной деревне» и «средстве передачи сообщения, являющегося самим сообщением» в совокупности явились прогнозом предельности и «видимой досягаемости мира, который будет автоматически контролироваться посредством массмедиа» [Там же: 13].

Тематический диапазон блогов, а также языковая компетентность блогеров чрезвычайно вариативны. Иногда тексты постов обсуждают феномен языка как таковой или фокусируются на свойствах конкретного языка, что видится вполне закономерным и обоснованным. Одни авторы прицельно рассуждают на эти темы с позиции научной либо *наивной лингвистики*, другие – намеренно или неосознанно наделяют языки определенными характеристиками или подвергают их сравнению. Очевидно, что язык как объект интереса пользователей – явление неслучайное: мысля его как масштабную систему, элементы

которой подчиняются определенным правилам, обыватели стремятся эти правила постичь и в процессе освоения формируют суждения, основанные на личном опыте. Кроме того, язык – национальное достояние, в отличие от речи, которая индивидуальна и неповторима. Наконец, язык выступает средством достижения личных или глобальных целей, которые также могут иметь отношение к различного рода языковым вопросам (например, проблемам языковой политики и т. п.), что также находит отклик у рядовых представителей культурно-языкового сообщества.

Носители английского языка, ведущие блоги, часто проявляют себя как *наивные лингвисты*, без опоры на профессиональное лингвистическое знание рассуждая, осознанно или бессознательно, о сущности языка и коммуникации, фактах языка и речи, соотношении одних языков с другими. Таким образом, в виртуальном пространстве блогосферы получают распространение наивные представления о языке и его явлениях, которые в дискурсе репрезентируются посредством специфического употребления металингвистических имен, в частности, таких существительных, как, например, *word, language, speech, communication, question, answer* и других, являющихся номинациями соответствующих феноменов. Зачастую данные существительные можно встретить в одних и тех же контекстах: говорящий одновременно рассуждает о языке и речи, а также о словах как неотъемлемых компонентах осуществления коммуникации.

Исследование дискурсивного функционирования металингвистических имен, а также репрезентируемых ими когнитивных сущностей несомненно актуально. На сегодняшний день особое внимание языковедов привлекает связь процессов мышления и познания, которые протекают в языковом сознании личности, а также взаимодействие ментальной и языковой деятельности человека. Также стоит отметить и возросший интерес лингвистов к бытовым, обыденным представлениям о языке и способам лингвистической репрезентации когнитивных признаков ментальных сущностей.

Востребованность материала наивной лингвистики у профессионалов обусловлена интересом лингвистов к тому, *каким образом* (в широком смысле) пользователи языка формулируют свои мнения о словах, языке, коммуникации и языковых явлениях. По мнению Генри Хенигсвальда, которого принято считать основоположником изучения наивной лингвистики, носителей языка должно интересовать

не только то: а) что происходит (язык), но и то: б) как люди реагируют на то, что происходит, а также то: в) что, по мнению людей, происходит (разговор о языке) [Hoenigswald 1966: 20]. Так, лингвист предлагал расширить область изучения языка и учитывать, кроме научных воззрений, мнение носителей языка о том, что «происходит» в языке. Американский языковед Д. Престон также рассуждает о наивной лингвистике, подчеркивая ее всеобъемлющий характер. По его словам, наивная лингвистика руководителей корпораций, ракетостроителей и нейрохирургов представляет для ученых такой же интерес, как и лингвистика любой другой группы [Preston 2017]. Учитывая актуальную востребованность блогосферы, бытовая лингвистика ее создателей и пользователей представляет для языковедов несомненный интерес.

Среди отечественных лингвистов (например, В. Б. Кашкин и Н. Д. Арутюнова) также прослеживается интерес к обыденной, бытовой лингвистике. Они говорят о том, что носителям языка свойственна языковая рефлексия – они размышляют «о языке, его структуре, элементах, свойствах и пр.» [Кашкин 2002: 4–5], а также фиксируют свои представления «в значении металингвистических терминов, таких как язык, речь, слово, смысл, значение, говорить, молчать и пр.» [Арутюнова 2000: 7].

Проводя рефлексию над словами, языком и явлениями языка и речи, наивные лингвисты, осознанно или бессознательно, формируют определенные убеждения, которые можно отнести к *языковым мифам*. Под мифом немецкий философ Э. Кассирер понимал вербальное «восприятие смысла» [Кассирер 2011: 69], являющееся «объективизацией социального опыта человека» [Там же]. В настоящее время существует множество языковых мифов: в народе часто говорят, что одни языки сложны для изучения, другие – просты, одни языки красивее и мелодичнее по звучанию, другие – грубее. И. А. Стернин, например, среди мифов также выделяет «чистоту языка, порчу языка, регресс (деградацию) языка, прогресс языка, засорение языка, удобство языка, легкость/трудность языка, красоту языка, бедность/богатство языка» [Стернин 2016: 107]. Подобные убеждения основаны на субъективном восприятии языков людьми, а не на «строгом» объективном научном знании. Следовательно, такие субъективные представления можно отнести к языковым мифам. Несмотря на то что такие мнения, как правило, не имеют научного обоснования, их

не стоит считать ошибочными. В. Б. Кашкин полагал, что такие быденные представления являются «первичным способом познания мира и управления человеческими действиями в нем» [Кашкин 2009: 46], что говорит о необходимости принимать во внимание и «убеждения народа».

Современный подход к анализу коммуникации и ее компонентов, например, участников коммуникативного акта, учитывает понятие мифа. Упомянутые «убеждения народа», «общие мысли и общие высказывания» транслируются *мифическим коммуникантом*, выполняющим объединяющую и минимизирующую функцию сведения множественных коммуникативных актов к одному [Кашкин 2007: 51].

Для фиксации мифа в языке нужна его вербализация, то есть выражение с помощью средств языка. В связи с этим появляется понятие *мифологемы*, под которой Н. И. Коновалова понимает «элемент наивного представления о мире, выступающий в роли результата его когнитивного освоения» [Коновалова 2013: 210]. Так, лингвист подчеркивает когнитивный аспект данного понятия: мифологемы – это мнения, укрепившиеся в сознании людей. Языковые мифологемы позволяют объединять общие воззрения о языке и языковых феноменах в отдельные «элементы», помогая создавать картину наивных представлений в обществе. Говоря о бытовых представлениях, стоит отметить базовые мифологемы – *мифологему слова-вещи и слова-персоны*. В основе формирования мифологемы *слова-вещи* лежит процесс реификации сущностей, то есть их «овеществления» [Кашкин 2011: 6]. Для выделения мифологемы *слова-персоны*, наоборот, характерно наделение объектов свойствами живых существ, то есть процесс персонификации сущностей. По утверждению В. Б. Кашкина, действия со словами равны действиям с материальными вещами [Кашкин 2009: 51]. Кроме того, слова, наделенные свойствами одушевленных существ, могут иллюстрировать и способность «вести себя» подобно человеку. Однако не только слово может реифицироваться или персонифицироваться – язык в сознании носителей языка также нередко подвергается данным процессам, в связи с чем можно выделить и мифологемы *языка-вещи и языка-персоны*, на основе которых в ходе настоящего исследования выявляются более частные, конкретные мифологемы.

Размышляя об обыденной лингвистике и вербализации языковых мифов, стоит рассмотреть и такие понятия, как *языковая картина мира* и *языковая личность*, поскольку они непосредственно связаны

с областью наивной лингвистики. Данные термины подчеркивают взаимосвязь языка, культуры и общества, что позволяет более комплексно подойти к исследованию. Под термином *языковая картина мира* Ю. А. Апресян понимает «опыт интроспекции десятков поколений» [Апресян 1995: 351], подчеркивая длительный процесс формирования системы взглядов и воззрений общества. Кроме того, языковая картина мира, по мнению лингвиста, является наивной [Там же] – она отличается от научных воззрений. Так, носители языка вносят свой вклад в формирование языковой картины мира, поскольку она «полняется» за счет воззрений, убеждений и мнений пользователей о языке, которые они выражают вербально. Исходя из этого можно сказать, что носители языка являются языковыми личностями. Под *языковой личностью* В. И. Карасик понимает «носителя языкового сознания», который проявляет свою сущность в процессе коммуникации и стереотипах поведения [Карасик 2002: 11]. Таким образом, можно утверждать, что в сознании языковой личности закреплены особые нормы, ценности, правила употребления языка и т. п., а также языковые представления, которыми личность вносит вклад в формирование языковой картины мира.

Для данной работы представляется важным обратиться к понятию *виртуальной языковой личности*, не имеющему на данный момент единой трактовки ввиду нахождения на этапе становления как самой области деятельности, так и методологического аппарата ее исследования. Наиболее релевантным видится определение О. В. Лутовиновой, полагающей, что виртуальная языковая личность «проявляется посредством текстов, создаваемых и интерпретируемых ею в процессе виртуальной коммуникации» и характеризуется среди прочего «*смещением акцентов мировосприятия*» [Лутовинова 2013: 6]. Исследователь отмечает наличие у виртуальной языковой личности ряда компетенций, среди которых называет *лингвистическую компетенцию*, определяя ее как «*способность пользоваться арсеналом языка для достижения своих целей*» [Там же]. Таким образом, блогер выступает в качестве виртуальной языковой личности, но вместе с тем и воплощает вербализованный образ, который складывается в процессе виртуального коммуникативного акта и затем растворяется в виртуальной коммуникативной среде [Гермашева 2014]. Иначе говоря, блогер являет собой совокупность виртуальной коммуникативной личности, реализующей собственные коммуникативные

интенции, и мифического коммуниканта – отдельного индивида, замещающего собой группу индивидов.

В фокусе исследования, послужившего материалом для данной главы монографии, находится выявление основных языковых мифологем и мифов о языке, репрезентирующихся в англоязычной блогосфере, определение рекуррентных способов вербализации наивных представлений мифическими коммуникантами, а также попытка установления связи между актуализацией мифических убеждений, контекстом высказывания блогера и его коммуникативными целями.

Материалом исследования послужили контексты дискурсивного употребления металингвистического имени *language*, заимствованные из текстов блогов на английском языке, а также из данных электронных языковых корпусов The Corpus of Contemporary American English (COCA) и The Corpus of Global Web-based English (GloWbE), в которых случаи употребления указанного существительного отмечены как принадлежность к дискурсу блогосферы.

Для достижения вышеуказанных целей был проведен дискурсивный, лингвокультурологический, семантико-синтаксический и контекстуальный анализы дискурсивных фрагментов, содержащих случаи метафорического употребления существительного *language*, позволяющие выделить образный компонент мифических представлений о языке, которые актуализируются в высказываниях англоязычных блогеров.

В зависимости от занимаемой в предложении синтаксической позиции рассматривались случаи субъектно-предикатной, атрибутивной, объектной, а также предложной сочетаемости существительного *language*; кроме того, была предпринята попытка определить взаимосвязь между типом грамматической сочетаемости и когнитивным признаком, запечатленным в той или иной мифологеме.

Субъектно-предикатная сочетаемость металингвистического имени *language*

Анализ контекстов с субъектно-предикатными отношениями позволил выявить актуализацию нескольких мифологем.

Мифологема «язык – одушевленная сущность».

(1) *Not many more than 50,000 people speak Gaelic and, if we do not intervene properly in the course of the next five years, the language will surely die.* [GloWbE]

Пример (1) иллюстрирует апеллирование адресанта к такому лингвистическому и социальному феномену, как исчезновение языков. При этом виртуальная языковая личность склонна наделять язык таким неотъемлемым свойством живых существ, как умирание. Примечателен контекст, в котором блогер прибегает к актуализации данной мифологемы: в условиях «глобальной деревни» проблема исчезновения гэльского языка перестает быть локальной. Вербализуя народное представление о языке как одушевленной сущности, блогер выступает в качестве мифического коммуниканта (местоимение *we*) и обращается к носителям этого общего знания с призывом действовать. Кроме того, посредством актуализации указанной мифологемы блогер обозначает проблему малочисленности народа, являющегося носителем языка. Имеет место метонимический перенос: за персонификацией языка стоят представления о народе, а за его исчезновением – исчезновение говорящей на нем культурно-языковой общности.

Мифологема «язык – враждебная сущность».

(2) *The study found the commonly used phrase “that’s so gay” to describe something undesirable can have negative consequences for gay, lesbian or bisexual students. Although subtle, such language is hostile, and can be harmful to sexual minorities.* [1]

В данном примере репрезентируется когнитивный признак языка как враждебной сущности. Язык мыслится как одушевленная сущность, представляющая опасность; здесь можно рассуждать о силе воздействия языка на человека, приводящей к пагубным последствиям. Кроме того, слова, выполняющие функцию составного именного (*is hostile*), а также составного глагольного модального сказуемого (*can be harmful*), имеют отрицательную семантику, что позволяет судить о негативной оценке языка блогером. Вместе с тем примечателен контекст, в котором актуализируется указанная мифологема. Виртуальная коммуникативная личность не просто выражает общее утверждение в духе «язык мой – враг мой», но поднимает вопрос о специфике использования языка разными социальными группами (*such language*). Таким образом, актуализация мифологемы «язык – враждебная сущность» выступает репрезентантом бинарной оппозиции «свой – чужой», а размышления о языке и его свойствах, по всей видимости, не первостепенная цель блогера, но средство привлечения внимания подписчиков к вопросам сексуальных меньшинств и потенциальных изменений в части словоупотребления под влиянием данных вопросов.

(3) *But some supporters of abortion rights have long argued that the **language** used by opponents – with terms such as murder, blood-stained, destroy or holocaust frequently evoked – **creates an atmosphere that fosters violence**.* [COCA]

Пример (3), подобно предыдущему, выявляет репрезентацию когнитивного признака языка как враждебной и грубой сущности, способной к порождению жестокости и насилия. Кроме того, язык мыслится наивными лингвистами как сущность, наделенная определенной степенью власти в отношении моделирования общественной ситуации. Однако очевидно, что, актуализируя данную мифологему, адресант оценивает не собственно язык, которым пользуются противники аборт, но, скорее, их общественную позицию. Имплицитно сформулированная оценка выразителей антиабортной позиции репрезентируется в разворачивании мифологемы языка как «жесток, насильственной сущности», а также бинарной оппозиции «supporters – opponents». Такой способ оформления высказывания может использоваться блогером для привлечения своей аудитории на сторону того или иного биннома оппозиции в зависимости от взглядов самого адресанта.

Таким образом, в высказываниях представителей англоязычного дискурса блогосферы актуализируется мифологема «язык – одушевленная сущность» с дополнительными когнитивными признаками способности к волеизъявлению, а также применения силы с целью негативного воздействия. Язык мыслится актором, что вербально выражается посредством субъектно-предикатной сочетаемости существительного *language* в роли подлежащего с метафорическим сказуемым.

Атрибутивная сочетаемость существительного *language*

В англоязычном благодискурсе рекуррентны случаи атрибутивной сочетаемости существительного *language* с определениями, выраженными прилагательными и причастиями. Такие фрагменты дискурса позволяют выявить ряд мифологем.

Мифологема «язык – угроза».

(4) *It's unclear how effective the billboards are at intimidating people out of voting, but there's no mistaking who they're aimed at. "They use a lot of **threatening language** to associate voting with a crime, that may just make people want to stay away", says the Brennan Center's Larry Norden. Norden says the billboards leave the impression that "if you go to the polls **there might be somebody there to take you to jail or fine you**".* [2]

Пример (4) иллюстрирует когнитивный признак языка как сущности, имеющей способность угрожать, то есть обладающей силой влияния и авторитетностью. Эта сила настолько интенсивна, что с ее помощью можно не только заставить представителей социума уклониться от выполнения гражданского долга, но и поверить в то, что выборы – это преступление. Таким образом, актуализация данной мифологемы имеет место в контексте дискуссии по общественно значимому вопросу. В отличие от примеров с субъектно-предикатной сочетаемостью данный фрагмент не содержит метонимического переноса: язык мыслится не актором, но орудием воздействия, оказываемого группой носителей языка (...*they use a lot of threatening language*...).

С актуализацией мифологемы «язык-угроза» и способами ее вербальной репрезентации тесно связаны и некоторые другие мифологемы.

Мифологема «язык – манипулятор».

(5) *My point is about the need for government intervention with extremely stringent over-reaching laws that cause clear collateral damage. I have nothing at all against fathers that educate their children and keep their daughters under control. My main grudge actually is with the distorted facts and **manipulative language** of feminists. But again, I understand your point about not entering another fight against feminism and society, and I try to respect your space as much as possible.* [3]

Пример (5) иллюстрирует репрезентацию когнитивного признака языка как манипулятивной сущности, что грамматически выражено употреблением прилагательного *manipulative* в препозиции к определяемому слову. Вместе с этим язык мыслится и как орудие манипуляции, которое могут использовать представители определенных социальных групп для достижения своих целей, что грамматически выражается определением, выраженным посредством *of-phrase* в постпозиции к определяемому существительному *language*. Таким образом, рассмотренный контекст иллюстрирует одновременно как персонификацию, так и реификацию языка, что представляет собой весьма нетипичную комбинацию.

Кроме отрицательно оцениваемых когнитивных признаков, во фрагментах благодискурса находят репрезентацию и положительно оцениваемые характеристики.

Мифологема «язык – идеальная сущность».

(6) *So, what better solution to your boredom than to start learning a new language? And I've got the **perfect language** to start with: (Belgian-)Dutch!*

(*If you don't know what Dutch looks/sounds like, just imagine you put English, French, and German together in a melting pot... et voilà, you've got Dutch.*) [4]

Как было отмечено ранее, субъективизм при характеристике языков – распространенное явление. В данном фрагменте блогером предлагается характеристика нидерландского языка посредством использования определения *perfect* с положительной семантикой. Нидерландский язык для блогера «идеален». Любопытен при этом критерий оценки: наивное сравнение английского, французского и немецкого языков (предположительно их орфографии или фонетики – *Dutch looks/sounds like*), «смещение» которых и представляет собой «идеальный» результат в виде нидерландского языка.

Мифологема «язык – плотская сущность».

(7) *Song of Songs also speaks at length in very sensual language about a mutual loving relationship about adults without an emphasis on offspring.* [COCA]

Данный пример, подобно предыдущему, иллюстрирует наивную оценку языка его рядовыми пользователями посредством использования эмоционально окрашенных прилагательных в роли определения. В приведенном фрагменте язык характеризуется блогером как некая чувственная, плотская сущность. Актуализация данной мифологемы выявляет интимное восприятие Песни песней Соломона автором высказывания, которое основывается на личных размышлениях и чувствах.

Стоит отметить, что рефлексия над вопросами языковой нормы, релевантности словоупотребления, адекватности выбора языковых средств свойственна не только лингвистам-профессионалам, но и рядовым носителям языка. В частности, анализ фрагментов англоязычного блогодискурса позволяет выявить определенную степень стремления к соблюдению, скажем так, «языкового комильфо».

(8) *If you would like to submit your own PayPal horror story, we would be more than happy to post it for everyone to read, providing that it is truthful and void of inappropriate language.* [5]

Пример (8) иллюстрирует, что при выборе материала для постов адресанты блогодискурса руководствуются некими языковыми нормами, которые, вероятно, могут быть не зафиксированными на «правовой» основе. Эти языковые нормы связаны с нормами морали, закрепленными в общественном сознании и сознании автора

конкретного блога, и согласно им употребление тех или иных языковых средств может считаться уместным или неуместным в различных ситуациях. Кроме того, языковое оформление высказывания в блогосфере может быть своего рода «пропуском» в виртуальное пространство «глобальной деревни» и виртуальной «ратификации» языковой личности в Сети. При этом соответствие языковым требованиям, устанавливаемым блогером на своей виртуальной «территории», находится в неразрывной связи с концептами подлинности и доверия – краеугольных камней онлайн-коммуникации.

(9) *You're implying that vulgar language is appropriate in their social circle, and the only way it could be appropriate is if they have low status.* [COCA]

Пример (9) иллюстрирует склонность пользователей блогосферы рассуждать о способности языка выступать определенной характеристикой некой группы пользователей. В данном случае речь идет о людях низших социальных слоев, для которых, по мнению комментатора, довольно типично выражаться на грубом языке с использованием нецензурной лексики. Пример (9) проявляет сохраняющуюся актуальность вопроса классового различия по языковому критерию (типичная общественная черта в Великобритании, например). Подобно тому, как это работает в реальной коммуникации, в условиях «глобальной деревни» язык также становится неким идентификатором, отделяющим одну социальную группу от другой.

Анализ фрагментов с атрибутивной сочетаемостью позволяет сделать вывод о том, что оценка языка создателями и комментаторами блогов формируется на основе личных эмоций, чувств и ощущений, что, однако, не является преградой для установления собственных правил языкового поведения на виртуальной территории авторского блога. Пользуясь ими, блогеры оценивают тот или иной язык как «подходящий» или «не подходящий» для определенной ситуации и, следовательно, определяют круг потенциальных подписчиков.

Предложная сочетаемость существительного *language*

Среди проанализированных примеров удалось выявить и случай сочетания существительного *language* с предлогом.

Мифологема «язык – медиум».

(10) *Through the language, I gained an incredible insight into the people and their values.* [GloWbE]

В рассматриваемом фрагменте существительное *language* употребляется в сочетании с предлогом *through*, имеющим значение «посредством», «с помощью». Так, язык мыслится своего рода посредником (*language is a medium*) в деле познания мира, людей и их ценностей. Такое толкование позволяет нам провести параллель между языком как средством и средством как сообщением (*the medium is the message* – язык как средство предопределяет само сообщение – одно из воплощений концепции М. Маклюэна, автора идеи о «глобальной деревне», рассмотренной ранее). Такое бытовое представление о языке вполне совпадает с общелингвистическими концепциями, например, когнитивным и лингвокультурологическим подходами.

Объектная сочетаемость существительного *language*

Кроме рассмотренных выше случаев субъектно-предикатной, атрибутивной и предложной сочетаемости, существительное *language* в предложении может выполнять функцию определения.

Мифологема «язык - оружие».

(11) *You're just using rhetorical flourishes and using language as a weapon. I am supposed to ignore all of what actually generated fascism in Germany, and focus on that which you call "massive" gains by the Nazi Party in particular.* [6]

В данном примере репрезентируется мифологема языка-оружия, соотносящаяся с коммуникативно-прагматическими представлениями о том, что с помощью слов носители языка могут провоцировать конфликтные ситуации. Кроме того, можно также выделить мифологему языковой деятельности как военной деятельности. Такое представление особенно актуально сегодня, в эпоху, когда все чаще обсуждается понятие «информационная война».

Мифы о языке

Кроме мифологем о языке, выявленных на основании анализа фрагментов блогодискурса, были также выявлены мифы, то есть более широкие структуры, которые пользователи складывают вокруг феномена языка. Среди мифов можно отметить мифы об английском языке, являющемся родным для блогеров, а также мифы об иностранных языках. Их анализ приведен ниже.

(12) *English is a universal language meaning whichever country you go to, you can communicate to people in by speaking English.* [7]

В данном примере блогер называет английский язык универсальным для межкультурного общения языком, что подчеркивает его

международный характер. С одной стороны, первая часть данного фрагмента (*English is a universal language*) соответствует реальности, то есть не является мифом; подтверждается убеждение об интернациональном характере английского языка. С другой стороны, вторая часть данного фрагмента (*whichever country you go to, you can communicate to people in by speaking English*) выражает субъективное утверждение блогера. Убежденность многих носителей английского языка в том, что в любой стране практически все жители знают английский язык и могут свободно на нем общаться, даже сегодня, в эпоху «глобальной деревни», представляется заблуждением. Таким образом, проанализированный фрагмент позволяет выявить миф, сформированный на основании субъективных взглядов представителей англоязычной блогосферы. Как было отмечено ранее, носители английского языка зачастую рассуждают и о других языках – об их грамматическом, фонетическом, лексическом строе, а также сопоставляют свой родной язык с иностранными языками. Анализ фрагментов дискурса блогосферы, направленный на выявление мифов, связанных с другими языками, представлен далее.

(13) *The French language is so hard to learn with all of those gender specific articles. A cat takes a masculine article and a dog takes feminine? It makes no sense. Why don't they just speak English?* [COCA]

Приведенный пример демонстрирует мнение, закрепленное в сознании многих носителей английского языка, о том, что французский язык является трудным для изучения. Здесь блогер объясняет свою позицию тем, что во французском языке существуют артикли, указывающие род существительного, употребление которых, по мнению пользователя, не всегда логично и имеет смысл. В то же время блогер упоминает английский язык, подчеркивая его простоту в сравнении с французским. Из контекста становится ясно, что английский язык мыслится доступнее и проще потому, что в нем отсутствуют артикли, указывающие род существительных. Таким образом, в данном примере проиллюстрирован миф о трудности языка для изучения, а также приведено «наивное» сравнение иностранного языка (французского) с английским языком.

(14) *The German Language is not as easy as my mother language.* [8]

Идея о трудности изучения иностранного языка, выявленная ранее, находит свое отражение в данном примере. Блогер сравнивает немецкий язык со своим родным языком, отмечая, что немецкий язык сложнее. В отличие от предыдущего примера, в котором блогер за основной критерий сравнения брал грамматические различия между

языками, в данном фрагменте проявляется субъективная оценка, которая, однако, является распространенной среди носителей любого языка: родной язык представляется легче, чем иностранный. Данный фрагмент характеризуется разворачиванием оппозиции «свой – чужой», посредством чего репрезентируется миф о трудности немецкого языка в сравнении с родным языком блогера.

Таким образом, носители языка зачастую проводят наивный сравнительный анализ английского языка с иностранным для них языком на основании сопоставления грамматического строя обоих языков, а также на основании того факта, что родной язык представляется для пользователей легче иностранного.

Довольно часто критерием сравнения языков является их родство. Примеры, отражающие сопоставление языков с учетом данной критерия, приведены далее.

(15) *I could not freely conduct or comprehend written communication in the German language. No excuses need be made for this. I was illiterate. <...> The orthography is all nice and regular. Plus, it's very closely related to this English of ours, both linguistically and ethnically.* [COCA]

В приведенном фрагменте блогер высказывает свое мнение о немецком письме; оно представляется для пользователя сложным ввиду его собственной неграмотности. В то же время пользователь подчеркивает, что орфография немецкого языка понятна и регулируется правилами. Более того, блогер сравнивает немецкий язык с английским, подчеркивая их сходство на лингвистической и этнической основах, таким образом, проводя наивный сравнительно-исторический анализ двух языков. Можно предположить, что в сознании представителей англоязычной блогосферы существует мнение о том, что языки, принадлежащие к одной языковой группе, имеют много общего. Однако стоит отметить, что зачастую языки, принадлежащие к разным языковым группам, также обнаруживают сходство как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях, поэтому суждение о том, что сходство обнаруживается только среди языков одной группы, относится к наивным представлениям.

(16) *It is relatively easy for a speaker of a European language to start thinking in another European language because of the similarities, but I wonder whether one can switch to thinking in a completely different language such as Japanese or Chinese.* [9]

В данном высказывании пользователь английского языка сравнивает европейские языки с азиатскими языками – японским и китайским.

Блогер отмечает, что ввиду сходства между европейскими языками носителю такого языка легче начать думать на другом европейском языке, в то время как изучение восточного языка может представлять трудности. Такая точка зрения, являющаяся мнением наивного лингвиста, не лишена и научного обоснования: о подобных феноменах рассуждал Ларс-Гуннар Андерсон (Lars-Gunnar Andersson) в коллективном труде “Language Myths” [Bauer L., Trudgill P., 1998]. Таким образом, данный фрагмент дискурса позволяет сделать вывод о том, что среди носителей английского языка распространен миф о том, что родственные языки учить легче, чем языки, принадлежащие разным группам.

Обобщая все сказанное о выявленных мифах о языке, стоит отметить, что свой родной английский язык пользователи считают универсальным средством общения, языком межкультурной коммуникации; подчеркивают его удобство в использовании, а также простоту, которая проявляется в несложных правилах языка. Иностранные же языки, немецкий и французский, представляются пользователям сложнее, чем английский. Такое обстоятельство связано, с одной стороны, с тем, что оба языка не являются для блогеров родными, а с другой стороны – с особенностями грамматического строя данных языков.

В заключение стоит сказать, что, актуализируя те или иные мифологемы, например, в ходе обиходных рассуждений о силе языка, коммуникативно-прагматическая интенция блогеров заключается, среди прочего, в применении этой силы, то есть в воздействии своими текстами на аудиторию и потенциальном навязывании читателям своих убеждений и взглядов. Более того, автор блога, давая наивную оценку языку и его свойствам, способствует распространению своей точки зрения в Глобальной сети, что при условии авторитетности данного мифического коммуниканта может с легкостью закрепиться в сознании адресатов блога. Поскольку взгляды блогеров могут оказаться ошибочными, их распространение способно вводить читателей в заблуждение, что, в свою очередь, способствует закреплению предубеждений.

Источники примеров:

COCA – The Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 26.10.2021).

GloWbE – The Corpus of Global Web-based English. URL: <https://www.english-corpora.org/glowbe/> (дата обращения: 26.10.2021).

1. Study: Phrase 'That's So Gay' Causes Lasting Harm – CBS Detroit (cbslocal.com). URL: <https://detroit.cbslocal.com/2012/08/28/study-phrase-thats-so-gay-causes-lasting-harm/> (дата обращения: 26.10.2021).
2. 10 Dirty Ways to Swing an Election – Mother Jones. URL: <https://www.motherjones.com/politics/2012/11/election-dirty-tricks/> (дата обращения: 26.10.2021).
3. 13 reasons it's unlucky to be male – A Voice for Men. URL: <https://www.avoiceformen.com/13-reasons-it-s-unlucky-to-be-male/> (дата обращения: 26.10.2021).
4. 8 Dutch Words You Need To Know | Shut Up And Go. URL: <https://www.shutupandgo.com/8-dutch-words-you-need-to-know/> (дата обращения: 26.10.2021).
5. All I want to do is close my account, but I can't! | PayPal – Horror Stories, Lawsuits, PayPal Problems. URL: <https://paypalwarning.com/close-account-cant/> (дата обращения: 26.04.2021).
6. Does Anyone Deny That There Were Unprecedented Credit Stimulus Policies During Hoover Administration? URL: <https://consultingbyrpm.com/blog/2012/09/> (дата обращения: 26.10.2021).
7. Do you think that English is a good language for Science? URL: <https://www.researchgate.net/post/do-you-think-that-english-is-a-good-language-for-science> (дата обращения: 26.10.2021).
8. Creative With Monika: Goodbye (for a moment) to my Blogland friend. URL: <http://creativewithmonika.blogspot.com/2012/10/goodbye-for-moment-to-my-blogland-friend.html> (дата обращения: 26.04.2021).
9. If You Believe That You Can Learn a Language in 10 Days You Deserve To Be Ripped Off | Patenttranslator's Blog. URL: <https://patenttranslator.wordpress.com/2012/10/16/if-you-believe-that-you-can-learn-a-language-in-10-days-you-deserve-to-be-ripped-off/> (дата обращения: 26.10.2021).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Авербух К. Я.* Общая теория термина. – Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2004. – 252 с.
- Агеев В. С.* Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. – 1986. – № 1. – С. 95–101.
- Аксенова Н. В., Вилинбахова Е. Л.* Стереотип англичанина в русском языке постсоветского периода (корпусное исследование): сб. статей по материалам VIII научно-методической конференции «Англистика XXI века», посвященной памяти проф. С. В. Воронина // Университетские Образовательные округа, 2016. – С. 121–126.
- Александрова О. В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка. – М.: Высшая школа, 1984. – 212 с.
- Алимурадов О. А.* Смысл. Концепт. Интенциональность. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2003. – 312 с.
- Алифиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – 274 с.
- Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. – 208 с.
- Амрахова А. А.* Когнитивные аспекты интерпретации современной музыки (на примере азербайджанских исполнителей): дис. ... докт. иск. – М.: 2005. – 325 с.
- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – 767 с.
- Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. – 7-е изд. – М., Флинта-Наука, 2007. – 383 с.
- Артемова А. Ф.* Английская фразеология: спецкурс. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2009. – 208 с.
- Арутюнова Н. Д.* Наивные размышления о наивной картине языка: Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 2000. – С. 7–19.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Академия, 1997. – С. 267–279.

Бабаева Е. В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград – Архангельск, 1996. – С. 25–33.

Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВорГУ, 2001. – С. 52–56.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Воронеж, 1997. – 330 с.

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М.: Индрик, 2005. – 512 с.

Бартон В. И. Сравнение как средство познания. – Минск: Изд-во БГУ, 1978. – 128 с.

Баскакова Е. С. Экспрессивные синтаксические конструкции: перевод и их влияние на скрытые характеристики текста (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевода на английский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2009. – 22 с.

Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 227–244.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.

Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 1. – С. 55–67.

Бергельсон М. Б., Некрасова А. Е. Лингвистический анализ стереотипов: баланс между текстом и смыслом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной международной конференции «Диалог», 2010 год). – Т. 8. – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – С. 30–35.

Болдырев Н. Н. Когнитивный подход к изучению глагола и глагольных категорий // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 16–31.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов: ТГУ им. Державина, 2014. – 235 с.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – М.: ИД «ЯСК», 2019. – 480 с.

Булатова А. П. Лингвокогнитивный анализ искусствоведческого дискурса (тематические разновидности – музыка, архитектура): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 276 с.

Ванько Т. Г. Жанровое разнообразие синтаксиса языка «Твиттера» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. – С. 9–24.

Вejбицкая А. А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 288 с.

Викулова Л. Г. Паратекст французской литературной сказки: прагма-лингвистический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Иркутск, 2001. – 29 с.

Вилинбахова Е. Л. Модели репрезентации стереотипов в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 21 с.

Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 239 с.

Водяницкая А. А. Функционирование оценочных значений в авторской благодарности как жанре академического дискурса // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. № 5. – М., 2020. – С. 58–73.

Воевудская О. М., Шурлина О. В. Компьютерно-опосредованная коммуникация: характерные черты и специфические особенности // ART LOGOS. 2019. № 1 (6). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuterno-oposredovannaya-kommunikatsiya-harakternye-cherty-i-spetsificheskie-osobennosti> (дата обращения: 04.03.2021).

Гак В. Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М., 1977. – С. 11–27.

Гаранович М. В. О социолингвистическом подходе при изучении функционирования гендерных стереотипов в языковом сознании носителей языка // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2010. – № 3. – Т. 1. – С. 122–128.

Гермашева Т. М. Виртуальная языковая личность в пространстве блог-дискурса // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – № 2 (140). – С. 36–40.

Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 397–405.

Горностаева А. А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2016. – № 1. – Т. 20. – М., 2016. – С. 57–76. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-ironii-v-rechevyh-portretah-sovremennyh-politicheskikh-deyateley> (дата обращения: 10.09.2020).

Горошко Е. И. Чирикающий жанр 2.0 Твиттер, или Что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2011. – № 3 (Филология). – С. 11–20.

Горшунова Е. Ю. Межкультурная коммуникация и этнические стереотипы и ярлыки англоговорящего сообщества: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2015. – 110 с.

Гоффман И. Символы классового статуса // Логос. – 2003. – № 4–5 (39). – С. 42–53.

Гуторенко Л. С. К вопросу об амбивалентности троллинга и его использовании в комических креолизованных интернет-мемах // Litera. – 2018. – № 4. – М. – С. 244–250. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ambivalentnosti-trollinga-i-ego-ispolzovanii-v-komicheskikh-kreolizovannyh-internet-memah> (дата обращения: 10.09.2020).

Демьянков В. З. «Концепт» и философия языка в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: Современные направления и исследования: сб. научных трудов / под ред. Е. С. Кубряковой. – М., 2007. – С. 26–33.

Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. Вып. 2. – Саратов, 1999. – С. 7–13.

Елина Е. А. Доминирующие мотивы российского пейзажа в искусствоведческом тексте // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2010. – № 3. – С. 94–102.

Емельянова О. В. Семиотическая универсалия «свой – чужой» в языковой картине мира // Язык человека. Человек в языке: коллективная монография. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 43–69.

Емельянова О. В., Реймбаева И. У. Языковая актуализация социальных стереотипов в современной англоязычной художественной литературе // Лингвокультурология. Английские миниатюры: коллективная монография. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – С. 45–57.

Ерохина А. Б. Прагмалингвистические аспекты современного искусствоведческого дискурса (на материале англоязычных текстов, посвященных изобразительному искусству): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2018. – 184 с.

Ерохина А. Б. Прагматика метафоры в англоязычном критическом искусствоведческом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7–3 (61). – С. 86–89.

Жаботинская С. А. Когнитивная семантика: материалы 2-й международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов: Тамбовск. ун-т, 2000. – С. 10–13.

Жаркова У. А. Воплощение знаковой природы изобразительного искусства в искусствоведческом дискурсе (на материале немецкоязычных музейных каталогов) // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 33 (248). Филология. Искусствоведение. – Вып. 60. – С. 49–52.

Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедийного дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. – М.: ИЯ РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2004. – 654 с.

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

Зарецкая Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 2002. – 480 с.

Зенкин С. Н. Теория литературы. Проблемы и результаты. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 460 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.libfox.ru/679444-sergey-zenkin-teoriya-literatury-problemy-i-rezultaty.html> (дата обращения: 20.03.2021).

Илова Е. В. Лингвокультурный концепт «театр» в коллективном и индивидуально-авторском сознании: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 213 с.

Калинина С. А. Репрезентация концептуализированного понятия «ТЕАТР/THEATRE» в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2014. – 198 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика, 2020. – С. 26–33.

Кассирер Э. Функции мифа в социальной жизни человека / пер. Е. В. Боголюбовой, М. О. Альмаганбетова // Вестник Московского ун-та. Серия 7: Философия. – 2011. – № 2. – С. 62–73.

Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. – С. 4–34.

Кашкин В. Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. I. – Кемерово, 2009. – С. 41–60.

Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации: краткий курс. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 256 с.

Квастхофф У. Социальный предрассудок и коммуникация. Лингвистический анализ стереотипа // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сб. статей / сост. А. В. Павлова. – СПб.: Антология, 2013. – С. 113–137.

Клепикова Т. А., Герасимова О. В. Метарепрезентационный механизм коммуникативного акта иронии (на материале политического дискурса) // Актуальные проблемы современной лингвистики: сб. науч. статей / под ред. Е. А. Нильсен, А. С. Персониной. – СПб., 2018. – С. 10–15.

Коновалова Н. Мифологема как свернутый сакральный текст // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4 (46). – С. 209–215.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

Красавский Н. А. Концепты «мудрость», «терпение», «целеустремленность» и «любовь» в аксиологической картине мира Германа Гессе // Человек. Язык. Культура: сб. науч. статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. В. И. Карасика. В 2 ч. / отв. соредатор В. В. Колесов. – 2-е изд., испр. – Киев: ИД Д. Бураго, 2013. – Ч. 1. – С. 75–84.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики / пер. с франц. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 656 с.

Кубрякова Е. С. Процессы транспозиции в концептуализации и категоризации мира // Лингвистика как форма жизни: сб. науч. трудов, посвященных юбилею д-ра филол. наук, проф., чл.-кор. МАН ВШ Л. А. Араевой / науч. ред. П. А. Катышев. – Кемерово: КУЗБАССВУ-ЗИЗДАТ, 2002. – С. 30–34.

Кузьмина Е. В. Способы выражения семантико-прагматической категории «вежливость» в текстах электронной коммуникации (на материале испанского языка) // Вестник Московского ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 79–88.

Кунин А. В. Английская фразеология. – М., 1970. – 342 с.

Куралева Т. В. Экспрессивные свойства расщепленных предложений в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 5 (23). – Ч. 1. – С. 83–85.

Куралева Т. В., Абдульманова А. Х. Средства экспрессивного синтаксиса в современном английском диалоге // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 9. – С. 314–316.

Ласкова М. В., Фетисенко Е. А. Комментирование как особый вид спортивного дискурса: лингвостилистический и интерпретационный аспекты // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. – 2018. – № 1. – С. 151–154.

Латынина А. Н. Филология и подвижничество // Новый мир. – 2008. – № 2. – С. 160–167.

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.

Лобанова Т. Н. Лингвистический анализ китайского политического медиадискурса по внешнеполитическим проблемам // Вестник Московского гос. обл. ун-та. – 2018. – № 4. – С. 217–230.

Ломоносова Е. С. Жанровые особенности текстов малой формы // UNIVERSUM: Филология и искусствоведение. – 2015. – № 3–4 (17). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-tekstov-maloy-formy/viewer> (дата обращения: 18.04.2021).

Лукьянова Е. А., Толочин И. В. Ценностные суждения и смысловая организация общественно-политической дискуссии // Ценностная картина мира англоязычного социума / под общ. ред. Е. Г. Хомяковой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. – С. 68–83.

Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 58–65. [Электронный ресурс] URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11694915_84298837.pdf (дата обращения: 25.06.2021).

Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2013. – 42 с.

Лысенко С. А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации: автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. – Воронеж, 2010. – 24 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-ustnoi-i-pismennoi-formy-sushchestvovaniya-yazyka-v-internet-kommunikatsii/read/pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

Лягунова С. В. О лексико-стилистических особенностях в жанре спортивного комментария // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 3. – С. 111–123.

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. – М., 2005. – 496 с.

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / пер. с англ. И. О. Тюриной. – М.: Академический проект, 2020. – 443 с.

Мальшиева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: монография. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. – 324 с.

Марчук Ю. Н. Основы терминографии. – М.: ЦИИМГУ, 1992. – 76 с.

Масленникова А. А., Леницман М. М. Произношение как лингвокультурологический феномен. Прагматика художественного представления // Лингвокультурология. Английские миниатюры: коллективная монография. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – С. 94–113.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

Меламедова Е. А. Паратекстовые элементы в англоязычной научной и научно-популярной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 2009. – 22 с.

Миньяр-Белоручева А. П. Поликодовость искусствоведческого дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 4. – С. 16–20.

Миньяр-Белоручева А. П., Покровская М. Е. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы-персонификации и вербальные образы-антропонимы // Вестник Московского ун-та. – 2013. – № 1. – С. 52–65.

Михалев А. Б. Слои языковой картины мира // Язык и культура: тезисы докладов международной научной конференции. – М., 2001. – С. 108–109.

Михнюк К. В. О взаимосвязи категорий сравнения и оценки (на материале английского языка) // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 1. – С. 131–136.

Можнова Ж. И. Концептуальное значение слова в художественной прозе и публицистике (на материале творчества Е. Замятина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 1999. – 21 с.

Молчанова Г. Г., Тарбеева О. В. Лингвокультурные концепты и паремическое моделирование // Концептуальный анализ языка: Современные направления и исследования: сб. науч. трудов / под ред. Е. С. Кубряковой. – М., 2007. – С. 42–59.

Морковкин В. В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. – М., 1981. – С. 153–166.

Насонова А. М. Речевой акт запрета в системе речевых актов // Аспирант. – 2020. – № 4 (55). – С. 126–128.

Никонова Ж. В. Фрейм в контексте лингвистической науки // Вестник Вятского гос. гум. ун-та. – 2008. – № 4–2. – С. 86–89. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/freym-v-kontekste-lingvisticheskoy-nauki> (дата обращения:).

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. – М., 1986. – С. 22–129.

Палеева Е. В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Вып. 2 (8). – Курск, 2010. – С. 61–65.

Паршин П. Б. Речевое воздействие // Энциклопедия Кругосвет. Универсально-научная энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VOZDESTVIE.html (дата обращения: 13.10.2021).

Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 460 с.

Петухова Т. И. Биполярность языка оценки в искусствоведческом дискурсе // Научное мнение. Филологические науки, искусствоведение и культурология. – 2015. – № 9. – С. 54–57.

Петухова Т. И. Языковая актуализация ситуации восприятия и оценки произведения живописи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2007. – 193 с.

Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – Т. 2. – С. 127–131.

Полевая И. В. Речевые гендерные стереотипы и их реализация в российском аналитическом телевизионном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 21 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

Прохорова Т. Н. Прикладная прагматика и ее принципы // Филологические исследования: междунар. сб. науч. трудов / Белгор. гос. ун-т, Запорож. юрид. ин-т МВД Украины / отв. ред. В. Ф. Прохоров. – Белгород; Запорожье, 2003. – С. 255–263.

Рыжикова М. Д. Спортивный комментарий как жанр спонтанного дискурса (на материале английского языка) // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2018. – № 10 (420). – С. 208–214.

Седугина С. В. Структурно-семантические и прагматические характеристики франкоязычного спортивного дискурса. – Самара, 2016. – 27 с. [Электронный ресурс] URL: <https://multiurok.ru/index.php/files/nauchnaia-rabota-strukturno-semanticheskie-i-pragm.html> (дата обращения: 18.04.2021).

Силантьев И. В. Газета и роман. Риторика дискурсных смешений. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.

Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук: 10.02.01. – Вологда, 2008. – 18 с.

Современный английский театр: сб. статей / под ред. Ф. Крышко. – М.: Искусство, 1996. – 256 с.

Сорокина Н. В. Методическая типология стереотипов как компонент содержания обучения иностранным языкам в вузе // Язык и культура. – 2013. – № 3 (23). – С. 120–139.

Стернин И. А. Лингвистическая мифология в обыденном языковом сознании // Лингвистика без границ. – Воронеж: НАУКА-ЮНИ-ПРЕСС, 2016. – С. 106–131.

Стернин И. А. Методика лингвоконцептологического анализа // Русский как иностранный: Теория. Практика. Исследование. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 8–21.

Тарасова Н. П. Метафорическое моделирование эпидемии в медийном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2013. – 20 с.

Телия В. Н. Язык. Семиотика. Культура. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Третьякова Т. П. Функциональная семантика и проблема речевого стереотипа: автореф. докторской дис. – СПб., 1998. – 18 с.

Трещева Е. Г. Событие и его участники (по данным ассоциативных полей событийных стимулов) // Известия Саратовского ун-та. Серия: Филология. Журналистика. – Вып. 1. – 2011. – Т. 11. – С. 7–10.

Трофимова Э. А. Синтаксические конструкции английской разговорной речи. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1981. – 160 с.

Троценкова Е. В. (а) Discourse Intergration in Technology-Mediated Communication // Англистика XXI века: материалы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 21–23 января 2018 года). – СПб.: Университетские Образовательные Округа, 2019. – С. 68–75.

Троценкова Е. В. (б) Ценностный аспект координации мнений внутри партийной группы в общественно-политических дискуссиях. Гл. 5 // Ценностная картина мира англоязычного социума. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. – С. 84–100.

Троценкова Е. В. Координационные паттерны глобальных стратегий в условиях электронного участия пользователей в политической борьбе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 1. – С. 12–21.

Троценкова Е. В., Шеховцова Е. Е. Языковая игра как инструмент воздействия в манипуляции общественным сознанием. Гл. IV // Современная англистика: языковая палитра культуры / под ред. Т. И. Петуховой, Е. Г. Хомяковой. – СПб.: Астерион, 2020. – С. 55–73.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова, В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52–93.

Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и схемы. – 1992. – № 3. – С. 3–17.

Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. – 1976. – № 3. – С. 66–71.

Хомякова Е. Г., Петухова Т. И. Эстетическая эмпатия и категория знания в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. 32. – С. 418–426.

Чахоян Л. П., Штейнберг Н. А. Диалектика текстов малых форм (на материале книжных рекламных эссе) / Диалектика текста. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. А. И. Варшавская. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 91–111.

Чернигова И. В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI–XVII веков (на материале авторских и издательских предисловий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2006. – 20 с.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

Шмелева Е. С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале The Economist) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 18 (3). – С. 78–86.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 265–304 с.

Щерба Л. В. О словарях живого литературного языка // Современная русская лексикография. – М., 1966.

Aijmer K. English discourse particles: Evidence from a corpus. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – 298 p.

Approaches to Digital Discourse Analysis. A Book of Abstracts. Valencia, 18, 19, & 20 November 2015. URL: <https://www.uv.es/adda/ADDA%20I%20BOOK%20OF%20ABSTRACTS-FINAL.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

Bauer L., Trudgill P. (ed.). Language myths. – Penguin UK, 1998. – 208 p.

Baron N. S. Always on: Language in an online and mobile world. – Oxford University Press, 2008. – 289 p.

Block D. Class and Class Warfare // The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies. Flowerdew J., Richardson J. E. (eds.). – London: Routledge, 2018. – P. 345–358.

Bobbio L. Types of Deliberation // Journal of Public Deliberation. – 2010. – Vol. 6, Issue 2. – P. 1–24.

Butler P. Most Britons regard themselves as working class, survey finds // The Guardian, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/society/2016/jun/29/most-brits-regard-themselves-as-working-class-survey-finds> (дата обращения: 03.03.2020).

Cameron D. Feminism and Linguistic Theory. – London: Palgrave Macmillan, 1992. – 247 p.

Christianson A., Lumsden A. Contemporary Scottish Women Writers. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. – 192 p.

Crystal B., Crystal D. You Say Potato: A Book About Accents. – London: Pan Books, 2014. – 256 p.

Digital Discourse: Language in the New Media. Thurlow C. & Mroczek K. (eds.). – New York: Oxford University Press, 2011. – 349 p.

Dochy A. Scottish Art and Heart: The Transparent Influence of the Scottish School of Art on Erskine Nicol's Depictions of Ireland // Études Écossaises. – 2013. – 16. – P. 119–140.

Fergusson J. D. Modern Scottish Painting. – Edinburgh: Luath Press, 2020. – 254 p.

Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. – London: Hodder & Stoughton, 2004. – 424 p.

Fraser B. Pragmatic markers. Pragmatics // Quarterly Publication of the International Pragmatics Association (IPrA). – 1996. – 6 (2). – P. 167–190.

Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. – 1999. – 31 (7). – P. 931–952.

Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 456 p.

Giles C., Councill I. Who gets acknowledged: Measuring scientific contributions through automatic acknowledgement indexing // Proceedings of the National Academy of Sciences. – Dec 2004. – 101 (51). – P. 17599–17604.

Goggin G., McLelland M. (ed.) Internationalizing internet studies: Beyond anglophone paradigms. – Routledge, 2010. – 356 p.

Goffman E. Relations in public: Microstudies of the public order. Harmondsworth. – UK: Penguin, 1971. – 416 p.

Goudie L. The Story of Scottish Art. – London: Thames and Hudson, 2020. – 384 p.

Haiman J. Talk is cheap. – New York: Oxford University Press, 1998. – 220 p.

Herring S. C. Computer-Mediated Discourse in Handbook of Discourse Analysis / S. C. Herring, D. Tannen, D. Schiffrin, H. Hamilton // Language Arts & Disciplines. – Wiley, 2004. – P. 612–634.

Hitchcock D., McBurney P., Parsons S. A framework for deliberation dialogues // eds H. V. Hansen, C. W. Tindale, J. A. Blair, R. H. Johnson. OSSA 2001, Ontario, Canada, 2001.

Hoeningwald H. M. A proposal for the study of folk-linguistics // Sociolinguistics. The Hague: Mouton, 1966. – С. 16–26.

Hughes A., Trudgill P., Watt D. English Accents & Dialects. – Abingdon: Routledge, 2012. – 224 p.

Hyland K. Graduates' Gratitude: The Generic Structure of Dissertation Acknowledgements // English for Specific Purposes 23.3 (2004). – P. 303–324.

Internationalizing internet studies: Beyond anglophone paradigms. G. Goggin, M. McLelland (eds.). – Routledge, 2010. – 356 p.

Irvine C. Brummie accent voted least cool in Britain // The Daily Telegraph, 2008. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/newstoppers/howaboutthat/3073282/Brummie-accent-voted-least-cool-in-Britain.html> (дата обращения: 25.12.2019).

Johnston P. Majority of Britons think they are middle class, poll shows // The Daily Telegraph, 2010. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/7121946/Majority-of-Britons-think-they-are-middle-class-poll-shows.html> (дата обращения: 03.03.2020).

Jones O. Chavs: The Demonization of the Working Class. – London: Verso, 2012. – 300 p.

Language and Discourse of Social Media. New Challenges, New Approaches. Special issue of *Altre Modernità*. I–X, 1–168 / Demata M., Heaney D. & Herring S. C. (eds.), 2018. – P. 1–188. URL: <https://riviste.unimi.it/index.php/AMonline/issue/view/1310> (дата обращения: 25.06.2021).

Language myths / L. Bauer, P. Trudgill (eds.). – Penguin UK, 1998. – 208 p.

Lee D. Competing Discourses: Perspective and Ideology in Language. – Routledge: Taylor & Francis, 2013. – 224 p.

Leech G. N. Principles of Pragmatics. – Londres: Longman, 1983. – 250 p.

Leith D. A Social History of English. – New York: Routledge, 1997. – 269 p.

Lippmann W. Public Opinion. – New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 1991. – 427 p.

Lyle S. A. (Mis)recognition and the middle-class/bourgeois gaze: A case study of Wife Swap // *Critical Discourse Studies*, 5:4. – 2008. – P. 319–330.

Macdonald M. The 'Otherness' of Scottish Art: a Systemic Difficulty? 2012. [Электронный ресурс] URL: <https://murdomacdonald.wordpress.com/the-otherness-of-scottish-art-a-systemic-difficulty-2012/> (дата обращения)

MacMillan D. Scottish Art 1460–1990. – Trafalgar Square, 1992. – 432 p.

McQuail D. McQuail's Mass Communication Theory. 5th ed. – London: SAGE Publications, 2005. – 608 p.

Mitford N. (ed.) Noblesse oblige. – London: Hamish Hamilton, 1956. – 114 p.

Morrison J. Painting the Nation, Identity and Nationalism in Scottish Painting, 1800–1920. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. – 256 p.

Mugglestone L. Shaw, Subjective Inequality, and the Social Meanings of Language in Pygmalion // *The Review of English Studies* / Oxford University Press. – 1993. – Vol. 44. – № 175. – P. 373–385.

Preston D. R. Folk linguistics and language awareness // *The Routledge Handbook of Language Awareness*. – Routledge, 2017. – P. 375–386.

Preston D. R. Folk linguistics and language awareness // *The Routledge Handbook of Language Awareness*. – Routledge, 2017. – С. 375–386.

Quasthoff U. M. Social prejudice as a resource of power: towards the functional ambivalence of stereotypes // Wodak R. (ed.), *Language, power and ideology. Studies in political discourse*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1989. – P. 181.

Redeker G. Ideational and pragmatic markers of discourse structure // *Journal of Pragmatics*. – 1990. – 14. – P. 367–381.

Robson D. How important is social class in Britain today? // The BBC, 2016. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20160406-how-much-does-social-class-matter-in-britain-today> (дата обращения: 03.03.2020).

Ross A. S.C. Linguistic class-indicators in present-day English // *Neuphilologische Mitteilungen* (Helsinki). – 1954. – Vol. 55. – P. 113–149.

Rubinstein R. Where Is the Audience for Art Criticism Now? URL: <https://www.artnews.com/art-in-america/features/where-is-the-audience-for-art-criticism-now-63661/> (дата обращения:).

Saltz J. Seeing Out Loud: The Village Voice Art Columns, Fall 1998 Winter 2003, Great Barrington, Mass., *The Figures*, 2003. – 410 p.

Schiffrin D. Discourse markers. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1987. – 364 p.

Schweinberger M. The discourse marker LIKE: a corpus-based analysis of selected varieties of English. Dissertation zur Erlangung des Grades des Doktors der Philosophie. – Hamburg: Universität Hamburg, 2014. – 544 p.

Searle J. R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. Academic Press. – 1975. – Vol. 3. – P. 59–82.

Searle J. R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.

Skeggs B. Feeling Class: Affect and Culture in the Making of Class Relations // The Wiley-Blackwell Companion to Sociology. Ritzer G. (Ed.). Oxford: Blackwell, 2012. – P. 269–286.

Snell J. Dialect, interaction and class positioning at school: From deficit to difference to repertoire // Language and Education, 27:2, 2013. – P. 110–128.

Stirton P. Notes Towards a Historiography of Modern Scottish Art // Journal of the Scottish Society for Art History, Scottish Society for Art History. – 2007. – Vol. 12.

Tajfel H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 384 p.

Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Key readings in social psychology. Political psychology: Key readings. Jost J. T., Sidanius J. (eds.) // Psychology Press, 2004. – P. 276–293.

Tomida H. The History and Development of the English Class System // Seijo English monographs. – 2012. – 43. – P. 271–300.

Vaughan T. Multimedia: Making It Work. – New York: McGraw-Hill Education, 2011. – 465 p.

Walton D., Krabbe E. C. Commitment in dialogue: Basic concepts of interpersonal reasoning. – Albany, NY: SUNY press, 1995. – 236 p.

Which class Brits identify as // YouGov, 2019. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/trackers/which-class-brits-identify-as> (дата обращения: 03.03.2020).

Wodak R. Language and Ideology – Language in Ideology // Journal of Language and Politics. – 2007. – Vol. 6. – № 1. – P. 1–5.

Young J. O. Art and the Educated Audience // The Journal of Aesthetic Education. – 2010. – Vol. 44. – № 3. – P. 29–42.

Словари

Пави П. Словарь театра. – М.: Прогресс, 2003. – 516 с.

Barnhart R. and Barnhart C. The Dictionary of Neologisms // Worterbucher. Dictionaries. Dictionnaires. An International Encyclopedia of Lexicography / Ed. F. J. Hausmann, O. Reichmann, H. E. Wiegand, L. Zgusta. – New-York, Amsterdam, Berlin. – 1989. – Vol. 1.

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИСТИКА:
ЯЗЫКОВАЯ ПАЛИТРА КУЛЬТУРЫ

Под общей редакцией Е. Г. Хомяковой

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ: № 236. Подписано в печать: 2312.2021. Бумага офсетная.

Формат: 60x84^{1/16}. Объем 12,5 п.л. Тираж: 300 экз.

СПб., 191015, а/я 83, тел. (812) 685-73-00, 970-35-70

asterion@asterion.ru